

Акунов Вольфганг

История Тевтонского ордена

В.В. Акунов

• История орденов и тайных обществ •

История Тевтонского ордена

Автор выражает благодарность А. Кибовскому, Л. Маневичу и А. Шестакову, оказавшим ему неоценимую помощь при написании этой книги

Моей дочери Марии

*Помни, Мария, слова всеблагие:
Семя Жены сотрет главу змия.*

*Там, куца заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...*

Наталья Кончаловская. Наша древняя столица

В этом замке был один брат, который, будучи обманутым кознями дьявола, воистину полагал, что в ордене дома Тевтонского он не может обрести спасения души, затаив в сердце своем желание вступить в более строгий орден. После этого он увидел во сне святого Бернарда, Доминика, Франциска, Августина, шедших во главе своих братьев, и он, обращаясь к ним, слезно просил, чтобы они приняли его в братство, а они один за другим отказывали. Самой же последней шла Пресвятая Дева Мария со многими братьями дома Тевтонского; он начал смиренно умолять ее, прося, чтобы она позволила ему, по крайней мере, остаться в товариществе братьев своих. Сказала ему Пресвятая Дева: «Это невозможно, ибо тебе кажется, что орден твой настолько нестрог, что нет в нем ничего, что ты согласно желанию твоему мог бы претерпеть». И, снимая плащи с каждого из братьев, она показала раны, которые были нанесены язычниками и от которых они погибли ради защиты веры; и сказала: «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?» И с этими словами видение исчезло. И этот брат, проснувшись и придя в себя, пошел в собор, где собрались братья; и то, что раньше легкомысленно открыл им о намерении своем, теперь, как мудрый и искушенный, смиренно отвергая как ошибочное, всем поведал о видении, явившемся ему. Этот брат, следуя по пути служения Богу, вскоре после того был убит язычниками.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской

«ПСЫ-РЫЦАРИ» ИЛИ «БОЖЬИ ДВОРЯНЕ»?

Немецкому ордену (Deutscher Orden) Пресвятой Девы Марии, более известному у нас под его другим названием — Тевтонского (а также под совершенно фантастическим названием «Ливонский орден», никогда в истории не существовавший), в отечественной историографии, а пуще того — беллетристике и кинематографии, не говоря уже о творениях славной когорты советских журналистов-международников, прямо скажем, не повезло. Что там «латы с черными крестами»! В изданном не так давно учебном пособии по российской истории под редакцией известного советского профессора, историка и публициста Н. Яковлева (ныне покойного), рыцари Тевтонского ордена наступают по льду Чудского озера аж под... черным знаменем с белым черепом и костями! Вот, оказывается, насколько запал многим «бывшим советским» в душу известный эпизод из незабвенного фильма «братьев»

Васильевых «Чапаев»! Как же — как же, «фашистский стиль», архетип врага и все такое прочее...

С детства почти всем знакомо выражение «псы-рыцари», которым заклеил тевтонов борец за свободу мирового пролетариата тов. Карл Маркс. Хотя в русских летописях и житиях благоверных князей — например, в «Житии Александра Невского» — этих «псов» именовали куца уважительней — «Божии дворяне», «слуги Божии», «Божии риторы», то есть «Божии рыцари».

При слове «тевтонский» сразу невольно напрашивается ассоциативный ряд — «псы-рыцари», «Ледовое побоище», «железная свинья», «проклятые крыжаки», «колыбель агрессивного прусско-юнкерского государства» и, конечно же, — «предтечи германского фашизма» (последний аспект ассоциативного ряда наиболее ярко проявился в «Автобиографии» знаменитого советского поэта-«шестидесятника» Е. Евтушенко, на страницах которой он изливался в своей ненависти к немецким рыцарям-тевтонам, несшим на своих щитах «крест — предтечу гитлеровской свастики»). Этот набор штампов при желании можно было бы продолжать до бесконечности. Некоторые горе-публицисты договариваются даже до того, что «немецкие рыцари ордена Девы Марии», якобы «ходившие на Православные земли под чернобелым знаменем тамплиеров» (?! — В.А.), в свою очередь, якобы «стоявших у истоков Тевтонского ордена» (?! — В.А.), встретили «в степях» (Забайкалья?! — В.А.) и «направили на Русь воевавшего в Средней Азии Чингисхана» (?! — В.А.), чей «черно-белый штандарт удивительно походил на тамплиерский» (?! — В.А.).

Для справки: у Чингисхана было «девятибунчужное» белое знамя (с изображением серого кречета, держащего в когтях черного ворона), украшенное, по мнению одних исследователей, девятью черными хвостами яков, а по мнению других — например, Ю. Рериха, сына знаменитого художника-теософа, — девятью белыми лошадиными хвостами.

О тамплиерском знамени «Босеан» известно, что оно представляло собой полотнище черно-белое двух- или многополосное полотнище (или же полотнище в черно-белую клетку, наподобие шахматной доски, — на этом основании один из наших «православных конспирологов» — ныне покойный Ю. Воробьевский, мир праху его! — не замедлил объявить «преемниками тамплиеров»... хорватских националистов-ушастей доктора А. Павелича, невзирая на то что их «шахматное» знамя и «шахматный» герб были не черно-белыми, как у храмовников, а черно-красными). А знаменем Тевтонского ордена служило полотнище с образом Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Христом на руках либо же белая хоругвь с черным крестом (первоначально же — простое белое полотнище безо всяких изображений — в знак чистоты веры и помыслов собравшихся под ним рыцарей-монахов). Вот и судите сами, дорогие читатели, о существовавшем между ними «удивительном сходстве»...

«УЖ НЕ ЧЕРТ ЛИ ЭТОТ ВРАГ?»,

ИЛИ ПРЕДСТАВЛЯЛ ЛИ ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН РЕАЛЬНУЮ УГРОЗУ ДЛЯ РУСИ И ПРАВОСЛАВИЯ?

Под пером «энтузиастов» и «популяризаторов» отечественной истории бои сугубо местного значения под Псковом и Изборском, стычки — пусть кровопролитные, но буквально переполняющие историю средневековой Европы эпохи феодальной раздробленности, эпохи войны «всех против всех», — превращаются в оборону всей обескровленной татаро-монголами Руси от натиска римско-католической (то есть универсалистской, космополитической и направленной на объединение всего христианского мира под верховной властью римских пап) и в то же время (вот необъяснимое противоречие!) немецко-феодальной (то есть сугубо национальной и — с учетом смертельной вражды между римскими папами и тогдашними германскими императорами, доходившей до отлучения последних — например, Генриха IV или Фридриха II Гогенштауфенов — папами от церкви! — антипапской) агрессии.

А если учесть, что в тогдашнюю «Германию», то есть «Священную Римскую империю германской нации» (отнюдь не являвшуюся в действительности, по меткому выражению одного современника, повторенному впоследствии тов. Карлом Марксом, ни «священной», ни «римской», ни «империей», ни — добавим мы от себя — «германской» в современном понимании этого слова!), входили добрая половина Италии и Франции, Бургундия, Сицилия, Неаполь, Нидерланды, Чехия, Силезия и прочая и прочая, что в походах-рейсах (рейзах, райзах, нем. Reisen) Немецкого ордена против язычников столетиями принимали участие уроженцы всех стран Европы — начиная от моравского маркграфа, австрийского герцога и чешского короля (все — в одном лице!) Оттокара (Отакара) II Пшемисла, именно в честь которого был назван основанный им в середине XIII в. в Пруссии город Кенигсберг (нынешний Калининград), и кончая английским принцем Генрихом Дерби, позднее взошедшим на британский престол под именем Генриха IV

Ланкастерского, — то о каком агрессивном немецком национализме можно было вообще в тот период говорить?

В крестовом походе Немецкого ордена зимой 1344 г. против языческой Литвы, к примеру, участвовали король Богемии (Чехии) Иоанн Люксембургский, король Венгерский, граф Голландский, герцог де Бурбон, бурграф Нюрнбергский, граф Голштинский (Гольштейнский), чешские, силезские, моравские, австрийские и шотландские рыцари и многие другие. С другой стороны, всегда ли верно изображать Господина Великого Новгорода — оплот весьма сомнительной, хотя и усердно воспевавшейся, в частности, декабристами вечевой «свободы» (а говоря по-простому — «кто кого перекричит»; да и «вечевых горланов» — профессиональных крикунов — можно было без особых церемоний перекупить за деньги, так что торговля думскими голосами является отнюдь не изобретением нашего времени!) неким щитом, якобы прикрывавшим всю Русь с запада, от натиска «агрессивного римского католицизма». Это Новгород-то, изначально бывший не только источником постоянных и направленных всегда на подрыв власти общерусского великого князя, где бы он ни сидел — в стольном ли Киеве, Владимире, Суздале, Твери или Москве! — кровавых смут, но и, самое главное, лютых ересей! Стригольники, жидовствующие и прочие еретики — все они расползались по Святой Руси не откуда-нибудь, а именно из славного Новгорода и другой «северной республики» — Пскова (высокомерно именуемого новгородцами своим «посадам», а говоря по-нашему — «пригородом»)!

Новгород постоянно враждовал с Псковом. Хорош защитник русской государственности и Православной веры, который даже свою долю дани татаро-монголам отдавал очередному общерусскому великому князю лишь ценой большой крови и постоянно интриговал против каждого великого князя Владимирского, натравливая на него других князей, подкупленных новгородским «заволочским» серебром! Этому безобразию был положен конец только великим государем Московским и всея Руси Иоанном III, в результате двух войн силой (причем при активной поддержке другого «ревнителя свободолюбивых вечевых традиций Северной Руси» — упомянутого выше «новгородского посада» Пскова!) усмирившим и подчинившим своей державной воле вконец запутавшийся в собственных интригах Господин Великий Новгород. А окончательно вбил осиновый кол в гроб этого оплота «вечевых свобод» и ересей царь Иоанн Васильевич Грозный, верховный магистр ордена православных опричных рыцарей, выступивший, промыслительно (как это ни покажется кому-то странным), в роли «мстителя» за разгром новгородским войском войска другого христианского рыцарского ордена на (или, по мнению иных историков, при) Чудском озере пятью столетиями ранее!

Что касается «дружеских уз», существовавших, по мнению иных горе-историков, между рыцарями Святой Девы Марии и татаро-монголами, которым они якобы служили чем-то вроде проводников, то наглядным свидетельством этой «нерушимой дружбы» может служить хотя бы битва под Лигницей (Вальштаттом) в 1241 г., в которой силезский князь Генрих

Благочестивый со своими польскими и немецкими рыцарями — главным образом, иоаннитами, тамплиерами и тевтонскими «кавалерами Пресвятой Девы Марии» — пал под татарскими стрелами и саблями, но преградил туменам Батыя дальнейший путь на Запад! А в 1389 г. тевтонские «псы-рыцари» в союзе с литовским князем Александром-Витаутасом (Витовтом) и православными русскими князьями (в том числе и знаменитым воеводой Дмитрия Донского — Дмитрием Боброком-Волынцем, фактическим победителем ордынского войска Мамай на поле Куликовом девятью годами ранее!) сразились на Ворскле с татарской ордой хана Едигея и своей кровью засвидетельствовали верность вере Христовой!

Что же касается великой победы объединенного «славянского» (добрую половину которого, впрочем, составляли жмудь, литовцы, армяне, караимы и опять-таки татарские орды!) войска над «проклятыми крыжаками» под Танненбергом (Грюнвальдом), то ведь именно после этой «великой победы над общими врагами всего славянства» объединенные «братья-славяне», католики-поляки и литвины стали с удвоенной силой теснить «своих», западнорусских, православных «братьев-славян», и в то же время регулярно ходить огнем и мечом на Москву, пока дело не дошло до лжедмитриев, тушинских воров и Семибоярщины. Такой угрозы Тевтонский орден для Руси не представлял никогда. Наоборот, именно тевтонские рыцари, вывезенные русскими из завоеванной Ливонии, стояли у истоков создания Иваном Грозным с целью укрепления Российского государства первого в нашем Отечестве военно-рыцарского ордена — опричнины! Но об этом мы почему-то забываем, хотя это не секрет. Гораздо лучше западают в память, например, такие строки из любимой всеми нами в детстве книжки Н. Кончаловской «Наша древняя столица» (для пущей убедительности процитируем ее ниже несколько подробнее, чем в эпиграфе):

*Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.
Плохо было людям нашим
За ливонским рубежом...
Враг-то, видно, чародей,
Не похожий на людей!
Уж не черт ли этот враг?
Не возьмешь его никак!*

(«О краях твоих законных, о врагах твоих исконных»)

Впрочем, не станем далее «растекаться мыс(л)ью по древу», а только заметим себе, что пришла, наверное, пора отказаться от некоторых, хотя бы самых заскорузлых, штампов и попытаться трезво, без эмоций, разобраться, что это все-таки были за страшные «псы-рыцари», «не похожие на людей».

БЫЛ ЛИ ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН ФОРПОСТОМ ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ?

После взятия мусульманами христианского порта-крепости Аккон (Сен-Жан д'Акр) в 1291 г., сделавшего невозможным дальнейшее пребывание руководства Тевтонского ордена в Святой земле, ему пришлось перенести свою резиденцию сперва на остров Кипр, затем в Венецию, в Венгрию (точнее, Трансильванию, или Седмиградье) и, наконец, в языческую

Пруссию (Боруссию, или Самбию), куда переместился основной центр могущества ордена и орденских владений. Будучи основан в конце XII в. крестоносцами в Святой земле и со временем распространив свою деятельность на Трансильванию, Пруссию и Ливонию, Тевтонский орден сражался там против язычников (половцев, пруссов, куршей, леттов, ливов и эстов), начиная с 1231 г. Именно на этих территориях, именовавшихся, подобно Русской земле, Уделом Пресвятой Богородицы (Терра Мариана), ему удалось, в отличие от Палестины, Сирии, Киликии и Греции, закрепиться «всерьез и надолго».

Начиная с 1309 г. замок, а затем — город Мариенбург (что по-немецки означает «град Пресвятой Девы Марии») или, по-польски Мальборк (что — увы! — ровным счетом ничего не означает ни по-польски, ни на каком другом языке), стал резиденцией верховного магистра одноименного ордена и центром комплекса владений, который получил у историков название «Немецкого орденского государства», хотя он не являлся, как мы увидим, ни немецким, ни государством в современном понятии этого слова. Это расположенное — главным образом — в Пруссии и Ливонии, то есть за пределами тогдашней Германии (упоминавшейся нами выше Священной Римской империи германской нации, именовавшейся в описываемое время чаще всего просто Римской империей), и потому фактически абсолютно независимое от тогдашнего (во многом чисто номинального) «главы» этой «империи» (который даже и на «своих», то есть — пусть даже чисто формально! — входивших своими владениями в империю германских князей не имел почти никакого влияния, будучи лишь «первым среди равных» и даже не имея в Германии постоянной столицы — столицей считался далекий Рим!) орденское государство, несмотря на свои своеобразные структуры и на то обстоятельство, что первоначальная задача ордена Девы Марии заключалась исключительно в уходе за больными, борьбе с язычниками и военной защите христианских миссионеров, с течением времени превратилось — в Восточной Европе — в феодальное государство, по сути дела, мало отличавшееся от соседних и втянутое в типичные межгосударственные конфликты, связанные с взаимной экспансией всех этих конкурировавших между собой на международной арене государств.

Именно в этих конфликтах, в особенности с Польшей и Литвой (но уж никак не с Древней Русью!), и заключалась одна из важнейших (хотя и далеко не единственная!) причин позднейшей гибели этого прусско-ливонского государства тевтонских рыцарей, силы которого были подорваны пришедшей из Германии антикатолической Реформацией, окончательно прекратившего свое существование в 1525 г. после того, как Тевтонский орден еще в 1466 г. был вынужден уступить Польше свои наиболее богатые владения в Пруссии.

В 1525 г. произошла секуляризация остатков прусского орденского государства — его последний глава, верховный магистр (гохмейстер) Альбрехт Бранденбургский из рода Гогенцоллернов, тайно приняв лютеранство, объявил себя герцогом Прусским, присягнул на верность своему родному дяде — польскому королю — и получил от него прусские земли Тевтонского ордена в качестве лена. Это принесение присяги сопровождалось кощунственной, с точки зрения любого нормального христианина, церемонией — сам Альбрехт и сопровождавшие его орденские рыцари широким жестом сорвали со своих белых плащей черные кресты и швырнули их наземь. Но, видимо, все собравшиеся, включая короля и магистра, уже настолько прониклись великими гуманистическими идеями «титанов Возрождения», что не нашли в этом всенародном поругании Святого Креста ничего предосудительного! Именно так — откровенно воровским образом! — появилось первое в континентальной Европе протестантское государство.

Дошедший до нас прижизненный портрет Альбрехта Бранденбургского, кстати, наглядно демонстрирует нам, насколько размытыми в сознании этого узурпатора и типичного человека эпохи Ренессанса были заложенные в пору развитого Средневековья христианско-рыцарские основы, на которых зиждился возглавляемый им — в силу роковой исторической случайности! — древний орден. Гохмейстер Альбрехт изображен на портрете в белом плаще

с черным крестом, то есть в орденском облачении рыцаря-тевтона, но... со светским бранденбургским орденом Лебедя на шее — вещь, совершенно невозможная в классическую средневековую эпоху, когда орден воспринимался не в качестве награды, которую можно было получить, а в качестве организации, в которую можно было вступить и в ней состоять.

В начальный, «классический» период существования духовно-рыцарских орденов рыцарь (как и всякий иной член ордена — священник, сержант-сариант, полубрат, фамилиар — обо всех этих орденских сословиях мы еще подробнее расскажем далее) мог принадлежать только к одному ордену, вступление одновременно в какой-либо иной орден было просто немыслимо (как военная служба одновременно в армиях двух разных государств). Даже переходы из одного ордена в другой были чрезвычайно редким явлением. Но, как видно, ко времени, когда Альбрехт совершил в Пруссии государственный переворот, совсем другие идеи завладели умами. Впрочем, своеобразным напоминанием о «монашески-рыцарском» прошлом новоявленного светского герцога Прусского служило золотое изображение Пресвятой Богородицы (покровительницы Тевтонского ордена) с Богомладенцем Иисусом на руках, служившее верхней частью подвешенного к орденской цепи медальона (нижнюю часть образовывало изображение Лебедя).

Уцелевшие в своих анклавах на территории Германии тевтонские рыцари долго протестовали против этого грабежа среди бела дня и убедили императора Карла I Габсбурга, защитника римско-католической веры, хотя и большого недруга папы, поставить Альбрехта Гогенцоллерна вне закона. Однако по всей Священной Римской империи германской нации бушевали религиозные войны, и в ней не нашлось силы, способной заставить узурпатора вернуть Тевтонскому ордену незаконно отторгнутые у него владения. Орден официально так и не смирился с потерей Пруссии. Более того, когда руководство им позднее перешло в руки принцев из католической австрийской династии Габсбургов, австрийские императоры (являвшиеся одновременно императорами Священной Римской империи) долго не признавали за потомками Альбрехта фон Гогенцоллерна право именоваться «королями Пруссии» (*нем.* Koenige von Preussen), упорно именуя их лишь «королями в Пруссии» (*нем.* Koenige in Preussen).

В 1561 г. орден потерял и свои земли в Ливонии, первоначально завоеванные в ходе Ливонской войны победоносными войсками благоверного православного Государя Иоанна Васильевича Грозного, а затем отвоеванные у Московского государства и разделенные между собой Швецией, Данией и Польско-Литовским государством — Речью (правильнее: Жечью) Посполитой. Отдавший под их защиту последний геер-мейстер (войсковой магистр) — наместник гохмейстера Тевтонского ордена в Ливонии — Готтгард фон Кеттелер (Кеттлер, Кетлер) — сохранил за собой часть бывших орденских владений в Курляндии и Семигалии (Земгалии), превратив их в свое собственное светское Курляндское герцогство, о чем мы уже сообщали выше. Но об этом позже. Будем излагать события по порядку.

АККОНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

При римско-германском императоре Генрихе VI Гогенштауфене Священной римско-германской империи удалось подчинить себе, после Англии, остров Кипр, в знак чего император Генрих прислал Амори де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалимскому, скипетр, с которым последний короновался королем Кипрским в Никосии в 1197 г. Фактически и юридически это означало (как уже было указано выше) подчинение не только Кипра, но и Иерусалимского королевства Священной Римской империи германской нации, в вассальной зависимости от которой находилась и Армения (Киликия). Но немецкое влияние стало возрастать и в самой Святой земле. Последнее было связано с основанием и деятельностью там Тевтонского ордена.

В истории возникновения Тевтонского ордена можно усмотреть немало параллелей с историей возникновения ордена госпитальеров (который тогда нередко называли просто

«Госпиталем», нем. Шпиталь). Еще в правление умершего в 1118 г. короля Иерусалимского Балдуина I (Балдуина древнерусских летописей и «Хожения в Святую землю» игумена Даниила) некий «проживавший в Святом граде тевтон (немец) основал странноприимный дом для немецких паломников, вскоре достигший, благодаря многочисленным пожертвованиям, значительного благосостояния». Однако этот Тевтонский (Немецкий) странноприимный дом не был самостоятельным, а считался филиалом иоаннитского Госпиталя, отличаясь от него лишь тем, что функции странноприимцев в нем выполняли только служащие братья из Германии. Их попытка добиться независимости своего госпиталя от иоаннитов, не была одобрена папой римским Целестином II (1143—1144), специальным указом признавшим справедливым подчинение Немецкого дома магистру Госпиталя иоаннитов и даровавшим иоаннитскому магистру право назначать приоров немецких странноприимцев. Конец существованию Тевтонского странноприимного дома в Иерусалиме положила катастрофа 1187 г. — разгром армии Иерусалимского королевства и взятие Святого града Иерусалима султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) из династии Эйюбидов.

Епископ Акконский Иаков (Жак) де Витри (1216—1224) в своей «Иерусалимской истории» (*Historia Hierosolimitana*) писал о возникновении Тевтонского ордена следующее:

«Когда Святой град начал вновь заселяться после его освобождения христианами, то многие тевтоны (немцы, — *В.А.*), или аллеманы, стали, в качестве паломников, прибывать в Иерусалим, но не могли объясняться с жителями города на своем языке. И тогда Божественное милосердие побудило некоего достопочтенного, благочестивого тевтона (немца. — *В.А.*), проживавшего в этом городе со своей супругой, на собственные средства основать странноприимный дом (госпиталь. — *В.А.*) для размещения в нем бедных и больных тевтонов. И когда туда, привлеченные звуками родного языка, стали стекаться его многочисленные бедные и больные единоплеменники, он, по воле и с согласия Патриарха, наряду с вышеупомянутым странноприимным домом, основал и ораторий (молитвенный дом. — *В.А.*) во славу Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Долгое время нес он безропотно бремя тягот содержания бедных больных, частью на собственные средства, частью за счет добродетельных деяний благочестивых верующих.

Иные, в особенности из числа народа тевтонов (немцев), отрекшись от мира и всего, что в мире, привлеченные любовью и рвением сего мужа, отдали все свое имущество и самих себя вышеупомянутому госпиталю, сложили с себя мирское платье и всецело посвятили себя служению больным. Когда же, с течением времени, наряду с благочестивыми мужами низкого звания, обет служения в вышеупомянутом госпитале начали приносить и мужи рыцарского и благородного звания, они сочли приятным в очах Господа, достойным и еще более заслуженным делом не только служить больным и убогим, но и каждодневно жертвовать своей жизнью во имя Христа и, защищая Святую землю, вести за Христа не только духовную, но и телесную брань. И потому они, не отказываясь от вышеупомянутого, угодного в очах Господа ухода за больными, приняли правила и законы Храма (то есть ордена тамплиеров. — *В.А.*), но, в отличие от храмовников, прикрепили на свои белые плащи черные кресты. И поскольку они по сей день пребывают в бедности и благочестивом рвении, то да удержит их милосердный Господь вдали от раздувающего гордыню, вызывающего ссоры, умножающего заботы и умаляющего рвение богатства».

В действительности Тевтонский орден, полное название которого приводилось в разных источниках по-разному: «орден рыцарей госпиталя Святой Марии Немецкого Дома», «орден рыцарей госпиталя немцев в Иерусалиме» или «орден братьев Немецкого госпиталя Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме», третий по времени основания, известности и могуществу духовно-рыцарский католический орден, был учрежден во время осады портового города Аккона (библейского Аккарона, носившего в разные периоды своей многовековой истории и другие названия — Акко, Акка, Птолемаида, Акра, Сен-Жан д'Акр) в Святой земле в 1190 г., в период Третьего крестового похода. Его основателями были

крестоносцы из северогерманских ганзейских городов, в том числе из Бремена и Любека, избравшие своим главой некоего Сибранда (Сигибранда, Зибранда, Зигибранта или Зигебранда), о котором, впрочем, не известно ничего, кроме имени. Иные историки даже полагают, что этот Сибранд был вовсе не первым главой исторического Тевтонского ордена, основанного под стенами Аккона, а ректором (предстоятелем) немецкого странноприимного братства, учрежденного под патронатом ордена госпитальеров Святого Иоанна в Иерусалиме и прекратившего свое существование после захвата Святого града султаном Саладином в 1187 г.

Между этим зародышем позднейшего духовно-рыцарского Тевтонского ордена и этим позднейшим орденом, по мнению многих исследователей, не существовало никакого преемства. Впрочем, историки самого Тевтонского ордена всегда утверждали обратное (отрицая в то же время утверждения историков ордена Святого Иоанна о зависимости иерусалимской тевтонской странноприимницы от тамошнего иоаннитского госпиталя). Как бы то ни было, исторический Тевтонский орден, основанный (или восстановленный) в 1190 г. под стенами Аккона, первоначально также представлял собой братство гостеприимцев, или странноприимцев (наподобие Иерусалимского братства госпитальеров-иоаннитов), и содержал госпиталь, размещавшийся первоначально на борту вытасченного на берег корабля, а затем — в нескольких парусиновых палатках для больных и раненых, раскинутых под открытым небом.

После взятия города крестоносцами «тевтонские» госпитальеры получили в свое распоряжение каменный странноприимный дом — нечто вроде гостиницы или постоялого двора, где нуждавшиеся в помощи всякого рода крестоносцы и просто паломники получали бесплатно пищу, кров и первую медицинскую помощь. Подобно названиям других сходных благочестивых объединений той эпохи, название братства странноприимцев-тевтонов (как только их не называли в последующие времена — «немецкие господа», «господа Немецкого Дома», «круциферы», «круцисигнати», «кавалеры Святой Марии», «мариане», «марианцы» или просто «крестоносцы»), следовавших первоначально уставу ордена Святого Иоанна (что может быть, при желании, расценено как косвенное свидетельство в пользу их первоначальной зависимости от Иерусалимского госпиталя иоаннитов), указывало на их неразрывную связь со Святым градом Иерусалимом как идейным центром всех крестоносцев.

Избрав небесной покровительницей своего благочестивого братства Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию, они, хотя и основали свой первый госпиталь не в Святом граде, а в пригороде Аккона — морских ворот Палестины и главнейшего оплота воинов Христовых в Святой земле, тем не менее называли его «Немецкий (Тевтонский) странноприимный дом Пресвятой Девы Марии, что в Иерусалиме», дав аналогичное название и самому своему госпитальерскому братству. Жили они в большой бедности, питаясь «хлебом смирения и водой сердечного сокрушения», «об одежде и пище пеклись лишь настолько, насколько это было жизненно необходимо». Избрав истинную нищету, они отказались от собственных желаний; и так во имя Христа они связали жизнь свою с разными бесчисленными неудобствами, опасностями, заботами, тревогами. По словам брата Петра из Дусбурга, летописца Тевтонского ордена, «...из холщовых мешков, в которых по морю перевозилась для них мука, делали они холщовые одежды, в которые с радостью одевались». Перед возвращением из Палестины на родину купцы — основатели тевтонского странноприимного братства поручили свой госпиталь заботам двух спутников знатного германского крестоносца герцога Фридриха Швабского, сына римско-германского императора, — его капеллану (священнику) Конраду и камерарию (камергеру, то есть ключнику) Буркхарду.

Сам герцог Фридрих Швабский взял новое благочестивое братство (к которому стало постепенно примыкать все больше воинов, в том числе и рыцарей, для охраны немецких странноприимцев от набегов сарацин — этим собирательным названием, происходившим от

названия одного из арабских племен, крестоносцы обозначали всех мусульман, как арабо-, так и тюркоязычных) под свое покровительство и наилучшим образом рекомендовал его своему брату, императору Генриху VI. Благодаря его стараниям братство было официально признано папой римским Климентом III, а его признание, в свою очередь, подтверждено 21 декабря 1196 г. папой Целестином III. Но уже по прошествии всего 8 лет со дня основания, в 1198 г., это немецкое странноприимное братство было — по примеру других орденов крестоносцев, например тех же иоаннитов, с согласия двух старших рыцарских орденов — храмовников-тамплиеров (темплиариев) и иоаннитов-госпитальеров (госпиталиариев) — преобразовано в рыцарский союз и в качестве такового официально признано папой Иннокентием III буллой от 19 февраля 1199 г. Папа (а точнее говоря, антипапа, возведенный на римский престол волей германо-римского императора) Григорий III (1191—1198) в 1196 г. даровал новому сообществу обычные привилегии, предоставляемые всем орденам. Превращение братства в рыцарский орден произошло весной 1198 г. на собрании в акконском орденском Доме тамплиеров. 11 епископов и 9 светских германских имперских князей, пребывавших в Акконе в связи с крестовым походом императора Генриха VI, встретились там с великими магистрами тамплиеров и иоаннитов. Согласно их решению, Тевтонский орден должен был отныне руководствоваться в отношении клириков (священников), рыцарей и прочей братии уставом (правилами) тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными — правилами иоаннитов.

Магистром тевтонов был избран (или назначен) брат-рыцарь Немецкого ордена Генрих Вальпот (Вальпото). Правда, в официальной орденской историографии основателем Тевтонского дома по традиции считается упомянутый нами выше Сибранд (или Зигибранд), о котором, в сущности, не известно ничего, кроме имени. Некоторые историографы идентифицируют таинственного Сибранда с иерусалимским «благочестивым тевтоном», упоминаемым Иаковом де Витри. Последнее представляется неосновательным, тем более что не существует никакой уверенности в наличие прямой преемственности между Тевтонским странноприимным домом в Иерусалиме, скорее всего, навсегда прекратившим свое существование и деятельность после захвата города сарацинами после битвы при Хиттине в 1187 г., и Тевтонским орденом, учрежденным в Акконе в 1198 г. (хотя летописцы последнего по сей день пытаются создать впечатление, будто такая преемственность существует!).

Именно поэтому иные историки ведут отсчет истории Тевтонского ордена не с 1190, а с 1198 или с 1199 г. Наряду с тремя монашескими обетами нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания новый орден включил в свой первоначальный (иоаннитский) устав тамплиерский обет неустанно ратоборствовать за обращение язычников в Христову веру и получил в качестве облачения (*habitus*) для братьев-рыцарей тамплиерский белый плащ (что вскоре послужило пищей для раздоров с храмовниками), но с черным крестом (вместо тамплиерского красного креста) на левом плече (а если быть точнее, то напротив сердца).

Папы римские обосновали свое решение тем, что различие нашитых на общих для обоих орденов белых плащах эмблем (красного креста у тамплиеров и черного креста у тевтонов) не позволяет путать ордены друг с другом. Вероятно, первоначально рыцари-монахи обоих орденов носили белые плащи без каких бы то ни было эмблем. Косвенным свидетельством этого является следующий подтвержденный сохранившимися иллюстрациями факт: знамя Тевтонского ордена первоначально представляло собой простое белое полотнище без каких бы то ни было изображений — в знак чистоты помыслов и целомудрия членов ордена.

Конфигурация тевтонского креста на протяжении многовековой истории Немецкого ордена неоднократно видоизменялась, пока не приняла характерную «лапчатую» форму с расширяющимися концами, опять-таки подобно кресту храмовников-тамплиеров. Эти расширения, дарованные папой тамплиерам, отличившимся при взятии сарацинской крепости

Аскалона, на концы их орденского креста символизировали «иерихонские трубы» (в знак того, что перед доблестью Христовых рыцарей не устояли стены Аскалона, как не устояли стены ветхозаветного Иерихона при звуках труб воинства библейского пророка и одного из «семи мужей славы» Иисуса Навина).

К 1220 г. Тевтонский орден уже имел 12 комтурств (командорств) в Палестине, Греции, на юге Италии и в Германии. Однако в самой Святой земле все наиболее важные крепости и земли уже находились в руках учрежденных прежде орденов тамплиеров-храмовников и госпитальеров-иоаннитов. Поэтому Тевтонский орден оставался сравнительно бедным и небольшим.

Первоначально орден Святой Девы Марии Тевтонской сконцентрировал свои основные силы в княжестве Антиохии и графстве Триполи. Однако после гибели большинства братьев-рыцарей и самого гохмейстера от рук сарацин в ходе военной кампании 1216 г. штаб-квартира тевтонов была перенесена в крепость Монфор (Штаркенберг), а затем — в Аккон. Принадлежавшая Тевтонскому ордену Немецкая башня (*лат.* Туррис Аламанорум) считалась самым мощным оборонительным сооружением Аккона, превосходя в фортификационном отношении даже тамошний укрепленный Храм тамплиеров (по их собственному признанию и к их величайшей досаде). Орден Девы Марии участвовал во всех крупных военных операциях крестоносцев XIII в. Однако тевтонам так и не удалось стать влиятельной военно-политической силой в Святой земле (что, впрочем, уберегло их от участия в тамошних политических интригах, повлекших за собой катастрофические последствия).

Четвертый по счету гохмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальца сыграл решающую роль в его развитии. Он был доверенным лицом, советником и другом римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, буквально осыпавшего его самого и находившийся под его руководством орден всяческими милостями и привилегиями. Герман фон Зальца неустанно расширял орденские владения. Получив в Акконе, ставшем после утраты Иерусалима столицей Иерусалимского королевства, в свое распоряжение башню близ ворот Святого Иакова, Герман фон Зальца превратил его в главную резиденцию Тевтонского ордена. Чуть позднее он построил на территории земельного участка, купленного в 1219 г. для Тевтонского ордена герцогом Австрийским Леопольдом VI, орденский дом (конвент), госпиталь и храм.

Правда, папа римский Григорий IX (1227—1241), вступивший в конфликт с императором Фридрихом II, в 1229 г. повелел патриарху Иерусалимскому, в соответствии с указом папы Целестина II, восстановить контроль ордена святого Иоанна Иерусалимского над Тевтонским орденом, но ни это, ни повторное повеление того же папы в 1241 г. не привело к подчинению тевтонов иоаннитам. Жребий был уже, как говорится, брошен. Тевтонский орден остался самостоятельной организацией. Не избежал он также трений с «бедными соратниками Христа и Храма Соломонова». Тамплиеры оспаривали право тевтонских рыцарей носить белые плащи, считая это исключительной привилегией рыцарей Храма. Лишь после вмешательства римских пап Гонория III (1216—1227) в 1220 г. и Григория IX в 1230 г. тамплиеры смирились и прекратили вступать в конфликты с тевтонскими рыцарями.

Подобно членству в духовно-рыцарских орденах Испании и Португалии, членство в Тевтонском ордене ограничивалось (в большинстве случаев) пределами одной нации, но со временем он сумел вовлечь в свою орбиту множество стран и народов и осуществлять во многих странах творческую миссию распространения германской культуры.

ЦАРСТВО, РАЗДЕЛИВШЕЕСЯ В СЕБЕ, МОЖЕТ ЛИ УСТОЯТЬ?

Займствования из тамплиерского устава, добавленные к первоначальным иоаннитским статутам, а в особенности — займствование белого плаща с крестом тамплиерской формы постоянно приводили Тевтонский орден к конфликтам с храмовниками. История этих постоянных конфликтов между двумя военно-монашескими орденами, принимавших нередко

весьма кровопролитные формы, полностью опровергает абсурдные бредни об их идентичности (к примеру, в популярном историческом романе А. Югова «Ратоборцы» при описании рыцарского войска венгерского короля Бэлы, наступающего на рать князя Даниила Галицкого подчеркивается: «Развевались на ветру огромные белые мантии тевтонов-храмовников») или о тевтонских рыцарях как о некоем «орудии» тамплиеров. В действительности храмовники всеми силами сопротивлялись любым нововведениям своих новоиспеченных соперников. Да это и понятно.

Ведь если рыцари разных орденов оказывались трудно отличимыми друг от друга в сражениях из-за сходства их «униформы», то не исключен был вариант, что, скажем, тевтоны (чей черный крест на белом плаще в схватке вполне мог сойти за темно-красный тамплиерский крест сходной формы) теоретически могли приписать себе славу и успех тамплиеров и соответственно претендовать на большую долю военной добычи, чем они того заслуживали. К тому же сохранилось немало изображений тамплиеров с крестами не уставного красного, а тевтонского черного цвета на облачении, вооружении и прапорах. Не случайно даже такой знаток Средневековья, как любимый всеми нами сэр Вальтер Скотт, в своем романе «Айвенго» при описании пира у Седрика Ротервудского с участием командора ордена Храма Бриана де Бугильбера облачил последнего в белую мантию, украшенную крестом его ордена, вырезанного из черного (а не красного, как следовало бы по Уставу тамплиеров) бархата. Впрочем, несколькими страницами ранее уважаемый автор нарядил того же самого свирепого храмовника в красный плащ с белым суконным крестом на плече, как госпитальера-иоаннита. Но это так, к слову...

Тамплиеры не раз жаловались папе римскому на немецких рыцарей за то, что те перенимали храмовнический устав и белый плащ «бедных рыцарей Христа и Храма». Папа римский Иннокентий III, их известный покровитель и друг тамплиеров, даже запретил тевтонам на какое-то время ношение белого тамплиерского плаща, но, впрочем, оставил окончательное решение за латинским (римско-католическим) патриархом Иерусалимским. Патриарх попытался осуществить своего рода компромисс — он дозволил тевтонам сохранить белый цвет их плаща, но повелел им шить плащи не из льняной, как у тамплиеров, а из любой другой ткани. Однако храмовники еще долго не могли примириться с нисколько не удовлетворившим их решением римского понтифика.

Десятилетия спустя очередному римскому понтифику — папе Григорию IX — не раз приходилось призывать тамплиеров не придирайтесь к тевтонам из-за копирования теми их орденового одеяния. В итоге храмовникам так не удалось добиться своего. Рыцари Тевтонского ордена сохранили за собой право носить белый плащ с черным крестом — так называемый «господский плащ» (герренмантиль). Его и по сей день носят священники (клирики) и почетные рыцари (рыцари чести, эренриттеры) современного Тевтонского ордена. Однако постоянные конфликты между тевтонскими рыцарями и храмовниками возникали не только из-за сходства в облачениях, но и в области большой политики.

В палестинский период истории своего ордена «немецкие господа» в борьбе между папами и кесарями Священной Римской империи поддерживали императоров из дома Гогенштауфенов, а тамплиеры — папских сторонников, гвельфов. Когда анафематствованный папой римским император Фридрих II прибыл в Палестину, гохмейстер тевтонов брат Герман фон Зальца стал его главным советником, а Немецкий орден — его главной опорой (на этом эпизоде истории Крестовых походов мы подробнее остановимся ниже). Храмовники же избегали отлученного от церкви императора и строили против него всяческие козни. В результате Фридрих II после возвращения Иерусалима христианам отказался вернуть тамплиерам замок их великого магистра, что привело храмовников в еще большую ярость. После поражения Гогенштауфенов в Италии тамплиеры воспользовались этим поводом для реванша.

Начиная с 1241 г. они развязали против «немецких господ» форменную войну. Тевтоны эту войну проиграли и лишились почти всех своих владений в Святой земле. Вражда между обоими духовно-рыцарскими орденами, тянувшаяся через всю историю христианских владений в Святой земле, имела поистине роковые последствия для развития событий в Палестине, тем более что и с орденом иоаннитов у храмовников сложились далеко не братские отношения, крайне обострившиеся с момента, когда эти ордены благодаря полученным привилегиям достигли власти и богатства. В ходе многочисленных распрей ордены оказывались по разные стороны баррикад, разделявших противоборствующие партии, вследствие чего, по сути дела, незначительные конфликты из-за поляризации орденов обострялись, ослабляя обороноспособность Иерусалимского королевства.

В 1179 г. папе римскому Александру III удалось добиться заключения мира между враждовавшими орденами, как если бы речь шла о примирении между двумя враждебными государствами. Надо думать, что иоанниты и тевтонские рыцари во время процесса над тамплиерами во Франции (1307—1314) не видели особых причин брать под защиту своих бывших противников, силой оружия изгнавших их из замков и городов Палестины. Позднее мы еще коснемся этого вопроса несколько подробнее, пока же заметим только, что межорденские распри, несомненно, значительно ускорили конец Иерусалимского королевства латинян.

Папой римским Тевтонскому братству была дарована так называемая «экземпция», вследствие чего оно было в рамках церковной иерархии выведено из какого бы то ни было подчинения местному епископату и патриарху Иерусалимскому и подчинено непосредственно папскому престолу. Именно с этого момента оно превратилось в настоящий военно-монашеский орден. Это особое положение сохранилось и по сей день и имеет огромное значение для современной деятельности Тевтонского ордена.

Кстати, из всех орденов, возникших в эпоху Крестовых походов и ни разу не прерывавших с тех пор своего существования, доньше сохранились только орден Святого Иоанна Иерусалимского и Тевтонский орден Девы Марии. Подобное долголетие, вероятнее всего, объясняется тем, что оба этих ордена возникли именно как странноприимные братства и лишь позднее, в силу суровой реальности существования на границе враждебного мира ислама, вынуждены были взять на себя и военные функции.

По мере того как отпала необходимость в вооруженной борьбе с неверными, которую, кстати, необходимо рассматривать как актуальную и совершенно нормальную для того времени форму служения идее сохранения и распространения христианской веры и правильно понять которую можно лишь с учетом духа той далекой эпохи классического религиозного сознания, ни в коей мере не пытаясь давать оценку тогдашним событиям с точки зрения современности, оба ордена смогли быть реформированы, а по сути — вернуться к выполнению своих первоначальных задач, связанных с делами христианского милосердия и служения ближнему. Блаженный Жерар (Герард), первый предводитель (ректор) госпитальеров, был абсолютно прав, предсказав своему ордену долгую и славную будущность:

«Братство наше пребудет вечно, ибо почвой, на которой оно произрастает, являются страдания мира сего и, если будет на то воля Божия, всегда найдутся люди, работающие над тем, чтобы уменьшить эти страдания и облегчить их бремя своим ближним».

Это пророчество блаженного Жерара в отношении ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского полностью оправдалось и в отношении Тевтонского ордена, история которого со всей очевидностью свидетельствует о том, что он всегда, с какими бы неблагоприятными обстоятельствами ему ни приходилось сталкиваться, находил в себе силы для проведения внутренних реформ и тем самым — для дальнейшего поддержания своего существования.

ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА ГОГЕНШТАУФЕНА (1228-1229)

Наряду с Фридрихом I Барбароссой его внучатый племянник Фридрих II (1212—1250), основатель Неаполитанского университета (1224), был самым известным римско-германским императором из швабской династии Гогенштауфенов (Штауфенов), память о котором, расцвеченная многочисленными легендами, сохранилась в памяти потомков на протяжении многих веков. Он был достойным представителем своего дома, правившего Священной Римской империей германской нации в период с 1138 по 1254 г. Римско-германские императоры из династии Штауфенов стремились к восстановлению между собой и Римско-католической церковью тех же отношений «симфонии» что существовали между императором (василевсом) и Греко-кафолической церковью в Восточной, православной Римской (Ромейской) империи (Византии). В борьбе с Гогенштауфенами папы римские, сплотив вокруг себя богатые средиземноморские города и поощряя ростовщичество (строго запрещенное христианам церковными канонами!), создали антиимперскую Лигу ломбардских городов (от ломбардских ростовщиков, между прочим, происходит слово «ломбард») и организовали восстание против Фридриха I Барбароссы (фактически — первую в истории буржуазную революцию, ведь слово «буржуа», или «бюргеры», означает не что иное, как «горожане»).

Сказания о Фридрихе II Гогенштауфене веками жили среди потомков его итальянских и немецких подданных, не уступая в популярности легендам о короле Артуре и рыцарях Святого Грааля. После ранней смерти отца Фридриха, его мать Констанция осталась единственной наследницей норманно-сицилийского королевства. Фридрих был воспитан под опекой папы римского вдали от Германии, в городе Палермо на Сицилии, где было все еще очень сильно влияние мусульман и Византии. Из всех средневековых правителей Священной Римской империи германской нации император Фридрих II Гогенштауфен был, пожалуй, самым образованным. Он свободно говорил и писал (в том числе стихи и поэмы) на латинском, арабском, греческом и древнееврейском языках, мог объясняться по-французски, провансальски, итальянски и немецки, был автором трактата о соколиной охоте и обладал весьма обширными познаниями в области естественных наук.

Папский престол обвинял Фридриха, стремившегося включить в состав своей империи не только христианские, но и мусульманские народы, во враждебности христианству, колдовстве и чернокнижии. В действительности же этот государь, покровитель искусств и наук, стремился к восстановлению изначального канонического устройства христианской церкви, возвращению ее к выборности епископов и соборному устройству и, хотя продолжал исповедовать римско-католическую догматику (в частности, введенное папами римскими на латинском Западе, под давлением Карла Великого, лжеучение об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына — пресловутое филиокве), все активнее стремился к диалогу с Восточной (Греко-католической, или Православной) церковью.

Подобно жизни других императоров из дома Гогенштауфенов, вся жизнь Фридриха II была омрачена конфликтами с папским Римом. Еще во время своей коронации германским королем в Ахене в 1212 г. Фридрих дал обет принять участие в Крестовом походе. В период между 1219 и 1229 г. обетованный поход в Святую землю дважды откладывался им на более поздний срок. И все три раза срок выступления Фридриха в поход продлевался (анти)папой Гонорием III.

По Сан-Джерманскому договору 1225 г. Фридрих снова обязался выступить в крестовый поход не позднее чем через два года. Но это была уже последняя попытка. В случае нарушения данного обета императору грозило отлучение от церкви. Когда Григорий IX в 1237 г. вззошел на папский трон, он менее чем через месяц после своей интронизации призвал Фридриха выполнить наконец свое обещание. Хотя тысячи других крестоносцев, собравшиеся

в августе того же года в южно-итальянском порту Брундиизиуме (Бриндизи), не смогли переправиться морем в Святую землю вследствие вспыхнувшей среди них эпидемии, император Фридрих тем не менее вышел в море. Однако в пути он также тяжело заболел и был вынужден снова сойти на берег в Отранто. Папа счел его болезнь притворством и по прошествии месяца отлучил Фридриха II (которого за терпимость к магометанам именовал не иначе как «сицилийским султаном») от церкви. Тем самым ему было запрещено участвовать (до снятия отлучения) в Крестовых походах.

Невзирая на папское отлучение, римско-германский император весной 1228 г. направил своего маршала в сопровождении 500 рыцарей в Палестину. В конце июня за ними последовал сам император во главе 300 рыцарей (каждого рыцаря, за исключением самых бедных, «однощитных», сопровождало — в зависимости от его благосостояния — некоторое число вооруженной и невооруженной челяди — оруженосцев, лучников, пеших ратников, конных или пеших слуг, пажей и т.д.). Незадолго до высадки в Акконе Фридрих II получил известие, что папа повторно отлучил его от церкви, ибо он отправился в крестовый поход, не дожидаясь снятия с него предыдущего отлучения.

Из-за небольшой численности имевшихся у Фридриха II войск его военное положение в Земле обетованной представлялось чрезвычайно неблагоприятным. Две сарацинские армии, значительно превосходящие военные силы римско-германского императора по численности, стояли наготове для уничтожения его войска. Надежд на приход значительных подкреплений из Европы, ввиду папского отлучения, питать не приходилось. Но Фридрих Гогенштауфен проявил всегда присущие ему качества незаурядного дипломата. В своем письме султану Египта аль-Камилю «сицилийский султан» подчеркивал следующее:

«Мы переплыли море не с намерением завоевать Вашу страну, ибо в Нашем владении и без того находится больше земель, чем у какого-либо иного властителя в мире, а для того, чтобы, согласно договору, принять под Наше покровительство Святую землю. Христиане не беспокоят Вас, и Вам не придется проливать кровь Ваших подданных в войне против Нас».

Вся франкская (римско-католическая) знать Святой земли была настроена против римско-германского императора. Ведь он находился под церковным отлучением, и никто не хотел иметь с ним дела — ни патриарх Иерусалимский, ни кто-либо из духовенства, ни местные бароны, ни (не в последнюю очередь!) рыцарские ордены — за исключением Тевтонского. Тевтонский орден и его гохмейстер Герман фон Зальца неизменно сохраняли Фридриху II верность.

Магистр тевтонов брат Герман оказывал императору немалые услуги не только на поле брани, но и в качестве советника и дипломата, в частности выступая в качестве поистине незаменимого посредника в контактах между императором и римской курией (как глава военно-монашеского ордена католической церкви, он формально подчинялся непосредственно римскому папе). Когда договор с султаном Египта был после длительных переговоров, наконец, подписан, Герман фон Зальца в письме папе римскому, с которым был связан не менее тесно, чем с римско-германским императором Фридрихом, подчеркивал:

«Пока шла усердная работа над договором, султан и Государь Император, непрерывно обмениваясь посланцами, вели переговоры о заключении мирного соглашения. При этом султан Каирский, в сопровождении своего брата и бесчисленного войска, расположился лагерем в Газе, на расстоянии одного дня пути от нас, в то время как султан Дамаска также во главе неисчислимого войска, стоял на расстоянии одного дня пути от нас под Сихемом. Когда же начались переговоры о возврате нам Святой земли, Господь Иисус Христос в Своей неизреченной благодати дал делу такой ход, что султан уступил Иерусалим с прилегающей округой Государю Императору и христианам; лишь монастырь под названием Храм Господа (резиденция ордена храмовников в мечети Аль-Акса. — В.А.) остался под охраной сарацинской стражи, поскольку сарацины давно уже молятся там; однако туда будут иметь

свободный доступ как они, так и христиане, чтобы молиться там, каждый согласно своему закону. Кроме того, сарацины уступили нам урочище Святого Георгия и урочища по обе стороны дороги на Иерусалим, равно как и Вифлеем со всей округой и область между Акконом и Назаретом. И еще султан уступил нам крепость Тир со всем, что к ней относится, с урочищами и земельными владениями; город Сидон, со всей прилегающей к нему низменностью и всеми землями, принадлежавшими ранее, во времена мира, христианам. По договору христиане также получили право восстановить стены и оборонительные башни Иерусалима, а также крепости Яффу, Кесарию и наш новый замок Монфор (Штаркенберг, резиденцию Тевтонского ордена в Святой земле. — *В.А.*), строительство которого было начато нами в горах в текущем году. Нам представляется вероятным, что, если бы Император переплыл море, будучи в согласии с Римской Церковью, это принесло бы еще большую пользу Святой земле. Согласно мирному договору, заключенному, сроком на десять лет, между султаном и Императором, ему и его людям не дозволяется возводить новые крепости и иные постройки. Кроме того, обе стороны обменялись всеми пленными, оставшимися необменными при оставлении Дамьетты и взятыми в ходе недавних боев. Теперь император намеревается совершить со всем своим народом восхождение в Иерусалим, чтобы, как ему советуют разные люди, носить там корону во славу Царя всех Царей и с должным рвением посвятить себя восстановлению града Иерусалима».

Договор являлся не только блестящим образцом дипломатического искусства, но и образцовым примером взаимной терпимости между двумя религиями, ибо признавал, что Иерусалим является для магометан такой же святыней, как и для христиан. Мусульмане почитали этот город местом, откуда их пророк Магомет вознесся на небо.

Так император Фридрих II Гогенштауфен при помощи гохмейстера Тевтонского ордена безо всякого кровопролития вернул все, что стоило христианству и жителям Палестины столько крови и страданий. Но даже теперь никто из «латинян» не предложил папе римскому снять с императора церковное отлучение. Напротив, патриарх Иерусалимский пригрозил, что отлучит от церкви всякого жителя Святого града, оказавшего какую-либо услугу императору в его стенах. Поэтому духовно-рыцарские ордены (кроме Тевтонского) и теперь не пожелали иметь ничего общего с императором. Впрочем, у них было для этого немало различных причин.

Во-первых, император Фридрих II был отлучен папой римским от церкви; во-вторых, император не распространил действие своего договора с султаном на северные области Сирии и расположенные там город Триполи, иоаннитские крепости Крак де Шевалье и Маргат, тамплиерские крепости Шастель-Блан и Тортозу, на Антиохию, а также на столь важные города Иерусалимского королевства, как Аскалон, Наблус, Тивериаду и не менее важные замки иоаннитов и тамплиеров, завоеванные султаном Египта и Сирии Саладином. Кроме того, тамплиеры были настроены против Фридриха II и заключенного последним с султаном договора еще и потому, что им не удалось заполучить обратно старинную резиденцию великих магистров их ордена — Храмовый квартал в Иерусалиме с Храмом Соломоновым.

17 марта 1229 г. Фридрих II Гогенштауфен в сопровождении тевтонских рыцарей во главе с верховным магистром ордена Девы Марии братом Германом фон Зальца совершил свой торжественный въезд в Святой град, встреченный ликованием всех христиан, прибывших вместе с ним. Вне себя от радости были прежде всего немцы. Император поселился в Доме (Госпитале) иоаннитов, чтобы на следующий день возложить на себя корону королей Иерусалима в храме Живоносного Гроба Господня. Фридрих II обосновывал свои права на иерусалимскую корону женитьбой на Иоланде де Бриенн, юной дочери иерусалимского короля-неудачника Жана де Бриенна, принесшей ему титул короля Иерусалимского в качестве приданого. Правда, Иоланда умерла еще в 1228 г., после чего Иерусалимское королевство по наследству перешло к малолетнему сыну Иоланды и

Фридриха, Конраду. Однако Фридрих Гогенштауфен объявил себя его опекуном и заявил о своем намерении править Иерусалимским королевством за своего сына до совершеннолетия последнего.

На церемонию коронации Фридрих II явился в сопровождении верных ему архиепископов Палермо и Капуи. Однако они не могли венчать его на царство, ибо, согласно чину священного коронования, принятому в Святой земле, церемонию коронации должен был провести лично патриарх Иерусалимский или же его делегат. Между тем патриарх отклонил императорское приглашение. Поэтому вместо патриарха мессу отслужил брат-священник Тевтонского ордена. Император Фридрих сам взял в руки лежавшую на алтаре корону королей Иерусалимских и возложил ее на свою главу «в честь и во славу Предвечного Царя» (предвосхитив аналогичный поступок Наполеона I Бонапарта при короновании последнего императором французов).

При коронации Фридриха II королем Иерусалимским в 1229 г. рыцарям Тевтонского ордена была дарована почетная привилегия нести охрану Гроба Господня (ранее дарованная госпитальерам-иоаннитам). Из-за своей безоговорочной поддержки своеговольного императора из династии Штауфенов Тевтонский орден попал в сложную ситуацию. Впрочем, в 1230 г. папское отлучение с римско-германского императора было снято, а патриарх Святого града (пусть и задним числом) подтвердил его титул короля Иерусалимского.

О ВОИНСТВЕ ХРИСТОВОМ

Середина XIII в. стала подлинным «началом конца» эпохи Крестовых походов, и связанный с ее начальным периодом крестоносный энтузиазм стали заметно ослабевать. Однако идеал крестоносца, идеал рыцаря Христова сохранял свою привлекательность еще на протяжении долгих столетий и даже находит свое отражение во многих традициях, которые живы и поныне. Поэтому стоит упомянуть хотя бы некоторые из этих традиций и ценностей, с которыми вот уже на протяжении более чем полутора тысячелетий, начиная со времен древнехристианских святых и мучеников, сказаний о рыцарях Круглого стола и Святого Грааля, а затем средневекового рыцарства и в особенности — военно-монашеских орденов, ассоциируется рыцарский идеал.

К числу идеалов христианского рыцарства относились, с одной стороны, вооруженная борьба за ускорение прихода Царства Божия (необходимой предпосылкой которого, как известно всякому христианину, является евангелизация всех стран и народов), за спасение душ закосневших в язычестве детей Адамовых от вечного адского пламени, освобождение и защита христианских святынь, и прежде всего — Святого града Иерусалима, а с другой — защита слабых, убогих, женщин и детей. Но наверняка существовало и немало иных причин, по которым множество доблестных мужей в расцвете сил и красоты, отказавшись от стяжания земных богатств и радостей семейной жизни, вступали в подобные рыцарские братства или, по крайней мере, в индивидуальном порядке стремились достичь на практике рыцарских идеалов. Важнейшая причина, несомненно, заключалась в готовности тогдашних христианских воителей, не щадя своей жизни, обнажить меч во имя ускорения прихода Царства Божия.

Наиболее ярко эта готовность проявилась в ходе Крестовых походов как в Святую землю, так и в языческие земли Центральной Европы с целью их христианизации. Тогдашние летописи, а самое главное — последующая история данных земель — однозначно свидетельствуют о том, что большинство принимавших в те века крест рыцарей — вопреки усердно пропагандируемому сперва властителями дум «века Просвещения», затем — либеральными историками прошлого века и, само собой разумеется, такими лютыми ненавистниками веры Христовой, как советские (и не советские) марксисты, изображающие крестоносцев не иначе как скопищем лицемерных садистов и грабителей! — превыше всего ценило любовь к Богу и к ближнему своему и далеко не всегда спешило браться за меч. Но

как не взяться, если язычники жарят живьем на медленном огне проповедующего им Благоую Весть мирного миссионера и тем самым отдаляют день пришествия Царствия Божия! А свои души и души своих детей и сородичей обрекают на вечные адские муки! Могла ли смириться с этим душа тогдашнего глубоко верующего христианина! Подчеркнем — тогдашнего, а не теперешнего, который порой бывает, по слову евангельскому, «не холоден и не горяч, а только тепел»...

Как бы то ни было, многочисленные и подробные письменные документальные свидетельства говорят о преимущественно мирном освоении крестоносцами земель, до их прихода по большей части непригодных для проживания человека или в лучшем случае малонаселенных. Рыцари строили больницы, сиротские и странноприимные дома и богадельни, церкви и монастыри, основывали города и села, осушали болота и вводили земледелие среди диких языческих племен, живших дотоле лишь охотой, рыбной ловлей, собирательством и бортничеством (сбором меда диких пчел), не знавших вкуса печеного хлеба и влачивших свое довольно жалкое существование под постоянной угрозой голода ввиду недостатка съестных припасов, для обеспечения которыми необходимо развитие сельское хозяйство. Таким образом рыцари, ордены, и в том числе — рыцарские ордены, — способствовали распространению христианства, несли мир в земли, столетиями — чуть ли не со времен Великого переселения народов! — раздираемые кровавыми межплеменными междоусобицами, и культивировали огромные территории, превращая их из «медвежьих углов», чреватых постоянной смертельной угрозой для мирных христианских соседей, в часть цивилизованного мира.

Спору нет, христианская цивилизация средневекового Запада имела — как, впрочем, и всякая цивилизация вообще — немало теневых сторон. Но идеализация царивших среди язычников Пруссии и Литвы дофеодалных, варварских порядков с кровной мстью, человеческими жертвоприношениями и поклонением демонам не к лицу даже атеистам — разумеется, если прогресс человеческой цивилизации имеет в их глазах какую-либо ценность. Ведь жмудины, литвины, ятвяги и пруссы (самбы, или самбии) вовсе не были какими-то кроткими агнцами, которых люто терзали свалившиеся им на голову ни за что ни про что лютые крестоносные волки. Они жили набегам на своих христианских соседей. Убили святого Адальберта (Войцеха), ставшего небесным покровителем Польши. Совместно с литовцами систематически разоряли сопредельные польские и русские земли. Конные прусские банды в несколько десятков всадников, стремительно, как волчьи стаи, спеша от одного селения к другому, опустошали усадьбы, убивали поселян, увозили имущество. Тем и жили. Позволительно спросить: кто же тут были агнцы, а кто — волки?

Вторая причина, по которой осуществлялась вся эта неутомимая, разносторонняя деятельность под каждодневным девизом «ора эт лабора» (*лат. ora et labora*, то есть «молись и трудись»), была, по логике вещей, связана с достижением уже не только идеальных, но материальных целей, а именно — необходимости сохранения, расширения и финансирования орденского имущества, а также управления орденскими угодьями и владениями. Ведь, чтобы иметь возможность творить дела милосердия и благотворительности, надо обладать каким-то имуществом. Не имея ни гроша в кармане, нищему не подашь. Не имея хлеба в закромах, голодного не накормить. Не имея крыши над головой, странника не приютить. Чтобы рука дающего не оскудела, у него должно быть что давать и откуда брать.

Вне всякого сомнения, в Тевтонском ордене, как, впрочем, и во всех других орденах, имелись силы, для которых мирские помыслы, от предприимчивости и авантюризма до страсти к наживе, были важнее, чем вещи духовные. Поэтому существование орденов протекало под знаком постоянного дуализма, колеблясь между служением Богу и любовью к ближнему, с одной стороны, и принимавшим порой слишком мирской характер стремлением к приумножению имущества, славы и чести, а также к оказанию влияния на светских государей и князей Церкви — с другой. Наивысшие формы общежителства той далекой эпохи возникли

в результате соединения воедино дисциплины, силы и веры и реализовались в форме рыцарства, с одной стороны, и монашества — с другой. Логическим синтезом этих мощных групп или структур и являлись духовно-рыцарские ордены.

ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ В БИТВЕ ПРИ ВАЛЬШТАТТЕ

В кровавой битве при Вальштатте (Легнице, или Лигнице) 9 апреля 1241 г. объединенное рыцарство римско-католической Европы скрестило копья и мечи с «несущими смерть Чингисхана сынами». В России об этом сражении мало слышаны, хотя для истории Польши и Германии она имеет не меньшее значение, чем для русских людей — битва с монголами на Калке. В обоих случаях выигранные монгольскими туменами битвы проложили войскам великого хана дорогу в служившие целью вторжения страны, оказавшиеся в результате разгрома почти что беззащитными (или, во всяком случае, обескровленными). Тот факт, что под Лигницей в сражении со степняками пали наряду с польскими рыцарями и рыцарями со всей Европы (в том числе даже французами и англичанами) также рыцари Тевтонского ордена, тамплиеры и иоанниты, полностью развенчивает миф о том, что «римско-католическая Европа» (а в особенности — орден тамплиеров) якобы «натравливала татар на православную Русь». Наоборот, в польских и немецких летописях сохранились сведения об участии в монголо-татарском нашествии на Польшу русских воинских контингентов. Вообще-то говоря, в данном обстоятельстве не было ничего особенного, поскольку включение войск покоренных стран и народов в состав собственной армии на положении вспомогательных частей было обычной практикой монголо-татар со времен самого Чингисхана. Однако это не слишком-то совместимо с расхожими представлениями о том, что древнерусские княжества служили исключительно щитом «между монголов и Европы» (как сказано у Александра Блока в «Скифах»).

Наголову разгромив в марте 1241 г. под Краковом войско короля Польши Болеслава V и разграбив королевскую столицу, 20 000 степных батыров вторглись в польское княжество (герцогство) Силезию. Герцог (князь) Силезии Генрих Благочестивый выступил против монголов во главе 40-тысячного войска, состоявшего из польских и немецких рыцарей, поддержанных многочисленными рыцарями-добровольцами из разных стран Европы, а также воинскими контингентами военно-монашеских орденов иоаннитов, тамплиеров и тевтонских рыцарей ордена Девы Марии. Первоначально Генрих думал закрепиться на оборонительной позиции близ города Лигницы, чтобы дожидаться шедшего ему на помощь войска чешского короля Венцеля (Вацлава, или Венцеслава). Однако монголы, узнав о приближении чешского войска, первыми напали на силезскую армию, применив против Христова Воинства даже «реактивную артиллерию» (боевые ракеты китайского производства). Как ни храбро сражалось войско Генриха (среди которых своей доблестью выделялись тевтоны), оно потерпело сокрушительный разгром. Сам герцог пал в бою, большинство его рыцарей и воинов пало в жестоком сражении, длившемся от рассвета до заката. В рядах павших в сражении членов Тевтонского ордена и ордена иоаннитов погибли и последние добринские рыцари («братья Христовы из Добрина»), вошедшие в состав обоих орденов соответственно в 1235 и в 1237 гг. К вечеру к палатке главного монгольского военачальника хана Хайду (Кайду), внука великого хана Угедэя и правнука Чингисхана, привезли девять огромных мешков, наполненных окровавленными ушами, отрезанными торжествующими победителями у убитых христиан.

Впоследствии гибель членов ордена тамплиеров от стрел, сабель и копий монголо-татар под Лигницей сыграла немалую (а возможно, и решающую роль) в срыве так называемого «Желтого Крестового похода» монгольского полководца-христианина Китбуги в союзе с христианскими Грузинским и Армяно-Киликийским царством, а также государств

крестоносцев в Святой земле против мамелюкского Египта. Развивавшийся поначалу весьма успешно для объединенной армии врагов египетских магометан поход был сорван нападением сирийских тамплиеров, ударивших в тыл монголам (чтобы отомстить за гибель членов ордена Храма при Вальштатте). Но это было уже позже...

Узнав о разгроме силезского герцога, чешский король не решился вступить в бой с победоносными монголами один на один, предпочтя отступить на северо-запад и присоединиться к армии, собиравшейся под знамена римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Казалось, путь «степным батырам» в Европу открыт...

Однако потери, понесенные монголо-татарами, были также весьма ощутимы, и потому они не решились преследовать уцелевших воинов герцога Генриха и продолжить наступление в глубь собственно Германии (Священной Римской империи).

НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

В начале XIII в. Прибалтика до границ с Литвой была подданной Руси (западная часть платила дань Полоцкому княжеству, восточная — Господину Великому Новгороду).

В 1199 г. папа римский Иннокентий III назначил епископом Ливонии Альбрехта (Альберта) фон Буксгевдена (Бугсгевдена), который с помощью германского короля Филиппа Швабского и датского короля Кнута высадился в 1200 г. на побережье реки (Западной) Двины (по-латышски: Даугавы, по-немецки: Дины, или, точнее, Дюны) и добился от вождей местных языческих племен предоставления земель, где он мог бы обосноваться. В следующем году епископ Альбрехт основал город Ригу и начал обращать в христианство местных жителей. Чтобы усилить воздействие на умы язычников «духовного меча» (который, по Евангелию, «есть Слово Божие») мечом железным, Альбрехт решил учредить военно-монашеский орден по образу и подобию госпитальеров и храмовников, что и сделал в 1202 г. В 1204 г. папа римский, с подачи епископа Альбрехта, утвердил в правах орден рыцарей Христа, которые стали именоваться меченосцами (по красному изображению меча, нашитому на их белые плащи). О меченосцах (называвшихся по-латыни гладиферами) будет подробнее рассказано далее, в отдельной, посвященной им главе нашей книги.

В 1209 г. ливонские братья-меченосцы сожгли расположенные на территории современной Латвии полоцкие крепости Куkenойс (Кукейнос, по-немецки Кокенгаузен) на Западной Двине и Герцике (Ерсике, Ерсикю), но в 1210 г. подписали с Полоцким княжеством «Вечный мир», согласившись выплачивать Полоцку «ливонскую дань» (выплату которой, однако, прекратили уже в 1212 г.). В Южной Эстонии (Эстляндии) новгородские «вооруженные миссионеры» в 1209—1210 гг. крестили тамошних язычников в православную веру. В 1212 г. южных эстов принудил к уплате дани сам новгородский князь Мстислав Удатный (то есть Удачливый, хотя и называемый иногда неточно Удалым). Меченосцы наступали крепостями, строя их одну за другой — Венден (Вынну, Цесис, Кесь), Феллин (Вильянди), Оденпе (Отепя).

В 1217 г. русские осадили крепость Оденпе (но взять ее не смогли, вопреки ошибочным утверждениям некоторых историков, и отступили, вынудив меченосцев откупиться). Вообще следует заметить, что в описываемый период — за редким исключением — русским князьям никогда не удавалось захватить ни одного из осаждаемых ими в Ливонии замков.

В том же году в Северную Эстонию вторглись датские крестоносцы.

В 1221 г. датский король Вальдемар II Победитель, установив морскую блокаду Риги, принудил епископа Альбрехта признать власть датской короны над Ливонией и Эстонией. В 1223 г. датский король позволил (уже своей властью) ордену меченосцев продолжить христианизацию прибалтийских земель в восточном направлении, с тем «чтобы они были верны ему», то есть Дании, и продолжали расширять датские владения к югу от Ревеля (по-русски Колывани, по-эстонски Таллинна-Таани-Линна, то есть «датского замка»),

В 1223 г. войско великого князя Юрия Всеволодовича осадило Ревель, и датский король вернул права на Эстонию ордену меченосцев, получившему от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена права на земли к востоку от Ливонии. Рыцарям ордена Меча, направляемым рижским епископом Альбрехтом фон Буксгевденом, удалось взять город Юрьев, обороняемый русским князем Вячеславом (Вячко) Борисовичем, и переименовать его в Дорпат (Дерпт).

В 1224 г. Новгород и Псков подписали с рижским епископом мир в обмен на выплату «юрьевской дани». В этом же году было учреждено Дерптское епископство. В конце 20-х гг. XIП в. Псков, объявив себя независимым от Новгорода, уступил епископу и ордену меченосцев вассальные права на земли эстов, латгалов и ливов. Великий князь Ярослав Всеволодович, в четвертый раз приглашенный на княжение в Новгород (откуда его уже три раза изгоняли новгородские «вечники!»), подчинил Псков, но ряду псковских (и новгородских) бояр удалось бежать в епископские и орденские земли. В 1234 г. князь Ярослав выступил на Дерпт, сразился с вышедшим ему навстречу войском ордена Меча, порубил немало меченосцев, а часть загнал на тонкий лед реки Омовжи (по-немецки Эмбах, по-эстонски Эмайыге), не замедливший под теми проломиться (вот где следует искать истоки легенды о «немцах, провалившихся под лед Чудского озера в 1242 г.», уже при сыне Ярослава — князе Александре!). «И взял с ними мир по всей правде своей».

Ярослав, с за ним и княживший в Новгороде с 1238 г. сын Ярослава Александр, брал дань с Прибалтики, как ее истинный сюзерен. Между тем меченосцы и епископ Рижский (Ливонский) рассматривали в качестве владельцев Прибалтики себя, а в качестве ее верховного сюзерена — римско-германского императора, поскольку, подобно древним римлянам и «восточным римлянам» — ромеям-византийцам, — рассматривали в качестве владений «римского цесаря» весь *orbis terrarum* (лат., «круг земной»), то есть, в принципе, весь мир (по крайней мере, весь мир обитаемый, именуемый по-гречески «Ойкумена», а по-латыни — «Экумена»). В этом заключалась основная причина практически неразрешимого конфликта между ними и русскими княжествами.

В 1237 г. папа римский Григорий IX призвал шведов к Крестовому походу на финнов-тавастов, все еще косневших в язычестве, чтобы окрестить их в римско-католическую веру (хотя с русской стороны финнов уже начали обращать в греко-католическую веру, иначе говоря — в Православие). На всякий случай юный князь Александр выставил стражу на реке Неве. Заняв устье Невы, шведские крестоносцы могли бы отрезать Русь от Финляндии (Тавасталанда) и Прибалтики.

К 1238 г. Тевтонский орден завершил покорение восточного побережья Балтийского моря (от устья Вислы до устья Немана).

В июне 1238 г. в резиденции датского короля Вальдемара II Победителя был заключен договор, подписанный королем, ливонским провинциальным магистром (ландмейстером) тевтонов (орден меченосцев к тому времени уже стал ливонским филиалом Тевтонского ордена) и легатом папы римского в Прибалтике Вильгельмом Моденским, по которому Тевтонский орден возвращал датчанам северную часть Эстляндии, а Дания отказывалась от претензий на остров Эзель (Сааремаа) и на западную часть Эстляндии.

К этому времени литовский кунингас (великий князь) Миндовг (Миндаугас) сумел объединить под своей властью Налынанскую, Жетувскую, Жемайтскую и часть Ятвяжской земель Литвы.

В 1240 г. ливонские тевтоны выступили из трех крепостей — Оденпе, Дерпта и Феллина, датские крестоносцы — из Ревеля, а шведские отправили из города Бирки (тогдашней столицы своего королевства) военно-морскую экспедицию в Ижорскую землю, платившую дань новгородцам. К ливонским тевтонам, наступавшим на Псков, присоединился со своей дружиной и нашедший убежище во владениях ордена князь Ярослав Владимирович, сын

изгнанного Мстиславом Удатным из Пскова князя Владимира, надеявшийся с помощью гладиферов вернуться на отцовское княжение.

Ливонские тевтоны осадили Изборск, хорошо укрепленный город на западной границе псковских земель. После нескольких неудачных приступов Изборск был взят. Меченосцы, оставив там свой гарнизон, вместе с князем Владимиром двинулись дальше, на Псков. Псковичи во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем (назначенным молодым новгородским князем Александром Ярославичем) выступили навстречу союзникам, которые дали им бой, невзирая на численное превосходство и отличное вооружение псковичей. Последнее обстоятельство было особо подчеркнуто в «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского (Латышского):

*Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию.
Так называется город,
Который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
Они собрались в поход
И поскакали туда,
Многие в блестящей броне,
Их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков.
Начался жестокий бой.*

Невзирая на «крутой нрав», отличное вооружение и множество стрелков, псковичи были разбиты. В битве пало более 800 псковичей, в том числе их воевода Таврило Гориславич.

Псковичи «вдали плечи», или, попросту говоря, побежали. Ливонские тевтоны и русская дружина Ярослава Владимировича преследовали их, но ворваться в Псков «на плечах» бегущих все же не успели. После недельной осады, собравшись с силами, меченосцы razорили земли вокруг Пскова и двинулись на Водьскую пятину (владение Господина Великого Новгорода), овладев там в течение короткого времени крепостями Копорье (Капория) и Тесов и создав, таким образом, опорную базу для завоевания Новгорода. При этом они, не собираясь тратить силы в долгих осадах, намеревались вынудить Псков и Новгород к сдаче при помощи разорения окрестных земель и экономической блокады. Это удалось им в отношении Пскова, где и без того имелась сильная партия сторонников князя Ярослава и ордена. Псковский посадник Твердило Иванкович сдал город ливонским тевтонам и стал править Псковом вместе с двумя братьями-рыцарями, посаженными орденом в Пскове в качестве наместников-фогтов (или, по-русски, тиунов).

В июле 1240 г. шведская флотилия вошла в устье Невы, чтобы покорить Ижорскую землю. Предводителем шведских крестоносцев традиционно считается ярл Биргер (зять короля Эрика Эриксона), хотя многие современные историки утверждают, что Биргер в походе не участвовал, а предводителем шведов был другой военачальник — ярл Ульф Фаси. В Житии Александра Невского сказано, что во главе экспедиции стоял «король части Римськыя от полунощныя страны», или, говоря по-нашему, «король римской (римско-католической) веры из Полунощной страны». По-видимому, шведы намеревались не брать Новгород, а построить крепость на побережье Финского залива, опираясь на которую могли бы помешать местным племенам выходить по реке Неве в Балтийское море и грабить торговые суда и прибрежные районы Швеции (как это делали, например, воинственные и охочие до добычи карелы, разграбившие даже столицу Швеции Сигтуну и подарившие поддерживавшему их Господину Великому Новгороду так называемые «Корсунские врата», снятые с кафедрального собора разграбленной Сигтуны). 15 июля 1240 г. юный князь Александр во главе своей новгородской дружины и ладожско-карельско-ижорского

ополчения, ошеломив шведов внезапным нападением, нанес им ощутимые потери и ранил в конном поединке их предводителя (как бы того ни звали) в лицо («возложи» ему «печать на лице острым своим копием»). Потери войска Александра составили, согласно новгородским источникам, всего 20 человек. Как только ошеломленные шведы опомнились и выстроились в боевой порядок, князь отступил. Погрузив своих убитых (в числе которых, по некоторым сведениям, был и «бискуп», то есть епископ Римско-католической церкви) на корабли (часть из которых была вслед за тем затоплена), ушли восвояси и шведы. За эту молниеносную и блестящую победу князь Александр получил прозвище Невский.

Однако буйные новгородцы не нашли ничего лучше как изгнать князя Александра (они были явно недовольны его нападением на шведов, совершенным юным князем на свой собственный страх и риск, без согласования с боярством и вечем), причем как раз в тот момент, когда вчерашние меченосцы (уже влившиеся в ряды Тевтонского ордена) в союзе с войсками дерптского епископа взяли Изборск, порубили княжеского воеводу и псковичей, а посадник Твердило Иванович и псковские бояре, настроенные сепаратистски (по отношению к своему «старшему брату» Великому Новгороду), впустили в Псков тевтонский гарнизон. Новгороду это не касалось, однако ливонские тевтоны сгоряча продвинулись до побережья Невы, в Карелию (папа римский авансом передал эти земли латинскому епископу острова Эзель, или, по-эстонски, Сааремаа), взяли Тесов и начали строить замок в Копорье. А это были уже земли Господина Великого Новгорода.

В 1241 г. князь Александр во главе новгородской рати и вспомогательных отрядов крещеных в Православие племен ижорцев и карел захватил тевтонский гарнизон врасплох в Копорье, отпустив часть пленных тевтонов и повесив местных «переветников» (изменников). Зимой же 1242 г. он при поддержке дружины своего брата князя Андрея Ярославовича взял Псков (при штурме которого было убито 70 орденских братьев — не только рыцарей, но и сержантов-сариантов), а затем Изборск и вторгся на территорию Дерптского епископства с войском из Северо-Восточной Руси, воспользовавшись восстанием пруссов против орденской власти в Помезании и Вармии (Эрмланде). Дать ему решительный отпор тевтоны были не в состоянии. Общая численность орденских войск составляла не более 1000—1200 человек. Отряд же, направленный ими против Александра, едва ли насчитывал более 500 человек (включая вспомогательные войска дерптского епископа Германа фон Буксгевдена и датских «королевских мужей», присоединившихся к ливонским тевтонам, согласно «Рифмованной хронике»). В пользу данного предположения говорят следующие факторы.

1) В описываемое время, после разгрома в битве с татаро-монголами при Валинтатте в 1241 г., братьев-рыцарей в ордене насчитывалось не более 100;

2) Рыцарское копье (глефа, шписс, ланце) в описываемое время состояло, включая возглавлявшего его брата-рыцаря, из трех человек: рыцаря, оруженосца (брата-сарианта) и конного стрелка-арбалетчика (имевшиеся в тевтонском войске пехотинцы-кнехты в состав копий не входили);

3) Рыцарей в баннере (хоругви, знамени), согласно построению острия клина («кабаньей головы», или «свины», о которой у нас еще пойдет речь далее) должно было быть 35 человек. Этому числу рыцарей соответствовали 365 пехотинцев колонны (второй части построения). Таким образом, общее количество тевтонов составляло примерно 400 человек (а не «десять—двенадцать тысяч воинства», как утверждает, например, В. Каргалов в своем очерке жизни и деятельности Александра Невского в книге «Полководцы X—XVI вв.», М., 1989. С. 96). С учетом же данных немецкой «Рифмованной хроники» это число, равно как и потери, определяется с точностью до человека, что и делают современные российские историки А. Кибовский в своем труде «Ледовое побоище» и Л. Маневич в своей работе «Русь и меченосцы».

Что же касается численности войска князя Александра Невского, то вряд ли оно значительно превосходило войско ливонских тевтонов и их союзников. На это также был ряд причин:

1) войско князя Александра понесло немалые потери при штурме Копорья, Изборска и Пскова;

2) был конец зимы, когда продовольствие заканчивается вообще (а в разоренных войной землях тем более), следовательно, прокормить многочисленное войско (даже такое традиционно неприхотливое в пище, как русское) не представлялось возможным;

3) начиналась весенняя распутица, которая затормозила бы продвижение многочисленного войска, да еще отягощенного большим обозом;

4) одержав победу в Ледовом побоище, Александр не продолжил войну с орденом (что свидетельствует об отсутствии у него необходимых для этого сил).

Заметим в скобках, что князь Александр Невский, женатый на Вассе—дочери князя Брячислава Полоцкого, имел в Ливонии и личный интерес.

5 апреля 1242 г. на льду (хотя целый ряд историков, вопреки устоявшейся традиции, и отрицает, что «на льду») Чудского озера (озера Пейпус) сошлись сотни тяжеловооруженных всадников. Одни из них — под началом князя Александра Невского, другие — под началом ливонского ландмейстера Тевтонского ордена Дитриха фон Грюнингена (хотя его личное участие в побоище также отрицается целым рядом историков). Вместо Грюнингена (Гренингена) часто называется Андреас фон Вельве (упоминаемый в Житии Александра Невского — хотя и без прямой связи с битвой на Чудском озере — как «Андреаш», прибывший познакомиться с князем Александром с Запада, от «тех, что именуют себя слугами Божьими»). В действительности Ледовое побоище происходило совсем не так, как описано в привычных нам учебниках (и уж тем более не так, как оно показано в фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»), Из красочной картины сражения, в котором Александр Невский (уже носивший это прозвище в честь своей победы над шведами на реке Неве двумя годами ранее) окружил ливонских тевтонов фланговой атакой кавалерии, а тевтоны проломили своей тяжестью лед, верно лишь то, что тевтоны во второй раз атаковали «свиньей». «Свиньей» («кабаньей головой») именовался плотный строй с тяжеловооруженными всадниками в «челе» (первых рядах, выстроенных «клином») и по бокам и пешими ратниками (кнехтами) в середине. Этот боевой порядок был необычен для светских рыцарей Европы. Большинство из них из соображений личной и фамильной гордости просто не могло допустить, чтобы чье-то знамя находилось впереди. Рыцари с оруженосцами и челядью атаковали каждый сам по себе, образуя неправильную цепь. Новгородский летописец, писавший по горячим следам событий, воздал должное необычайно высокой дисциплине ливонских тевтонов, которые «прошиблись свиньей сквозь полк» русских.

В первоисточнике — Новгородской Первой летописи — говорится просто: на восходе солнца в субботу немцы и чудь (эсты-эстонцы) атаковали русских «на Чудском озере на Узмени у Вороньего камня... и прошиблись свиньей сквозь полк, и была тут сеча велика немцам и чуди... и не было видно льда, покрылось все кровью... и немцы тут пали, а чудь дала плечи (бежала), и гоня били их на 7-ми верстах по льду до Суболичь-кого берега, и пало чуди без числа, а немец 400, а иных 50 руками взяли и привели в Новгород».

Согласно тевтонской «Рифмованной хронике» конца XIII в., «у русских было много стрелков, они отразили первую атаку, мужественно выстроившись перед войском короля (князя Александра. — *В.А.*). Видно было, что отряд братьев (баннер — хоругвь, или знамя, отряд численностью 30—35 рыцарей, а всего — до 400 всадников. — *В.А.*) строй стрелков прорвал, был слышен звон мечей и видно, как раскалывались шлемы. С обеих сторон убитые падали на землю (или на траву, но не на лед! — *В.А.*). Те, кто был в войске братьев,

оказались в окружении... братья упорно сражались, все же их одолели. Часть... вышла из боя, чтобы спастись... двадцать братьев остались убитыми и шестеро попали в плен». Цифры вполне соответствуют Новгородской Первой летописи: 20 рыцарей сопровождало более 400 кнехтов, но в плен их всегда брали меньше (из в общей сложности 50 немцев всего 6 рыцарей). Впрочем, скорее всего, под «братьями» в «Рифмованной хронике» подразумеваются не только орденские братья-рыцари, но и братья-сарианты.

В отличие от фильма Эйзенштейна, «братьям» ливонского филиала Тевтонского ордена в этой сече противостоял вовсе не пеший строй новгородского ополчения (участие которого в битве представлялось крайне важным для советской кинематографии и историографии, дабы лишний раз подчеркнуть «исторически прогрессивный», «народный» и «классовый» характер Ледового побоища — ведь и сам князь Александр, по версии Эйзенштейна — в которой он, кстати, ни разу лба не перекрестит, предоставив тевтонским «врагам народа» в изобилии пользоваться всевозможной христианской символикой! — выступает как своеобразный «вождь народных масс», разгром которыми тевтонской походной часовни, с последующим бегством епископа со Святыми Дарами под мышкой, особенно смакуется тов. Эйзенштейном! — в борьбе не только с «феодалной агрессией» коварного латинского Запада, но и с «собственными эксплуататорами» — новгородскими и псковскими богатеями, среди которых присутствует, между прочим, и некий православный изменник-монах). Никаких сведений об участии новгородского ополчения в Ледовом побоище (в отличие, скажем, от битвы с ливонскими тевтонами и их союзниками при Раковоре в 1268 г.) до нас не дошло. Кстати, даже если бы в Ледовом побоище и участвовало «народное» новгородское ополчение, оно было бы отлично вооруженным и выглядело бы совсем не так убого, как в кино — мужики-лапотники с дубинами, ослопами, оглоблями, в «кольчужках» явно не по росту — «да не (классовый. —В.А.) враг дал, сам ковал»! Но дело-то совсем в другом. Ливонским тевтонам пришлось «пробиваться свиньей» через Передовой полк отборной владими́ро-суздальской княжеской «кованой рати» братьев Александра и Андрея Ярославичей, превосходившей мариан (войско которых, как мы знаем, состояло в основном из легко вооруженных чудинов-эстов) тяжестью вооружения.

О подавляющей мощи русских дружинников в двойных кольчугах и блистающих шлемах сообщают все тевтонские источники, начиная с «Рифмованной хроники» XIII в. В немецком описании Чудской битвы подчеркнута еще, что суздальская конная рать «короля Александра» в изобилии имела луки, обладавшие огромной убойной силой. Именно градом стрел, выпущенных из этих луков, русский Передовой полк отразил первую атаку ливонских тевтонов. Но те повторили атаку, прорвали боевые порядки Передового полка и врубились в основную рать — Большой полк.

Расстановка русских войск была стандартной: князь во главе Большого полка в центре, впереди — Передовой полк, на флангах — полки Правой илевой руки. Возможно, имелся еще и резервный, Засадный полк (как в фильме Эйзенштейна), однако обрывистый восточный берег Чудского озера в районе Вороньего камня делал его необязательным. Маневра для окружения ливонских тевтонов Александру Невскому не требовалось — ведь они сами буквально рвались в окружение, в котором и погибли. В самоубийственной второй атаке участвовало более 400 конных воинов, в том числе около 35 братьев-рыцарей. Менее десятка смогло прорваться назад и бежать по примеру чудинов-эстов, составлявших «тело» железной тевтонской «свиньи». 20 братьев-рыцарей полегло в жаркой сече, шесть было взято в плен. В этом тевтонская хроника точно совпадает с русской (вместе с кнехтами — 50 плененных немцев и 400 убитых, усеявших своими телами окровавленный лед Чудского озера).

Скорее всего, никакой лед под ливонскими тевтонами 5 апреля 1242 г. не проламывался, и под лед они не уходили (да и как в таком случае они смогли бы «усеять лед своими телами на протяжении нескольких верст»). Ведь место для битвы выбирал сам князь Александр, который уж точно не стал бы выстраивать свою собственную тяжеловооруженную

отборную конницу на тонком, подтаявшем льду (именно на этом основании ряд историков вообще ставит под сомнение самый факт, что сражение произошло «на льду» Чудского озера, а не «при» Чудском озере)! А вот в другом, уже упоминавшемся нами выше, сражении с русскими, восемью годами ранее, в 1234 г., когда отец Александра Невского — князь Ярослав Всеволодович — потопил братьев Ливонского ордена меченосцев (не влившегося еще в более крупный и сильный Тевтонский орден) в реке Эмба, под хрупкий лед которой некоторые из них действительно провалились. Весьма красочный и леденящий душу мотив потопления немецких рыцарей, проваливающихся под лед, присутствует не только в фильме Эйзенштейна, но и почти на каждой картине, посвященной Ледовому побоищу. Но история его происхождения уходит в прошлое не далее, чем до XV в., когда он был впервые внесен в описание Чудской битвы, включенное в Софийскую Первую летопись.

Укажем, кстати, вес защитного вооружения рыцаря первой половины XIII в.:

- 1) кольчуга с длинными рукавами — около 14 кг;
- 2) кольчужные чулки (около 8 кг пара);
- 3) щит (около 4 кг);
- 4) шлем (около 4 кг).

Таким образом, общий вес защитного вооружения составляет около 30 кг, при этом весьма равномерно распределенных по телу и нисколько не сковывающих движений (так что представление о «неповоротливых», «тяжеловесных», «неуклюжих» западных рыцарях на поверку оказывается не более чем мифом — во всяком случае, в отношении рыцарей XIII в.). Для сравнения: полная выкладка современного пехотинца составляет более 40 кг. Но это так, к слову.

А если даже кто-то из тевтонов и провалился под лед, то это могли быть только те «слуги Божии», которых воины князя Александра оттеснили на так называемые «сиговицы» — подтаявший лед, не выдержавший тяжести дерущихся и действительно проломившийся под ними. Видимо, среди этих немногочисленных провалившихся были не только тевтоны, но и дружинники князей Александра и Андрея. Судя по иконографическим источникам описываемого времени, вооружение и доспехи русских дружинников практически не отличались от вооружения и доспехов западноевропейских рыцарей и, соответственно, весили не меньше. Не зря в «Слове о полку Игореве», описывающем события конца предыдущего, XII в., упоминаются «латынские» (латинские, то есть западноевропейские) шлемы русских князей.

Новгородская летопись так и говорит: «...иних (некоторых, нескольких, кое-кого) вода потопи...» Впрочем, довольно об этом.

Судя по немецкой хронике, ливонские тевтоны и их союзники бросились в бой от страха перед могучей ратью, с которой «король Александр» отвоевал у них Псков и новгородские владения, захваченные ненадолго «марианами», а теперь шел на Дерпт. Именно дерптский епископ Герман фон Буксгевден взывал к ордену о спасении. И тевтоны спасли его — хотя и ценой собственных жизней.

Впрочем, князь Александр не собирался осаждать и штурмовать Дерпт, претендуя лишь на дань, которую дерптский епископ был обязан платить новгородскому князю за право владения эстами.

Сразу же после битвы Господин Великий Новгород заключил мир, причем не с ливонским филиалом Тевтонского ордена, а с епископами Риги и Дерпта. Епископы прислали в Новгород посольство с извинениями за вторжение и предложением примириться на границах, существовавших до 1240 г., произведя размен пленных. Как сказано в Новгородской Первой летописи, «в том же (1242) году прислали немцы с поклоном» в отсутствие князя, что мы заняли Водь, Лугу, Псков, Латыголу (Латгалию) мечом, того мы все отступаем, а что мы взяли мужей ваших, теми разменяемся, мы ваших отпустим, а вы наших

пустите, и заложников псковских отпустили и умирились». Стороны заключили мир, причем о возобновлении выплаты дерптским епископом «юрьевской дани» новгородскому князю и речи не было (хотя именно из-за невыплаты этой дани дело и дошло до Ледового побоища)! Не ясно, участвовал ли князь Александр в подписании мирного договора. Во всяком случае, в 1243 г. он уже замещал на владимирском столе (великокняжеском престоле) своего отца великого князя Ярослава Всеволодовича, вызванного татаро-монгольским ханом в Орду.

Воодушевленные разгромом тевтонов в Ледовом побоище, в 1242 г. против власти ордена восстали пруссы. Непосредственной причиной восстания послужила, однако, не победа князя Александра, а нарушение Тевтонским орденом договора, по которому представителям прусской родоплеменной знати предоставлялось право участвовать в управлении делами земель. Восставшие опустошили Хелминскую землю (Куль-мерланд), но большинство орденских замков устояло перед их натиском.

1 октября 1243 г. был подписан договор о взаимной защите и помощи между епископами Риги, Дерпта, острова Эзель и Тевтонским орденом.

В 1244 г. в битве при Газе в далекой Святой земле войско крестоносцев было разгромлено объединенной армией хорезмийских и египетских мусульман. После поражения Христовых воинов при Газе у Тевтонского ордена осталось в Святой земле всего три брата-рыцаря (397 тевтонов были убиты или попали в сарацинский плен).

В 1247 г. в Пруссию прибыло пополнение, состоявшее в основном из братьев других военно-монашеских орденов, и тевтоны перешли в наступление на прусских повстанцев.

23 ноября 1249 г. в битве при Крюкене пруссам удалось разгромить многочисленный отряд тевтонов. В схватке пало 54 орденских брата. Редко когда пруссам удавалось добиваться такого успеха в полевом сражении.

О ВЫСШЕМ РУКОВОДСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Тевтонский орден имел строгий устав и четкую иерархическую структуру. Во главе ордена стоял Совет (Конвент) высших должностных лиц, называвшихся по-немецки (гросс) гебитигеры, в переводе на русский — (великие) повелители, и, в свою очередь, возглавлявшихся орденсгебитигером, избиравшимся пожизненно Генеральным Капитулом (административным советом) и носившим титул верховного магистра — «Супремус магистер» (supremus magister) или «Маги-стер генепалис» (magister generalis) по-латыни и «гохмейстер» (Hochmeister) по-немецки (*старонем. homeyster*).

Данное обстоятельство следует особо подчеркнуть, поскольку глава Тевтонского ордена в русскоязычной литературе почему-то (вероятно, в подражание главам других военно-монашеских орденов — например, храмовников или госпитальеров) упорно именуется не «верховным», а «великим» магистром. Латинское слово «магистер» (нам более привычна русифицированная форма «магистр»), равно как и его немецкий эквивалент «мейстер» («майстер»), означает «мастер» в антично-средневековом значении этого слова («начальник», «учитель», «наставник» или, как тогда говорили, «ректор» — сравните наше современное «мэтр» в значении «авторитет», «величина в своей области»). Например, в немецком переводе Евангелия ученики Иисусовы именуют своего Божественного Учителя «Мейстер» (буквально «мастер», «магистр»).

Гохмейстер ордена, осуществлявший в соответствии со своим титулом верховную духовную и светскую власть и подчиненный непосредственно римскому папе, избирался пожизненно, хотя иногда рыцари его смещали (например, Гергарда фон Мальберга или Генриха фон Плауэна), а порой — даже убивали (как Вернера фон Орзельна). Гохмейстер Карл фон Трир (Каролус де Тревери), смещенный своим окружением в 1317 г., покинул свою мариенбургскую резиденцию, был в 1318 г. восстановлен в должности на орденском Конвенте в городе Эрфурте, но в Мариенбург больше не вернулся, продолжая управлять орденом Приснодевы Марии из своего родного немецкого города Трира. Гохмейстер Буркхард

фон Швенден (Бургардус де Сванден), выходец из Швейцарии, перед самым отбытием в Святую землю неожиданно вышел из Тевтонского ордена и вступил в орден госпиталириев (госпитальеров), членом которого оставался до самой смерти (хотя и пытался впоследствии вернуться в орден Девы Марии). Но подобные случаи были крайне редки.

По своему достоинству верховный магистр как духовное лицо считался равным епископу Римско-католической церкви, в знак чего носил полученный от папы епископский перстень («кольцо верховного магистра») и посох. До наших дней сохранился перстень, датируемый первой половиной XIII в., якобы подаренный (анти)папой Гонорием III четвертому гохмейстеру тевтонов Герману фон Зальца. Это массивное литое кольцо из червонного золота, украшенное большим, неправильной формы кроваво-красным рубином, обрамленным по бокам двумя крупными алмазами.

Первоначально верховные магистры тевтонов носили такое же белое, с черным крестом на левом плече, облачение, что и все братья-рыцари своего ордена, независимо от занимаемой должности.

Единственным внешним отличием гохмейстера от остальных рыцарей ордена Девы Марии в описываемый ранний период орденской истории являлся нашитый на груди его белого кафтана (котты) или полукафтаны (сюрко) черный крест с серебряной окантовкой — первоначально прямой, но со временем превратившийся в лапчатый. К концу XV в. серебряную окантовку, судя по дошедшим до нас иллюстрациям и гравюрам, получили и черные лапчатые кресты на белых плащах рыцарей и священников Тевтонского ордена. Именно этот черный, прошитый серебром тевтонский крест впоследствии, в начале XIX в., вдохновил прусских художников на создание знака Железного Креста, а в годы Первой мировой войны — эмблем для боевых машин и самолетов германской армии.

ИЗБРАНИЕ ВЕРХОВНОГО МАГИСТРА МАРИАН

Весьма любопытной представляется, на наш взгляд, процедура выборов гохмейстера тевтонов.

Сначала на заседании Генерального Капитула зачитывался вслух устав Тевтонского ордена. Затем служили обедню, во время которой каждый член капитула пятнадцать раз читал молитву «Pater noster» («Отче наш»). После этого торжественного богослужения устраивалась традиционная даровая трапеза для 13 убогих. Затем великий комтур (заместитель верховного магистра) назначал первого электора (выборщика), тот, в свою очередь — второго, потом первый и второй выборщики вместе назначали третьего выборщика, и так далее, пока общее число всех выборщиков не достигало тринадцати. Это число считалось священным — в память Христа и 12 его апостолов — и складывалось из одного брата-священника, 8 братьев-рыцарей и 4 служащих братьев, представлявших различные комменды (комтурии, командорства) Тевтонского ордена. Выборщики присягали на Святом Евангелии честно исполнить свой долг, после чего приступали к процедуре выборов нового гохмейстера.

Как правило, выборы протекали спокойно, без особых разногласий, и завершались пением «Te Deum laudamus» («Тебя Бога хвалим...»). Затем заместитель главы ордена торжественно вручал вновь избранному верховному магистру большую орденскую печать и перстень, символизировавший высшую власть над орденом. Под колокольный звон гохмейстер, его заместитель и отправлявший торжественное богослужение брат-священник обменивались так называемым «поцелуем мира», после чего верховный магистр, с согласия Генерального Капитула, назначал на высшие должности ордена новых «гебитигеров» (или оставлял в должности прежних).

Состояние орденской казны держалось в строжайшей тайне. Большая печать ордена хранилась в потайном шкафу с тремя замками. Ключ от первого замка хранился у самого верховного магистра, ключ от второго замка — у великого комтура, ключ от третьего замка

— у «тресслера» (казначей). Поэтому открыть этот шкаф они могли только втроем. Таким образом, власть гофмейстера, хотя и была, по сути дела, самодержавной, тем не менее, ограничивалась Генеральным Капитулом — например, в столь важных финансовых вопросах.

О ДОЛЖНОСТНОМ ГЕРБЕ ВЕРХОВНОГО МАГИСТРА

Прямой черный крест верховного магистра Тевтонского ордена на белом поле был украшен в центре черным одноглавым орлом Священной Римской империи германской нации на золотом щите. На черный крест был наложен более узкий золотой крест королевства Иерусалимского, основанного крестоносцами в Земле обетованной (так называемый «Крест императора Констанция» — по древней легенде, римскому императору Констанцию, сыну первого христианского императора — святого равноапостольного царя Константина Великого, — в небе над Иерусалимом привиделся крест именно такой формы), чаще всего имевший форму, именуемую в геральдике «костыльной» или «усиленной» (с поперечными перекладами на концах лучей креста), оканчивающийся на концах золотыми геральдическими лилиями.

Черный одноглавый имперский орел на гербе гофмейстера мариан связан с буллой римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена 1226 г., даровавшего тевтонскому верховному магистру наследственные права суверенного владетельного государя в завоеванной Пруссии (не входившей в состав Священной Римской империи) и титул князя (по-немецки «фюрста», по-латыни «принцепса») Священной Римской империи германской нации (во входивших в состав империи орденовых владениях тевтонов).

Золотой иерусалимский крест был дарован гофмейстерам ордена королем Иерусалимским Гвидо(ном) Лузиньяном вместе с рядом привилегий за заслуги тевтонских рыцарей в борьбе против сарацин в Святой земле. Золотые же лилии на концах креста в гербе верховного магистра Тевтонский орден за аналогичные заслуги получил от французского короля-крестоносца Людовика IX Святого. К середине XIV в., в эпоху расцвета Тевтонского ордена в Пруссии, этот уже далекий от первоначальной монашеской простоты, пышный герб украшал белое облачение, доспехи, щит, конскую попону, Большую и Малую хоругвь верховного магистра (а с середины XV в. и по сей день — богато украшенный шейный крест на черной ленте и металлический крест, который гофмейстеры носят слева на груди в качестве своеобразного эквивалента орденовой звезды).

ВСЕ ЛИ ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ

БЫЛИ ДВОРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ?

В качестве полноправных членов в Тевтонский орден в первые столетия его существования принимались главным образом отпрыски дворянских родов (как правило, младшие сыновья мелкопоместных рыцарей, не получавшие доли в отцовском наследстве), но наряду с ними также и не принадлежавшие в рыцарскому сословию (*лат.* *ordo equester*, буквально: «всадническому сословию» — термин, заимствованный из терминологии Древнего Рима, где всадниками — эквитами — именовалось второе по знатности, богатству и значению сословие после патрициев-сенаторов) бюргеры (горожане) — главным образом, граждане торговых ганзейских городов Бремена и Любека (как дань уважения первым тевтонским странноприимцам, происходившим из этих двух городов) — и хорошо зарекомендовавшие себя незнатные воины-крестоносцы.

Последние за особые заслуги, пройдя период послушничества и после принесения необходимых обетов и принятия монашеского пострига, возводились в сан брата-рыцаря (*лат.* «фратер милее» или «фратер милитариус», буквально брата-воина) Тевтонского ордена лично гофмейстером (который сам обычно был выходцем из нетитулованного рыцарского сословия, и лишь в редких случаях — из аристократических родов Священной Римской империи германской нации). Подниматься по служебной лестнице до высших административных должностей могли, как правило, лишь братья-рыцари, хотя бывали и

исключения. Так, например, вышеупомянутый верховный магистр Карл фон Трир был сыном горожанина (бюргера) из немецкого города Трира на Рейне. Братья-рыцари, братья-сарианты и братья-священники приносили обет пожизненного служения Тевтонскому ордену.

Братья, вступившие в орден Девы Марии, передавали ему всю свою движимость и недвижимость (если таковая имелаась), навечно вешали щиты со своими фамильными гербами (если обладали таковыми) на стены орденской церкви и отныне украшали свой щит только черным на белом поле крестом

Тевтонского ордена. Кстати, почему, собственно говоря, Тевтонского и какое отношение тевтоны, или тевтонцы, имеют к немцам и Германии?

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА «ТЕВТОНЫ»

Первые упоминания о тевтонах (*лат. teutoni*) относятся к 350—320 гг. до Р. Х., когда древнегреческий мореплаватель Пи-фей (который, кстати, впервые поведал миру о существовании за полярным кругом таинственной земли «Крайняя Туле», или «Крайняя Фула» (*лат. Ultima Thule*) из Массилии (Марселя) достиг северо-западного побережья современной Германии и обнаружил обитавшее там племя тевтонов. Согласно Пифею, эти тевтоны вели с греками меновую торговлю электроном (то есть солнечным камнем янтарем), который собирали на каком-то острове Абал (Абалон, Авалон — возможно, «Остров Яблок», связанный в позднейших легендах с феей Морганой и королем Британии Артуром Пендрагоном?), лежащем в одном дне пути от побережья (некоторые историки пытались локализовать Абал в районе современного немецкого острова Гельголанд). Во второй раз греко-римский мир столкнулся с тевтонами в 104—101 гг. до Р. Х., когда они в союзе с племенем кимбров чуть было не завоевали Италию.

Долгое время позднейшие исследователи считали оба северных племени германскими (тем более что античные историки не сразу начали отличать древних германцев от их западных соседей — кельтов, или галлов). В настоящее время большинство историков склоняется к тому, чтобы считать кимбров все-таки не германцами, а кельтами (об этом, в частности, говорит, чисто кельтское имя их вождя — Бойорикс). Тевтонов же (и их короля Тевтобод, *нем. Teutobod*), разбитых римлянами в 102 г. до Р. Х. в Галлии, с некоторыми сомнениями (высказываемыми прежде всего французскими историками в приливе галльского, то есть кельтского, патриотизма) все-таки относят к числу германцев, хотя известно, что в пантеоне именно кельтских (а не германских) божеств был одноименный тевтонам бог Тевтат (*Teutatis* или *Toutatis*).

На языке древних германцев существительное «тиот» (*tiot*), или «тиод» (*tiod*), означало «народ», а прилагательное «тиотиск» (*tiotisk*) — «народный». После основания древнегерманских королевств на развалинах Западной Римской империи в V в. по Р. Х. официальным языком, а кое-где — и языком знати, духовенства и вообще образованных людей — в них стала латынь, а германские диалекты стали пренебрежительно именоваться «тиотиск» (*tiotisk*), то есть «(просто) народный» язык. В IX в. крупнейшее из образовавшихся на бывших римских землях «варварских» государств — Франкское королевство (*лат. Regnum Francorum*) — разделилось на две половины: Западнофранкскую (давшую начало позднейшей Франции) и Восточнофранкскую (давшую начало позднейшей Германии).

К тому времени западные франки, перемешавшиеся с романизированным населением завоеванной ими прежней римской Галлии, окончательно забыли свой «простонародный» германский язык, а восточные франки, продолжавшие жить на своих коренных германских землях (в Германии и по сей день существует историческая область, называемая по-русски «Франкония», а по-немецки — просто «Франкен», *Franken*, то есть буквально «франки»), наоборот, сохранили свой язык «тиотиск» (*tiotisk*). Но его название теперь уже произносилось как «тейч», или «тойч» (*deutsch*), из чего, в свою очередь, произошло современное название немецкого языка — «дойч» (*deutsch*), или, как чаще пишут по-русски,

«дейч». Так слово, означавшее «простонародный», стало этнонимом, то есть обозначением германоязычной немецкой нации.

Однако средневековые книжники-латинисты, в соответствии со столь распространенной в те времена «фантастической этимологией», то есть исключительно по созвучию, возвели слово «тойч» = *deutsch* («немецкий») к не совсем ясному по своему происхождению, но прославившемуся в войнах с великим Римом и тем самым сделавшим родство с ними лестным для любого народа тевтонам (по-немецки это слово звучит как *Teutonen* = «тейтонен» или «тойтонен»), и сделали, в соответствии со вкусами своего времени, овеянное славой древних веков слово «тевтон» синонимом слова «немец» (но аналогии с тем, как французов стали, на древнеримский манер, именовать «галлами», англичан — «бриттами», шведов — «готами», русских — «скифами» или, того хлеще, «тавроскифами», а поляков — так даже «сарматами»). Поэтому Немецкий орден («Тейчер опфлем»=*Teutscher Orden*, а позднее «Дейчер опфлен»=*Deutscher Orden*) стал в переводе на латынь именоваться «Ордо Тейтоникорум» (*Ordo Teutonicorum* или *Ordo Theutonicorum*), а орденская провинция Германия (Аллемания) стала называться «Тевтонией» (*Teutonia*).

ЗНАМЕНА И ХОРУГВИ

На главной хоругви Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии были изображены Пресвятая Богородица с Богомладенцем Иисусом на руках, а справа от Богородицы — герб ордена — прямой черный крест на белом (серебряном) поле. Вероятно, данное изображение украшало аверс главной орденской хоругви тевтонов, в то время как на ее реверсе был изображен святой мученик Маврикий (так, во всяком случае, обстояло дело с главной хоругвью ливонского филиала Тевтонского ордена — прямого наследника прибалтийского ордена воинства Христова, или меченосцев, известного также как орден меча). Наличие у рыцарей-мариан этой главной хоругви с образом Пресвятой Богородицы, Небесной Покровительницы и Заступницы ордена, не подлежит никакому сомнению, будучи засвидетельствовано многочисленными хрониками и другими документами, однако о ее наличии в рядах тевтонского войска гофмейстера Ульриха фон Юнгингена в день битвы с польско-литовско-русским войском под Танненбергом 15 июля 1410 г. не сообщает ни один хронист. Возможно, кому-то из тевтонских рыцарей удалось спасти это главное знамя своего ордена, вследствие чего оно не попало в руки победителей и, соответственно, в известный список хоругвей и знамен Тевтонского ордена (*лат.* «Бандерия Прутенорум», то есть «Прусские знамена»), составленный польским хронистом каноником Яном Длугошем.

Другое боевое орденское знамя, так называемая Большая (Великая) хоругвь Тевтонского ордена, было первоначально совершенно белым, безо всяких изображений. Позднее Большая хоругвь представляла собой белое полотнище с прямым черным крестом и тремя косицами (что соответствовало рангу верховного магистра). Земский магистр-ландмейстер имел хоругвь с двумя косицами. Каждый отряд (хоругвь, баннер) орденского войска имел собственное знамя (также именовавшееся хоругвью или баннером) с различными геральдическими изображениями.

На знаменосцев возлагалась весьма почетная, но вместе с тем и весьма опасная миссия — возить знамя, беречь его как зеницу ока и в то же время не забывая своевременно подавать знаменем необходимые сигналы своим войскам (в лязге и грохоте тогдашних рукопашных схваток команды, да и трубные сигналы очень быстро становились неразличимыми, так что вся надежда была на знамя). Знамя было лучшим средством оповещения и ориентиром. К нему стягивались (от этого, кстати, происходит и одно из русских названий знамени — «стяг») войска для перестройки и новой атаки. Знаменем подавались сигналы в бою.

Внезапное исчезновение знамени-хоругви во время боя — это случилось, к примеру, с главным знаменем польского войска при Танненберге — Большой (Великой) Краковской

хоругвью, — могло вызвать панику, его утрата символизировала поражение и считалась огромным позором. Неправильно поданный знаменем сигнал мог привести собственные войска в замешательство (что произошло в ходе битвы при Танненберге, когда изменивший тевтонам кульмский рыцарь — вассал ордена — Никкель (Нильце, Нитце) фон Ренис — подал своим знаменем (на одной половине которого, согласно описанию польского хрониста Яна Длугоша, были изображены белые, а на другой — красные волны с черным крестом и черной чертой наверху) ложный сигнал к отступлению и способствовал поражению тевтонов). За подобные действия орденский устав предусматривал смертную казнь для нерадивого (или вероломного) знаменосца. Обезглавлен был и Никкель фон Ренис (правда, не сразу).

Хотя к знамени-хоругви приставляли надежную охрану, служить знаменосцем (хоругвеносцем) было небезопасно. Знаменосец постоянно являлся первоочередным объектом вражеских нападений и потому всегда носил особо прочное защитное вооружение. Нередко роль знаменосцев выполняли орденские комтуры. Полотнище знамени должно было иметь довольно большие размеры, чтобы хорошо различаться издали, но не слишком большие, чтобы не обматываться вокруг головы знаменосца или головы его коня (что могло иметь фатальные последствия).

Древко знамени обычно заканчивалось острием, как у копья. Как уже говорилось, в бою знамя тщательно охранялось. Устав Тевтонского ордена требовал назначать в эскорт знамени только самых опытных, отборных братьев-рыцарей, вооруженных мечами (иногда даже парой мечей каждый), булавами, чеканами и боевыми топорами, готовых и способных отбить любое вражеское нападение. Им было строго запрещено отлучаться в ходе боя от знамени и оставлять его без защиты. Рыцарям знаменной группы не выдавались копья, поскольку для нанесения таранного удара копьем необходимо было разогнаться, а следовательно — покинуть знамя, оставив его без присмотра. В качестве дополнительной меры предосторожности, для предотвращения паники в случае потери знамени, комтур обычно имел запасное знамя, обернутое вокруг копья. Но Большая (Великая) хоругвь ордена Девы Марии, а также Большая (Великая) и Малая хоругви гохмейстера существовали только в одном-единственном экземпляре.

Со временем у Тевтонского ордена появился свой собственный флот, превратившийся во внушительную военно-морскую силу на Балтике. Мачты орденских кораблей были украшены белыми флагами, а корма и борта — белыми щитами с изображенными на них черными крестами (первоначально — прямыми, а позднее — лапчатыми).

«БЕЛЫЕ ПЛАЩИ»

Основную ударную силу орденского войска мариан составляли тяжеловооруженные братья-рыцари («белые плащи»), сражавшиеся преимущественно в конном строю. По крайней мере, так было в начальный период пребывания ордена в Палестине, где главными противниками тевтонов выступали арабские и тюркские наездники-мусульмане (сарацины) и в Седмиградье (Трансильвании), где «Божиим дворянам» пришлось иметь дело с легкой конницей куманов (половцев), от которых тевтонам, приглашенным венгерским королем Андреем II (Андрашем, Эндре), пришлось оборонять границы Венгрии.

Но в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация во многом изменилась. Кстати, такая возможность была предусмотрена и статьей 22 орденского устава тевтонов «О том, что относится к рыцарству», в которой, в частности, говорилось: «Воистину поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то в зависимости от разнообразия земель и обычаев и нападения врагов надлежит сражаться разным оружием и разными способами...»

Действительно, местность в Пруссии и Ливонии, изобиловавшая густыми лесами, болотами и реками, была не слишком пригодной для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от классического ведения рыцарями военных действий на территории

Святой земли и Европы (преимущественно конного), тевтонским братьям-рыцарям часто приходилось вести бой пешими и биться нередко нетипичным для рыцарей оружием. Так, например, брат-рыцарь Генрих фон Таупадель (разумеется, прекрасно владевший копьем, мечом, топором и булавой) особенно прославился своей меткой стрельбой из (ручной) баллисты, то есть из самострела, кущи, или арбалета (хотя в составе войска ордена имелись наемные арбалетчики и лучники, как, впрочем, и отличная наемная пехота и легкая кавалерия — туркополы, подчинявшиеся, как и в ордене иоаннитов-госпитальеров, особому орденскому должностному лицу — туркопольеру).

Согласно орденскому летописцу брату Петру из Дусбурга, при осаде орденского замка Шенензе вождем прусского языческого племени бартов Диваном «...брат Арнольд Кроп выстрелом из баллисты прострелил горло упомянутому Дивану. Остальные ни с чем ушли».

А при штурме пруссами замка Кенигсберг «...один брат среди прочих оборонявшихся был вынужден бросить заряженную баллисту и едва спасся бегством. Подняв эту баллисту, один самб повесил ее себе на шею. Другие, окружив его, чрезвычайно дивились тому, что это такое, ибо раньше такого не видели, и прикасались к ней руками в разных местах; наконец, когда кто-то нажал на спуск, струна (тетива. — *В.А.*) баллисты перерезала ему горло, так что вскоре он умер. Поэтому пруссы с тех пор очень боялись баллист».

Еще недавно даже многие историки (недооценивавшие значение постоянной физической тренировки и непрерывного военного обучения) считали, что «неповоротливые» средневековые рыцари якобы физически не способны сражаться в пешем строю (по причине тяжести доспехов). Необходимо заметить, что это — очень старое заблуждение. Еще в XIII в. жертвой подобных ложных представлений пал князь (принцепс, получивший впоследствии титул «дукс», то есть «герцог») Поморский (Померанский) Святополк (Свантеполк), бывший союзник Тевтонского ордена в борьбе с язычниками-прусами, со временем изменивший ордену и даже возглавивший восставших против ордена пруссов (чтобы со временем предать и их и снова переметнуться на сторону тевтонов; а брат Святополка, князь Ратибор, даже вступил в Тевтонский орден).

Недооценка боевой выучки и физических способностей «Божьих дворян» дорого обошлась поморскому князю. Орденский хронист брат Петр из Дусбурга так писал о битве, в которой тевтоны нанесли просчитавшемуся «дуксу» Святополку тяжелое поражение:

«Но Свантеполк, полагая, что братья (тевтонские рыцари. — *В.А.*) не собираются бежать, повелел тысяче лучших бойцов своего войска спешиться, наставляя их, чтобы они с превеликим шумом и гамом напали на братьев и, встав под прикрытием щитов, своими копьями пронзили бы коней христиан, говоря: «На них тяжелые доспехи, и они не могут сражаться пешими»».

Между тем ход сражения показал, что Святополк жестоко просчитался. Его войско было наголову разгромлено марианами, даже лишившимися своих боевых коней.

В период пребывания ордена в Святой земле европейские боевые кони были редкостью. Братья ордена Приснодевы Марии вынуждены были пользоваться низкорослыми лошадьми местных сирийских пород (так называемыми «туркоманами»), а нередко даже сражаться в пешем строю. Большую помощь ордену оказали легкоконные отряды туркополов, вербовавшиеся первоначально из сирийских и палестинских христиан, а в впоследствии — из осевших в Святой земле «франков», перенявших у арабов, сирийцев, армян и турок их коней, вооружение и военную тактику.

Во владениях ордена (в том числе в Пруссии) имелись превосходные по тем временам конные заводы. Боевые кони тевтонов являлись результатом тщательной селекции, направленной на соединение качеств лошадей арабских пород, с которыми мариане познакомились и ценить которых они научились еще в палестинский период существования ордена, и европейских тяжеловозов. Конь должен был не бояться противника, а, наоборот,

бросаться на него и бить неприятельских коней и воинов передними ногами, вставая на дыбы. Главный недостаток рыцарских коней заключался в их быстрой утомляемости. Они были не способны к быстрой скачке галопом, предпочитая двигаться медленным шагом или рысью.

Передвижение рысью, особенно мучительное для всадника, считалось у братьев-рыцарей и братьев-сариантов ордена суровым наказанием. Час движения рысью в полном боевом вооружении был для них настоящей мукой. Хорошо известно, однако, что они садились на боевых коней только в самый последний момент перед сражением, передвигаясь до этого на других, походных лошадях, обычно местной низкорослой прусской породы (так называемых «швейках», или «шейках»). Для перевозки оружия, имущества и припасов использовались еще менее ценные вьючные лошади.

В военном походе кафтан (полукафтанье) и плащ надевали поверх доспехов. На своей белой военной одежде и белых плащах тевтонские рыцари носили орденскую эмблему — прямой (позднее — лапчатый) черный «латинский» (с более длинным нижним лучом) крест, пришивавшийся слева на плащ напротив сердца и на грудь кафтана (полукафтаны).

Поэтому неудивительно, что греческий путешественник из Восточной Римской империи (Византии) Ласкарис (Ласкарь) Канан, совершивший в начале XV в. самое дальнее путешествие в страны Западной Европы (включая даже Исландию, которую он, вслед за античным географом Клавдием Птолемеем, именовал «Фулой», или «Туле»), совершенное когда-либо византийцами, описывая Ливонию (где он посетил, в частности, города Ригу и Ревель), подчеркивал, что городами управляет архиепископ, а страной — «дукс (*лат. dux* — полководец, воевода, отсюда титул вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини — дуче. — В.А.) — великий магистр белых одеяний и черного креста».

Черный орденский крест украшал также белые орденские знамена, флажки-прапорцы на копьях, щиты, а в некоторых случаях — также шлемы и белые попоны боевых коней. Каждый брат-рыцарь обязан был иметь трех лошадей (для боя и для перевозки поклажи) и конного оруженосца — брата-сарианта (от французского слова «сержант» и латинского слова «сервиент», то есть «слуга»). В соответствии с требованиями орденского устава каждый брат-рыцарь был оснащен всем необходимым вооружением — прочным, удобным, но безо всяких узоров или украшений (на последнее обстоятельство обращал особое внимание еще Бернар Клервоский в своей «Похвале новому рыцарству», обращенной в первую очередь к тамплиерам, но служившей руководством и для других военно-монашеских орденов «Церкви воинствующей»). Обычный набор рыцарского вооружения включал длинное копье с древком из ясеня, граба, пихты или яблони, обоюдоострый меч, кинжал и булаву (а иногда еще и шестопер, боевой топор, или секиру).

Защитное вооружение брата-рыцаря ордена в период войн в Святой земле, Трансильвании, Пруссии и Ливонии включало клепаный шлем с наносником, защищавшим в бою лицо рыцаря от ранений, и кожаным подшлемником, стеганой суконной шапкой или кольчужным колпаком, амортизировавшим удары (вытесненный со временем, хотя и не повсеместно, горшковидным шлемом с глухим забралом и прорезями для глаз), длинной кольчуги с рукавами, кольчужных чулок с металлическими наколенниками (нередко — с кольчужными башмаками), иногда — кольчужных или латных рукавиц, а также щита — в описываемую эпоху преимущественно треугольного или каплевидного (миндалевидного).

Шлем удерживался на голове прочными кожаными завязками. Щит, изготовленный из прочных досок, обтянутых толстой кожей и обитый металлическим ободом, был оснащен системой кожаных ремней, позволявших удерживать его либо на руке, либо на плече. Обычно щит был белого цвета с черным орденским крестом (форма которого не была единообразной в течение всего периода существования Тевтонского ордена, а периодически

изменялась под влиянием моды и иных обстоятельств), но имели место и исключения из этого правила.

Так, например, дошедший до наших дней щит гохмейстера мариан Карла Трирского (Карла фон Трира), упоминавшегося нами выше, имевший форму сужающегося книзу овала, был не белого, а красного цвета, с желтым ободом (украшенным выполненной черными литерами латинской надписью следующего содержания: «Щит и шлем магистра ордена тевтонских братьев»), с изображением увенчанного шлемом должностного герба верховного магистра). Впрочем, существует представляющееся вполне обоснованным мнение, что этот богато украшенный щит был не боевым, а исключительно парадным (церемониальным).

Составляя со своим боевым конем единое целое, устремив вперед зажатое под мышкой копье, братья-рыцари и братья-сарианты ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской были способны, во славу Христовой веры и своей Небесной Покровительницы, пробить самую прочную неприятельскую броню.

По уставу Тевтонского ордена его членам (подобно тамплиерам и госпитальерам) строжайше воспрещалось носить какие-либо украшения. Тем не менее со временем к этим запретам стали относиться более снисходительно, чем в первые, суровые века существования ордена. Так, при описании Танненбергской битвы 15 июля 1410 г. польский историк Ян Длугош упоминает, что рыцарь ордена Диппольд Кикериц фон Дибер (напавший на самого польского короля Владислава Ягелло), в белом тевтонском плаще, был с головы до ног облачен в богато украшенные доспехи и препоясан золотой перевязью. У самого гохмейстера Тевтонского Ульриха фон Юнгингена, павшего в этой битве, на груди поверх лат висел на золотой цепи золотой же ковчежец со святыми мощами и т.д.

Разумеется, со временем, по мере утяжеления и усложнения наступательного и оборонительного вооружения западноевропейских армий, введения в них артиллерии и ручного огнестрельного оружия, соответствующие изменения происходили и в войсках Тевтонского ордена (как, впрочем, и в войсках других военно-монашеских орденов). А после утраты тяжелой рыцарской конницы с ее длинным копьем статуса основной ударной силы на полях сражений эту роль стала играть превосходная, по тем временам, артиллерия ордена Приснодевы Марии.

КОМТУРЫ

Особо важное место среди братьев-рыцарей Тевтонского ордена занимали комтуры (коммендаторы, или командоры). Эти должностные лица ордена, избираемые из числа наиболее опытных и одаренных братьев-рыцарей, управляли определенными территориями или областями тевтонского орденского государства, являясь одновременно комендантами замков-монастырей, представлявших собой церковные, военно-административные и хозяйственные центры означенных территорий.

Соответственно, на комтуров, подчиненных ландмейстерам (магистрам орденских провинций, или земским магистрам) возлагались орденским руководством церковные, административно-хозяйственные и военные функции. В военное время комтуры возглавляли отряды орденских братьев-рыцарей, несших военную службу в подчиненных им округах-комтурствах (комтуриях) и составлявших конвент (совет) их комтурий (с которым комтуры, в случае необходимости, советовались по важным вопросам), и формировали собой своеобразный командный состав среднего звена. Положение и должность обязывали комтуров сражаться в первых рядах, поэтому потери среди них были особенно велики.

Так, например, один из тевтонских должностных лиц, брат Генрих Штанге (комтур Христбурга, исполнявший одновременно обязанности вице-магистра Пруссии), согласно некоторым источникам, был обязан своим прозвищем (словом «штанге», Stange, на средневерхненемецком языке именовалось рыцарское копье) виртуозному искусству, с которым он владел копьем, и вышел победителем из бесчисленного количества конных

схваток на копьях (хотя его противники — язычники-пруссы, которых — к сожалению, не только в популярной литературе! — вопреки исторической правде, нередко изображают толпой пеших, косматых лесовиков с дубинами и топорами! — также прекрасно владели искусством конного боя на копьях). Комтур Генрих Штанге, вместе со своим братом Германом, пал в бою с прусским племенем самбов при Гермау в 1253 г., прикрывая отход христианского войска в безопасное место. Как писал Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской», «об этом брате Генрихе Штанге, комтуре Христбурга, достоверно повествуется, что, когда он в часовне, преклонив колена перед алтарем, молил Бога, чтобы Он явил ему какой-нибудь знак, если считает его достойным своей милости, то деревянная фигура Распятого, перед которой он молился, протянула руку свою и, осенив крестом, благословила его, и он, увидев этот знак, ушел довольный. Это видел и сообщил всем брат Гейндрик, священник этого же замка, который молился в то время в одном углу часовни».

Черные кресты на белом одеянии комтуров, обозначая их высокий ранг, были большего размера, чем у рядовых братьев-рыцарей.

Тевтонские рыцари шли в бой с песней, созвучной пасхальной молитве: «Christ ist erstanden von der Marter alle...» (по-латыни «Christus resurrexit de mortuis...», а по-русски: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»). Утверждение некоторых авторов, будто члены ордена при встрече приветствовали друг друга словами «С нами Бог!» (*нем.* «Готт мит унс!»), хотя и представляется нам вполне соответствующим духу времени, не находит себе подтверждения в орденском Уставе рыцарей Девы Марии.

Девиз Тевтонского ордена звучал как (и звучит по сей день): «Исцелять-Защищать-Помогать» (*нем.* Heilen-Wehren-Helfen).

БРАТЬЯ-СВЯЩЕННИКИ

Братья-рыцари (*нем.* пристербрюдер) и братья-сарианты (сариантсбрюдер) Тевтонского ордена, будучи монахами, несли военную службу, различаясь по сословным признакам. Но наряду с братьями-рыцарями и братьями-сариантами в орден входили также братья-священники (а не братья-монахи, как иногда неправильно утверждают — ибо монахами являлись все полноправные члены ордена Девы Марии). Для братьев-священников происхождение из того или иного сословия значения не имело. Братом-священником мог стать как дворянин, так и простолюдин. Численность братьев-священников (приносивших, в отличие от братьев-рыцарей и братьев-сариантов, только три «классических» монашеских обета — нестяжания, безбрачия и послушания, но не приносивших обета ратоборствовать против язычников) довольно сильно колебалась в различные периоды истории ордена, но они на протяжении долгого времени уступали братьям-рыцарям как в числе, так и во влиянии.

В силу своего статуса братья-священники обычно не принимали участия в прямых боевых столкновениях с неверными. Тем не менее их существование отнюдь не было тихим и безмятежным. В военных походах братья-священники неизменно сопровождали орденское войско, разделяя с воинами Христовыми все тяготы и трудности походной жизни, и в то же время неустанно вели миссионерскую деятельность на покоренных территориях, населенных язычниками. Мало того! Иные братья-священники, по собственному почину, получив благословение гохмейстера, отправлялись нести Слово Божие язычникам на еще не христианизированные территории и нередко погибали от рук язычников. Многие из них приняли мученический венец за Христа и христианство. Если язычникам удавалось разбить орденское войско, они обычно никого не оставляли в живых, предпочитая сжигать пленных заживо в жертву идолам. Но если у брата-рыцаря или брата-сарианта, попавшего в руки нехристей, имелся хоть какой-то шанс быть выкупленными или обмененными, то брата-священника во всех случаях ждала верная, мучительная смерть (обычно на костре).

В орденской хронике описан подвиг некоего брата-священника, спасшего своих собратьев по ордену от верной смерти, дав им возможность скрытно бежать из осажденной язычниками крепости. Этот старый и больной брат-священник, у которого отнялись ноги, так что он мог передвигаться лишь с невероятным трудом, каждый канонический час звонил в колокол, делая вид, что собирает орденский гарнизон на богослужение, тогда как тевтоны в действительности уже давно скрытно покинули обреченную крепость. В конце концов, язычники распознали его хитрость и замучили немощного старика, оправдавшего своим подвигом слова Священного Писания: «Нет любви больше той, как если кто положит душу свою за други своя».

Как уже говорилось выше, среди братьев-священников ордена были выходцы как из дворянского сословия, так и из простонародья. Согласно уставу, они носили черную рясу, а поверх рясы (начиная с 1244 г.) — белую мантию с черным орденским крестом (так что часто встречающееся утверждение, будто «только братья-рыцари Тевтонского ордена были вправе носить белый плащ с черным крестом», на проверку также оказывается неверным!) и выстригали на макушке гуменце-тонзуру, как и все римско-католические священники того времени. Бороду братья-священники, судя по сохранившимся иллюстрациям, стали носить лишь в конце XV в. (в то время, как тевтонским братьям-рыцарям носить ее с самого начала предписывалось Уставом, как и рыцарям ордена тамплиеров, поэтому поляки и литовцы именовали их «бородачами»; литовцы срезали убитым в бою тевтонам бороды вместе с кожей подбородка и нижней губой — подобно тому, как индейцы сдирали скальпы с голов поверженных врагов — и украшали ими свои шатры и конскую сбрую). Никакого оружия (кроме «духовного меча, который есть Слово Божие») братьям-священникам по уставу, разумеется, не полагалось.

УСЛУЖАЮЩИЕ БРАТЬЯ

Третью группу членов Тевтонского ордена составляли уже упоминавшиеся нами сарианты, или служащие братья, по-немецки: «диненде брюдер» (именуемые по цвету их одежды «серыми плащами», по-немецки «граументлер») — «слуги (динеры) ордена» в самом широком смысле этого слова. Служащие братья набирались из представителей незнатных сословий, но тем не менее являлись полноправными воинами. Впрочем, часть из них, так называемые «кнаппены», служившие денщиками (*нем.* «лейббуршами») и оруженосцами у братьев-рыцарей, могли быть как незнатного, так и знатного рода. В последнем случае они почти всегда могли надеяться на то, что их в свое время также посвятят в рыцари Тевтонского ордена, в первом случае такая надежда была весьма слабой (хотя все-таки была). В бою братья-сарианты (*лат.* «фратрес сервиентес») могли исполнять функции младшего командного состава, возглавлять отряды ополчения принадлежавших ордену земель, причем сражались не только в пешем, но и в конном строю.

Так, например, именно братья-сарианты составляли основную часть орденского контингента в рядах латинского войска, разбитого святым благоверным князем Александром Невским в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. Согласно уставу, в мирное время братья-сарианты занимали низшие административные должности — ведали конюшнями, кузницами, сбруей, обмундированием, служили воинами, оруженосцами и т.д. и т.п.

Вооружение братьев-сариантов (меч, копье, кинжал, топор и булава) было добротным, удобным и качественным, почти ни в чем не уступая вооружению орденских братьев-рыцарей. Однако их доспехи в большинстве случаев были легче рыцарских, вследствие чего сарианты обычно составляли среднюю конницу ордена Девы Марии Тевтонской.

ПОЛУБРАТЬЯ И ФАМИЛИАРЫ

Как уже упоминалось выше, существовала и еще одна категория членов ордена — так называемые «полубратья» (*лат.* «димидии», или «семифратрес»). В эту категорию зачислялись некоторые союзники «кавалеров Святой Девы Марии» и «благодетели», или

«донаторы» (а говоря современным языком — спонсоры ордена). Главные задачи подавляющего большинства полубратьев (приносивших при вступлении в Тевтонский орден обеты целомудрия, послушания и бедности и вносившие в качестве вклада всю свою движимость и недвижимость) лежали в сфере хозяйственной деятельности в орденских имениях. Димидиус был лично свободным человеком. Полубратья занимались сельским хозяйством, уходом за скотом и тому подобными важными делами, снабжая орден всем необходимым, но не будучи обязаны ему военной службой, к которой полубратья привлекались только в самых крайних случаях (при нападениях неприятеля на имение, в котором они трудились на благо ордена, в случае острой нехватки воинов после тяжелого поражения, связанного с большими людскими потерями, и т.д.). В отличие от братьев-рыцарей, полубратья (подобно братьям-сариантам и братьям-священникам) брили усы и бороду.

Ниже полубратьев в орденской иерархии тевтонов стояли так называемые фамилиары (то есть члены орденской семьи, именуемые одно время — в XIX в. — марианами или марианцами—к тому времени этот термин уже перестал употребляться как синоним слова «член Тевтонского ордена»). Фамилиары не принимали монашеского пострига, вели обычную мирскую жизнь за пределами орденских комменд (уже упоминавшихся нами выше замков-монастырей), не выходя из своего сословия, но должны были выполнять определенные обязанности по отношению к ордену Девы Марии. В их число входили светские рыцари-вассалы ордена и арендаторы орденских земель, обязанные являться по призыву орденских властей «людно, конно и оружно» в случае войны, управители орденских мельниц, странноприимных домов, постоялых дворов и пр.

В знак своей принадлежности к ордену фамилиары, подобно вышеупомянутым «полубратьям», носили черный «половинчатый (половинный) крест» в форме буквы «Т», или «Тау» («крест святого Антония»).

Если димидиус, или фамилиар, умирал, не оставив наследников, его имущество наследовал Тевтонский орден.

Кроме того, в тевтонском военно-монашеском братстве существовал институт орденских сестер, то есть монахинь, приносивших орденские обеты и проживавших в монастырях, подчинявшихся верховному магистру. Институт тевтонских орденских сестер угас в эпоху Реформации и был восстановлен лишь в XIX в. Для выполнения определенных работ (например, в госпиталях или орденских хозяйствах) разрешалось привлекать и особ женского пола, именовавшихся полусестрами (*нем.* «гальбшвестерн», Halbschwester) — по аналогии с полубратьями Тевтонского ордена.

О ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ОРДЕНСКИХ СОСЛОВИЙ

Орден Пресвятой Девы Марии сохранял вышеописанную членскую структуру, с некоторыми изменениями, вплоть до 1923 г., когда во главе его был — впервые за всю его историю — поставлен в качестве гохмейстера не брат-рыцарь, а католический священник. Более того, сам институт братьев-рыцарей в рамках Тевтонского ордена был ликвидирован, в результате чего резко повысился статус института фамилиаров. После Второй мировой войны гохмейстер стал практиковать посвящение членов ордена из числа его фамилиаров в «почетные рыцари» (рыцари чести, *нем.* «эренриттер»), но только за особо выдающиеся заслуги перед орденом Девы Марии.

Для справки: в настоящее время Тевтонский орден как таковой состоит только из братьев-священников, служащих братьев, орденских сестер и фамилиаров. Только братья-священники (включая самого верховного магистра, также являющегося священником, а не рыцарем) сохранили право на старинный орденский белый плащ с черным крестом. Фамилиары же носят в торжественных случаях не белые, а черные плащи с нашитым

напротив сердца черным крестом на белом щите. Черные плащи фамилиаров скреплены на груди белым, с черными полосками, шнуром тевтонских орденовых цветов.

Надо сказать, что структура членов Тевтонского ордена на протяжении его более чем 800-летней истории была подвержена постоянным изменениям. Орден сам дал себе строгий устав, регулирующий общежитие, богослужение, служение ближнему и внутреннюю иерархию. Еще в начальный период своего существования в качестве странноприимного братства в Акконе «слуги Божьи» учредили пять филиалов в нескольких городах Святой земли — Газе, Яффе, Аскалоне, Раме и Замси. Затем Тевтонский орден основал целый ряд новых странноприимных домов вдоль маршрутов крестоносцев и паломников, ведущих со всех концов Европы в направлении Средиземноморья и Палестины, в том числе госпитали в Верхней и Нижней Италии, Австрии и Богемии (Чехии).

После своего окончательного превращения в духовно-рыцарское братство Тевтонский орден стал быстро обрастать новыми владениями. На протяжении XIII в. ежегодно создавались все новые орденовые комманды. К 1300 г. в составе орденовых владений марииан насчитывалось уже около 300 комманд, разбросанных на огромном пространстве от Балтийского моря до Атлантического океана, от Швеции и до Сицилии. Так, например, в 1119 г. была основана комманда Зоннтаг в тогдашней Южной Штирии (находящаяся ныне на территории Словении), в 1200 г. — комманда Галле на реке Заале в Восточной Германии, в 1202 г. — комманда Боцен (Больцано) в Альто-Адидже (Южный Тироль), в 1204 г. — комманда Прага в Чехии, Вена и Троппау в Австрии, в 1209 г. — филиалы в Греции, в 1210 г. — в Баварии, в 1218 г. — в Голландии, в 1225 г. — в Швейцарии, в 1228 г. — во Франции, а затем — комманды в Пруссии, Померании и Ливонии (Лифляндии), давшие начало компактному орденовому государству.

ОБ ОРДЕНСКОЙ ИЕРАРХИИ ТЕВТОНОВ

Структура владений Тевтонского ордена лишь в очень редких случаях совпадала с границами тогдашних феодальных государств. Каждое крупное орденовое владение — провинция ордена — именовалось «бальежем», или «баллеем», а стоявший во главе управления этой провинцией старший по званию рыцарь ордена носил титул «земский (земельный) комтур» (ланд-комтур). Для сравнения: у иоаннитов эта должность именовалась «балли (байли, бейлиф)». В своей «Хронике земли Прусской» Петр из Дусбурга перечисляет семь земских комтуров (прецепторов) орденовых провинций Ливонии, Пруссии, Тевтонии (Германии), Австрии, Апулии (Италии), Романии (Греции) и Армении (Киликии и Кипра), именуя их «семью столпами Дома Пресвятой Марии Тевтонской». Как уже упоминалось выше, мелкие раздробленные владения ордена, вкрапленные в территории соседних государств, и составные части бальежей назывались «комтуриями», а их начальники — «комтурами».

Начальники отдельных комманд именовались «коммендаторами», или «комментурами», являясь, по сути дела, комендантами орденовых замков (орденсбургов). Как уже упоминалось выше, в качестве совещательного органа при каждом коммендаторе имелся конвент, то есть совет, состоявший из всех входивших в гарнизон данного замка братьев-рыцарей Тевтонского ордена.

Каждый ландкомтур ежегодно совещался со своим ландкапитулом (советом вверенной ему орденовой провинции). Если орденовая территория была настолько крупной, что включала в себя несколько ландкомтуров (земских комтурств), то ее возглавлял упоминавшийся выше земский магистр (ландмейстер), управлявший этой крупной орденовой провинцией, советуясь с соответствующим капитулом.

Сам гохмейстер управлял всеми орденовыми территориями, совещаясь с созываемым раз в год Великим, или Генеральным, капитулом, о котором уже шла речь выше, при описании выборов верховного магистра. Наряду с Генеральным капитулом, при гохмейстере имелся, однако и еще один, не столь многочисленный, но постоянно действующий совещательный

орган — совет пяти (гросс)гебитигеров (высших должностных лиц ордена, так называемых «Повелителей», или «Великих Повелителей»). В число этих (гросс)гебитигеров входили:

1) великий комтур — управитель орденского имущества, интендант и эконо́м, замещавший верховного магистра во время болезни или длительного отсутствия последнего;

2) верховный маршал (часто именовавшийся просто маршалом) — главный военачальник ордена;

3) верховный госпитальер (госпиталарий, по-немецки «шпиттлер», Spittler) — руководитель больниц, странноприимных домов и постоялых дворов ордена;

4) верховный ризничий (интендант, трапьер, драпьер, или, по-нашему, квартирмейстер), отвечавший за приобретение, изготовление и распределение всей одежды и вооружения;

5) и, наконец, тресслер (скарбник, или казначей), отвечавший за все вопросы финансового управления.

Эти (гросс)гебитигеры вместе с ландмейстерами составляли Генеральный капитул, а подчиненные ландмейстерам комтуры — их ландкапитулы. Но, конечно, не следует полагать, что все эти перечисленные выше высокопоставленные братья-рыцари Тевтонского ордена являлись чем-то вроде министров в современном понимании то есть, что, к примеру, маршал ордена был военным министром, госпитальер — министром здравоохранения, ризничий — министром снабжения и оборонной промышленности, а казначей — министром финансов. В действительности это было и так, и в то же время не совсем так.

Дело в том, что лишь в первоначальный период существования Тевтонского ордена, пока он действовал в основном в Сирии и Палестине, названия всех вышеперечисленных должностных лиц действительно соответствовали их роду деятельности. В период пребывания ордена в Святой земле гебитигеры действительно выполняли отраженные в их званиях функции в системе управления главным орденским замком. Но в эпоху выполнения орденом Девы Марии его крестоносной миссии в Пруссии ситуация в корне изменилась.

Так, например, должности госпитальера-шпиттлера и ризничего-драпьера (интенданта) со временем выродились в чисто почетные титулы.

Как правило, титул госпитальера Тевтонского ордена получал комтур города-крепости Эльбинг (*польск.* Эльблонг), а ризничего — комтур Христбурга (Кристбурга).

Маршал всегда являлся одновременно комтуром Кенигсберга. И в этом была определенная логика, был определенный практический смысл. Ибо именно кенигсбергский комтур обычно отвечал за координацию боевых действий против литовских язычников как наиболее серьезного противника. Будучи одновременно маршалом ордена, ему было проще выполнять задачи военного руководства. Великий комтур, как уже говорилось, являлся заместителем гохмейстера. И только тресслер был единственным из гебитигеров, у которого практическая деятельность соответствовала названию должности — он управлял важнейшими кассами орденского государства.

Все эти названия и титулы сохранились по сей день в тысячах старинных документов, надписях на памятниках и надгробных плитах и свидетельствуют о широком распространении владений Тевтонского ордена. Бурный рост орденских владений побудил гохмейстера, постоянно объезжавшего с инспекцией (визитацией) орденские земли и следившего за поддержанием повсюду надлежащего порядка, назначить себе в наиболее крупных орденских провинциях, например в Ливонии или Германии, не простых ландкомтуров, а своих постоянных заместителей в ранге наместников — так называемых «ландмейстеров» (или геермейстеров — войсковых магистров).

Наместник верховного магистра в Германии (Тевтонии) именовался «тейчмейстер», «дейчмейстер», или «дойчмайстер» (то есть «немецкий магистр», «германский магистр», или «магистр Германии»).

Орденский замок (*нем.* «орденсбург»), в котором размещалась резиденция комтура, именовался «орденским домом» (*нем.* «орденсгауз») или «домом конвента» (*нем.* «конвентсга-уз»), поскольку в нем размещался упоминавшийся выше конвент (совет) братьев-рыцарей (в идеале состоявший из 12 человек, чтобы соответствовать числу апостолов Христовых). Комендантом конвентсгауза был сам комтур.

Прочие орденские замки (а их во владениях тевтонов были сотни — замки строились на расстоянии 40 миль друг от друга, чтобы орденский воинский контингент или отряд крестоносцев — гостей ордена, выступивший в поход, ни одну ночь не оставался под открытым небом) возглавлялись комендантами, именовавшимися «кастелланами» (каштелянами).

НОВЫЕ МАККАВЕИ

К середине XIII в. Тевтонский орден достиг своего максимального территориального расширения. В хрониках тех лет упоминаются ландкомтуры Ливонии, Пруссии, Германии (Тевтонии), Австрии, Апулии (Южной Италии), Сицилии, Испании, Романии (Латинской империи — эфемерного государства, основанного крестоносцами в Греции после взятия латинянами Константинополя в 1204 г.) и Армении (Сирии, Киликии и Кипра), в то время как Палестина находилась под управлением самого верховного магистра.

Правивший на юге Романии (захваченных западными крестоносцами бывших земель православной Восточной Римской, или Византийской, империи) князь Ахайи Готфрид (Годфруа) мог удерживать под своей властью покоренных латинянами греков только при помощи западных рыцарей. Он дал часть своих земель в лен тамплиерам, иоаннитам и «братьям Немецкого Дома».

Так Тевтонский орден в 1209 г. обосновался в Каламате на крайнем юге полуострова Пелопоннес, затем в соседней Метоне (Модоне). Впоследствии тевтонские комменды были основаны в Мостенице, Виллафоре и Андравиде, где «кавалеры Пресвятой Девы Марии» возвели неприступную цитадель. В Виллафоре тевтоны постоянно содержали семь капелланов, а в Андравиде — большой странноприимный дом с двумя филиалами.

Крупнейшими крепостями тевтонских рыцарей в киликийской Армении (чей король, или царь, Левон даже вступил в Тевтонский орден в качестве собрата-конфратера и освободил тевтонов от уплаты всех сборов, налогов и податей) были Амуда и Гаруния.

Задача многочисленных земельных владений Тевтонского ордена, разбросанных по всей Европе, заключалась в том, чтобы за счет излишков, полученных в ходе своей хозяйственной деятельности, обеспечивать выполнение главной задачи ордена, ради которой он, собственно, и был основан, — борьбы с язычниками сперва в Сирии и Палестине, а позднее также в Северо-Восточной Европе, в Пруссии и Ливонии. Главным замком Тевтонского ордена в Святой земле был Монфор (Штаркенберг), расположенный неподалеку от Аккона (и взятый египетскими мамелюками султана-половца Бейбарса после семидневной осады в 1271 г.).

Наиболее древние комменды тевтонов были обязаны своим возникновением и существованием щедрости благочестивых крестоносцев, одаривавших орден денежными пожертвованиями, жаловавших ему земельные угодья, привилегии, храмы, монастыри и здания под госпитали. Среди доброхотов и благодетелей ордена Приснодевы Марии Тевтонской насчитывалось немало римских пап, римско-германских императоров, епископов, светских владык, мелких дворян и состоятельных горожан.

На протяжении первых 50 лет истории ордена большую роль в его динамичном развитии играли гохмейстеры. Один из них, упоминавшийся выше брат Герман фон Зальца (годы правления 1209—1239), принадлежал к числу ведущих дипломатов тогдашней Западной Европы, сыгравших ключевую роль в примирении между римско-германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном и папой римским Григорием IX.

Будучи единственным посредником между императором и папой, тевтонский магистр поддерживал с обоими контрагентами самые тесные дружеские отношения. Наглядным свидетельством тому являлись многочисленные дарения и привилегии, полученные при нем Тевтонским орденом как от императора, так и от папы. Именно при гохмейстере Германе фон Зальца Тевтонский орден окончательно сравнялся по авторитету и влиянию с орденами тамплиеров и иоаннитов. Его деятельность одинаково высоко оценивалась и современниками, и потомками.

В «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга о нем говорится: «Брат Герман фон Зальца, IV магистр... был красноречивый, приветливый, мудрый, прозорливый и прославленный во всех делах своих. Когда после избрания своего он увидел... непрочное состояние ордена, то поклялся в присутствии нескольких братьев, что таз отдаст, только бы его орден со временем вырос настолько, чтобы смог иметь, по крайней мере, десять братьев-рыцарей. Но что содейл в этом случае Ты, о Всеблагий Иисусе...Ты дал ему больше того, что желало сердце его».

Ландграф Тюрингский Конрад (гохмейстер тевтонов с 1239 по 1240 г.), даровавший ордену госпиталь в Марбурге, был избран германскими государями посредником в мирных переговорах между папой римским и немецкими князьями церкви. Генрих фон Гогенлоэ (гохмейстер с 1244 по 1249 г.) получил для ордена в дар богатое владение Мергентгейм, центр орденских владений в Германии. Всего за несколько десятилетий орден превратился в одно из важнейших действующих лиц большой европейской политики, имел повсюду в Европе образцовые для того времени хозяйства и госпитали, оказывал всемерную поддержку армиям крестоносцев. В Святой земле тевтоны отвоевали у мусульман область вокруг Аккона.

Тевтоны реконструировали замок Монфор-Штаркенберг, превратив его в мощнейшую крепость (взятую, как уже упоминалось нами, только в 1271 г. войсками мамелюкского султана Египта Бейбарса после недельной осады). Как мы уже знаем, именно в окружении тевтонских рыцарей римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен торжественно въехал в 1229 г. в освобожденный — почти без единого взмаха меча, путем искусной дипломатии! — Святой град Иерусалим (за что был отлучен папой римским от церкви, ибо действовал по собственной инициативе!). Император Фридрих подарил Тевтонскому ордену расположенный в Иерусалиме древний Немецкий госпиталь, который, впрочем, пришлось покинуть уже в 1244 г., после повторного завоевания Иерусалима мусульманами.

В 1211 г. Тевтонский орден, как уже упоминалось выше, получил от венгерского короля Андраша (Эндре) II в управление часть Седмиградья (Трансильвании). В первой четверти XIII в. орден возвел там целую цепь оборонительных сооружений и замков против набегов куманских (половецких, или кипчакских) орд. Однако вскоре у ордена возникли разногласия с венгерским королем (связанные с нарушением тевтонами королевского запрета на строительство в его владениях каменных замков), который снова взял управление Трансильванией в собственные руки и вынудил рыцарей передать ему все крепости и замки.

ТЕРРА МАРИАНА

1226 г. ознаменовал собой начало одного из важнейших периодов в истории Тевтонского ордена. Правивший на севере Польши (фактически утратившей государственное единство и распавшейся к описываемому времени на ряд отдельных, ожесточенно враждующих между собою княжеств) князь (именовавшийся немцами герцогом) Конрад I Мазовецкий, буквально изнемогавший в борьбе с язычниками-прусссами (успешно преодолевавшими воздвигнутые поляками в качестве защиты от их вторжений земляные валы), потерпев неудачу в нескольких организованных им против них Крестовых походах, обратился за помощью против пруссов (а заодно и против близких сородичей пруссов — литовцев, также косневших в язычестве и опустошавших земли своих соседей огнем и мечом) к Тевтонскому ордену.

Как уже упоминалось выше, пруссы, это воинственное, находившееся в фазе повышенной пассионарности (используя терминологию Л. Гумилева) прибалтийское племя, родственное литовцам, на протяжении нескольких десятилетий вели успешные войны против Польши, Померании и Мазовии, каждый год разрушая там церкви и монастыри, сжигая села, города и угоняя в плен множество мирных жителей. В 1217 г., после неудачи очередного крестового похода, организованного поляками по призыву назначенного епископом Пруссии Христиана, монаха ордена цистерцианцев (под чьим патронатом в свое время был учрежден орден тамплиеров), прусские язычники в очередной раз огнем и мечом прошли всю Померанию и Северную Польшу.

Только в Мазовии пруссы в ходе набегов сожгли 250 церквей и 1000 деревень, убили около 20 000 и угнали в полон 5000 жителей. Раздробленное и слабое польское государство в целом, а уж тем более Конрад Мазовецкий были совершенно не способны сопротивляться воинственным пруссам. Князь Конрад обещал вознаградить Тевтонский орден за военную помощь Кульмской (Хелминской) землей и всей территорией Пруссии (которую, правда, еще предстояло завоевать).

Гохмейстер тевтонов брат Герман фон Зальца долго вел переговоры и торг с Конрадом Мазовецким, согласившимся наконец, по Леслаускому договору 1230 г., передать ордену Девы Марии всю Хелминскую землю (*нем.* «Кульмерланд») от Древенца до Нижней Вислы. В Леслауском договоре не было оговорено главенство Польши над Тевтонским орденом на дарованных ему землях. Император Фридрих и папа римский воспользовались этим, объявив эти владения ордена Девы Марии собственностью Римско-католической церкви.

Папа римский санкционировал эту миссию, а римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен выданной в итальянском Римини специальной грамотой-буллой (так называемой «Золотой буллой Римини») даровал верховному магистру тевтонов в Пруссии (которую, повторимся, еще предстояло завоевать) все права суверенного государя.

Таким образом, Тевтонский орден на своих прусских землях не являлся ленником, то есть вассалом, ни Конрада Мазовецкого, германского (римского) императора, получив полную автономию и избавившись от верховного владычества над собой Священной Римской империи германской нации.

В результате многолетней войны собравшимся со всей Европы крестоносцам под предводительством Тевтонского ордена удалось наконец покорить Пруссию. Победы тевтонам обеспечивал именно постоянный приток крестоносцев со всей Европы. Особенно важную роль играли английские крестоносцы. В честь их основанный в 1230 г. тевтонами очередной замок был назван Георгсбургом («Замок святого Георгия» — небесного покровителя и заступника «веселой Англии»). При этом вовсе не произошло никакого поголовного истребления прусского населения и замены его немецкими колонистами, как ошибочно полагают (а может быть, не столько полагают, сколько утверждают!) многие у нас и за рубежом.

Тевтонский орден совершенно не стремился к поголовному истреблению не только пруссов, но и других прибалтийских племен (и тем более — славян). В его задачу входило обращение язычников в христианскую веру, и это являлось как бы единственным оправданием всех его завоеваний. Большинство пруссов, приняв (пусть и не всегда и не совсем добровольно) Святое Крещение продолжало жить на старом месте, хотя и под новыми, христианскими, именами, в качестве арендаторов орденских земель или горожан, составляя вспомогательные дружины ордена Девы Марии в военное время — подобно чуди (эстам-эстонцам) в орденской Ливонии. Эти прусские слуги тевтонов (проживавшие частично в орденских замках, частично — в предоставленных им орденом на правах лена имениях, расположенных в сельской местности, именовались «витингами», «вейтингами», или «вайтингами»).

Многие прусские военные вожди, отчаявшись в победе над марианами, но не желавшие им покориться, бежали со своими дружинами в соседнюю Литву или в Новгород, где даже возник целый Прусский конец (квартал).

К 1253 г. восстание пруссов было подавлено марианами и пришедшими им на помощь крестоносцами. Не располагая осадной техникой, повстанцы оказались не в состоянии овладеть орденовыми замками и вытеснить тевтонов из Пруссии, лишив их опорных баз.

В 1254 г. в Пруссию прибыло многочисленное крестоносное ополчение под командованием чешского короля Оттокара II Пшемисла, маркграфа Оттона Бранденбургского и графа Рудольфа Габсбургского. Крестоносцы замирили прусские племена севернее реки Прегеля (Преголи) и заложили крепость Кенигсберг.

В 1260 г. пруссы снова восстали и осадили Кенигсберг.

В январе 1292 г. на помощь осажденным пруссами в Кенигсберге тевтонам из Германии по морю прибыл отряд европейских рыцарей, разбитых пруссами и вынужденных возвратиться.

13 июля 1263 г. пруссы разгромили отряд тевтонов в битве при Лебау (Любаве). 40 рыцарей полегло на поле боя.

В 1265 г. крупный отряд европейских крестоносцев под командованием герцога Брауншвейгского и ландграфа Тюрингского снял, наконец, осаду с Кенигсберга и способствовал переходу мариан в наступление.

К 1283 г. все уцелевшие к тому времени прусские вожди присягнули на верность Тевтонскому ордену. Этот год считается годом окончательного замирения Пруссии. Первоначально тевтоны оставляли простым пруссам их свободу, а знатым — их привилегии (если пруссы принимали крещение). У отказавшихся креститься конфисковали имущество, а самих изгоняли. Во время и после восстаний пруссы были поставлены вне закона. Многих из них убивали, а тех, кто остался в живых, расселяли по другим землям. Кроме того, орден постоянно мобилизовал прусских мужчин в свое войско во время походов.

В то же время очень многие вожди местных племен принимали христианство совершенно добровольно и активно участвовали в военных походах Тевтонского ордена. Орден весьма ценил их за верную службу и старался по достоинству вознаградить. Как правило, в качестве награды отличившимся неопитам предоставлялись земельные наделы, освобождение от податей и т.д. Поэтому с течением времени даже те из пруссов, куршей, ливов, летгов, латгалов, земгалов (семигалов) и эстов, кто поначалу оказывал ордену активное сопротивление, смирились с положением вещей и начинали ему служить. Поэтому немалую часть орденского войска составляли воины-прибалты, принявшие христианство или склоняющиеся к его принятию.

В орденских хрониках Петра из Дусбурга, Иоганна (Иоганнеса, Иоанна) из Посильге (Посилие), Николая (Николауса) из Ерошина и др. зафиксированы имена многих крещеных пруссов, верно служивших делу ордена и своей кровью, пролитой на поле брани, засвидетельствовавших свою верность Христу и гохмейстеру, — Глаппо, Стовмел, Конрад-Дьявол, Мартин из Голина и многие другие прусские витинги.

Правда, некоторые из окрещенных прусских витингов — например, известный своим участием в «Великом восстании пруссов» 1260 г. Генрих Монте (Геркус Мانتас) — изменяли ордену, но такие были скорее исключением из правила. Как правило, тевтоны расправлялись с изменниками не менее беспощадно, чем, скажем, князь Александр Невский. Генриха Монте, например, поймав его в лесу (возможно, почитавшемся жрецами прусских язычников священным), в котором он укрывался, повесили на дереве, сорвав с него рубаху, и пригвоздили мечом к древесному стволу.

В походах орденского войска витинги выступали под собственной хоругвью (баннером, или знаменем).

Аналогичные процессы происходили и в Ливонии, где воинству Христову («братьям-рыцарям Христовым») — ордену меченосцев — оказывали активную поддержку, например, окрестившийся вождь (король) угро-финского племени ливов (но которому завоеванная крестоносцами-латинянами земля, собственно, и была названа Ливонией, хотя ливы отнюдь не являлись ее единственным туземным населением) Каупо и его сын, погибшие в бою с язычниками-эстами. От Каупо и его сына произошел известный прибалтийский род фон Ливен, многие представители которого сыграли выдающуюся роль в российской истории. Но это так, к слову.

На военную службу крещеные союзники тевтонов (именовавшиеся, как мы уже знаем, в русских летописях «чудью») являлись в своем исконном вооружении. Конные прусские воины-витинги, или «великие (большие) свободные» (по тевтонской орденской терминологии), — в сфероконических шлемах с кольчужной бармицей, кольчугах или пластинчатых (ламеллярных) панцирях (по-немецки «платгенгарниш»; поэтому военная служба прусской знати Тевтонскому ордену именовалась «платтендинст»), с большими круглыми или каплевидными щитами, копьями, мечами или длинными боевыми тесаками (дуссаками или дуссегами, о которых еще пойдет речь далее). Пешие («малые свободные») ратники — тоже в шлемах с бармицами, кольчужных рубахах, с круглыми щитами, копьями, сулицами (дротиками) и боевыми ножами (мечи стоили дорого и были далеко не всякому по карману). Необходимо заметить, что вспомогательные контингенты орденских войск оказали немалое влияние на тактику боевых действий и даже на состав вооружения тевтонов в Прибалтике.

Многие элементы прибалтийского вооружения — например, дротики-сулицы или легкие круглые прусские щиты, равно как и литовские щиты-тарчи с вертикальным рельефным выступом посередине (так называемые «прусские павезы»), — со временем заняли полноправное место в комплексе военного оснащения воинов Тевтонского ордена в Пруссии и Прибалтике, придав ему неповторимый облик.

Так, в сражении при Танненберге (Грюнвальде) 15 июля 1410 г., если не решившего окончательно, то во многом предопределившего исход противоборства рыцарей Девы Марии с поляками и Литвой и судьбу Тевтонского ордена в Пруссии, даже многие рыцари отборного отряда орденского войска, атаковавшего польского короля Владислава, были, в отличие от противостоявших им поляков, вооружены не длинными тяжелыми копьями, а именно сулицами (вследствие чего поляки из состава атакующей тевтонами Большой Королевской хоругви поначалу даже приняли их за литовцев).

Когда папа римский Григорий IX объявил очередной крестовый поход против язычников в Пруссии, тевтоны, собрав все наличные силы, прошли всю территорию от Немана до Вислы. В ходе крестового похода Польша лишилась Добжинской (Добринской) земли и Поморья (Померании), Куявия же сделалась территорией постоянных набегов и войн. К 1237 г. орден Девы Марии завладел восточным побережьем Балтийского моря и устьями Вислы, Дины и Немана.

На завоеванной многонациональными армиями крестоносцев во главе с тевтонами территории и сложилось упоминавшееся нами выше самостоятельное тевтонское орденское государство, просуществовавшее до начала XVI столетия.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что братья Тевтонского ордена составляли только отборные части и гарнизоны возводившихся на покоренных землях замков. Все крупные сражения были выиграны крестоносцами, съезжавшимися на помощь тевтонам сначала из Польши и Северной Германии, а впоследствии — со всей германской метрополии, из современных Бельгии и Голландии, Франции и Англии.

И не случайно Найджел Лоринг, владелец герба с алыми розами и главный герой исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд» любимого писателя нашего детства

сэра Артура Конан Дойля, также участвовал в крестовом походе в землю Пресвятой Девы Марии:

«Во всех христианских землях снова царил мир, человечество пресытилось войнами, и удовлетворить свое страстное желание (совершить третий подвиг, который разрешил бы его от обета. — *В.А.*) Найджел мог только в далекой Пруссии, где тевтонские рыцари вели нескончаемые сражения с литовскими язычниками. Но чтобы отправиться в Крестовый поход на север, человеку мало было обзавестись деньгами и завоевать славу доблестного рыцаря, и прошло еще десять лет, прежде чем со стен Мариенбурга Найджел взглянул на воды Фришгафа (по-польски Вислинского залива. — *В.А.*), а потом выдержал пытку раскаленной плитой, когда отправлялся к священной скале Вотана (вероятно, все-таки не древнегерманского Вотана, а литовских богов Перкунса или Потримпаса — *В.А.*) в Мемеле...» (Артур Конан Дойл. «Сэр Найджел»).

В последующие десятилетия в среде европейского дворянства вошло в обычай получать посвящение в рыцари в Пруссии. В 1253 г. упоминавшийся выше литовский князь-язычник Миндовг, продолжавший вести ожесточенную борьбу за власть с другими литовскими князьями, решил привлечь на свою сторону тевтонов. При посредстве Тевтонского ордена Миндовг крестился по римско-католическому обряду (хотя в 1248 г. уже был крещен в православную веру), получил от папы римского Иннокентия IV королевскую корону и назначил орденского священника Христиана католическим епископом всей Литвы. Миндовг позволил ордену Девы Марии основать коммуну в своей резиденции, предоставил тевтонам полную свободу христианизации Жмуди (Самогитии, или Жемайте, то есть Нижней Литвы), а в 1260 г. завещал «Божьим дворянам» на случай, если останется бездетным, и Верхнюю Литву.

В этом же 1260 г., 13 июля, во время очередного набега литовских язычников на Ливонию, произошла битва при Дурбене (Дурбе), на территории современной Латвии. Выбрав подходящий момент, эстонские союзники ливонских тевтонов изменили им и разбежались, а другие союзники мариан — куроны (курши) — перешли на сторону литовцев. В результате «воинство Христово» было разгромлено. Литовцы убили 156 рыцарей (как «орденских братьев», так и «гостей» ордена), в том числе ливонского ландмейстера брата Бурхарда фон Гернгаузена (Гернгаузена), тевтонского маршала брата Генриха фон Богеля и герцога Карла, предводителя сводного отряда датских и шведских крестоносцев.

Разгром при Дурбене послужил сигналом для очередного восстания пруссов против орденской власти. При этом пруссы старались не вступать в полевые сражения с главными силами тевтонов, предпочитая тактику «малой (партизанской) войны». Пруссы совершали неожиданные набеги и осаждали орденские крепости. В ходе осады они нередко возводили против орденских замков собственные, временные деревянные крепости и брали «тевтонские» замки (бурги) измором, блокируя подвоз продовольствия. Пруссам удалось захватить большинство орденских замков, расположенных во внутренних областях страны, вдалеке от морского побережья и судоходных рек. Только Бартенштейн (Бартошице), Бальга и Кенигсберг выдержали многолетнюю осаду.

В январе 1261 г. тевтоны в союзе с польскими крестоносцами совершили набег на литовские земли, но были разбиты.

В папском Риме в описываемое время связывали с Тевтонским орденом большие надежды и далеко идущие планы. Ему было поручено ни много ни мало — отвоевать Русь у татаро-монголов (вопреки инкриминируемой ордену Девы Марии некоторыми современными глубокомысленными виртуозами пера «нерушимой братской дружбе» с этими самыми татаро-монголами!). Впрочем, эти обширные планы были сорваны опустошительным вторжением татаро-монголов в Пруссию в 1259 г., поражением орденского войска в Жемайтии в 1260 г. и вспыхнувшим вслед за тем восстанием пруссов, осложненным изменой ренегата Миндовга

Тевтонскому ордену. Воспользовавшись тем, что основные силы мариан были заняты подавлением восстания пруссов, Миндовг отрекся от христианства, отказался от дарованного ему папой римским королевского титула и совершил набег на орденскую Пруссию, разгромив в двух сражениях прусских тевтонов и опустошив большую часть страны. За вероломство Бог покарал Миндовга, вскоре павшего от рук мятежного князя Довмонта, бежавшего после убийства повелителя Литвы на Русь, крестившегося там в 1266 г. и ставшего псковским князем под именем Тимофей.

КНЯЗЬ ДОВМОНТ И ТЕВТОНЫ

Все свое псковское княжение Тимофей-Довмонт провел в походах и битвах — то с литовцами, то с ливонскими тевтонами. В конце 1267 г. правивший Новгородом князь Переяславский Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) и Тимофей-Довмонт возглавили поход огромного войска (30 000 дружинников и ратников городских ополчений) на земли подвластных ордену эстов. В состав новгородско-псковского войска, имевшего на вооружении стенобитные машины, входили также отряды из Владимира, Переяславля, Смоленска, Суздаля и Твери. Перед началом похода в Новгород прибыли послы из Риги, Феллина и Дерпта, заявившие о своем нейтралитете.

18 февраля 1268 г. на реке Кеголе (Кунде), в 7 верстах (13 км) восточнее города Раковора (Раквере), расположенного в эстляндских владениях датского короля, произошла знаменитая Раковорская битва (гораздо большая по масштабам, продолжительности и ожесточенности, чем Ледовое побоище 1242 г.). Объединенной русской рати противостояли объединенные силы вассалов датского короля, ополчения крещеных эстов и присоединившихся к ним (несмотря на обещание сохранять нейтралитет) войск дерптского епископа, а также ливонских тевтонов. Войско ливонских латинян было, как обычно, построено «кабаньей головой» («великой свиньей») с рыцарями и тяжеловооруженными конными воинами-рейзигами в челе. Основную часть его составляли пешие кнехты (главным образом из числа крещеных в латинскую веру эстов). Псковско-новгородское войско было традиционно построено тремя «полками». На левом крыле князь Дмитрий Переяславский поставил сравнительно немногочисленную конную дружину своего союзника князя Михаила Тверского. Полк Правой руки (правый фланг) составляли отборные тяжеловооруженные конные полки — переяславские отряды самого Дмитрия Александровича и псковские войска Тимофея-Довмонта. Своей стойкостью в бою они оказали существенную поддержку центру русского войска — новгородскому Большому полку, на который пришелся главный удар тевтонской «кабаньей головы». Чтобы помочь изнемогавшим новгородцам, с левого фланга нанесла удар по тевтонам конная дружина князя Михаила Тверского. Однако она была перехвачена резервными тевтонскими отрядами. В схватку на фланге втягивались все новые отряды тевтонов. Кровопролитное сражение длилось свыше четырех часов. И тогда с другого фланга нанесла удар отборная русская конница (переяславцы, владимирцы и псковичи Довмонта). К концу дня тевтоны и их союзники, не выдержав напряжения схватки, прекратили попытки расколоть своим железным клином новгородский строй и отступили в сторону Раковора. Русские конные дружины преследовали их, пока им не преградила путь новая рать мариан. Пришлось остановить преследование и строиться для нового боя. Но тевтоны напасть не решились. Всю ночь две рати простояли друг против друга. Под утро тевтоны ушли. Русские прождали три дня «на костях», залечивая тяжкие раны. Хотя русские одержали тактическую победу (поле боя осталось за ними), в стратегическом плане победили ливонцы, поскольку им удалось сорвать планировавшуюся князьями Дмитрием и Довмонтом осаду Раковора.

Обе стороны понесли тяжелейшие потери. Под Раковором пали новгородский посадник Михаил Федорович, тысяцкий (предводитель городского ополчения) Кондрат, «порочный мастер» (военный инженер — специалист по изготовлению и применению осадных орудий-пороков) Тогал, новгородские бояре Твердислав Чермный, Микифор Редитин, Твердислав

Моисеевич, Михаил Кривцов, Ивач, Борис и Лазарь Ильдетиничи, Ратша (предок А. С. Пушкина, писавшего о нем: «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил...»), Василий Воиборзов, Осип, Жирослав Дорогомилович, Парамон, Полюд, Радислав Болдыжевич, Данила Мозонич «и иные многие». Новгородцы были настолько ослаблены, что прекратили военные действия. Один только князь Тимофей во главе своей псковской дружины прошел с боями через Эстляндию вплоть до Балтийского побережья. Как говорится в «Повести о князе Довмонте», написанной анонимным псковским автором, «князь Довмонт прошел горы непроходимые и вируян (жителей эстонской области Вирумязь, или по-немецки Вируланд. — В.А.) пленил до моря, и повоевал Поморье, и возвратился в Псков, наполнив свою землю множеством полона (пленных эстов. — В. А.)».

В 1269 г. ливонское войско тевтонов совершило очередное вторжение в псковские владения («пришли немцы в силе великой под Псков»). Довмонт сумел отбить приступ, но у него не доставало сил отогнать тевтонов от Пскова. Осада города «слугами Божиими» продолжалась 10 дней, пока на помощь Пскову не подоспела новгородская рать, шедшая частью в конном строю, частью в речных ладьях-насадах.

Зимой 1270 г. епископ Дерптский Герман фон Буксгевден (племянник известного нам своим участием в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. епископа Дерптского Германа) сообщил своим сподвижникам о выступлении против христиан большого войска литовских язычников под предводительством их великого князя (кунигаса) Трейдены (именовавшегося латинянами на римский манер «Трейдениусом»). В составе литовского войска были не только язычники, но и православные русские воины, ветераны войн с тевтонами и их ливонскими союзниками. Для отражения нашествия были спешно собраны войска епископа Дерптского, приглашены датские «королевские мужи» из Северной Эстонии и отряд ливонских тевтонов под командованием ландмейстера Отто(на) фон Литтербурга.

Литовское войско, опустошив территорию Латвии и пройдя по замерзшему Рижскому заливу, захватило остров Эзель. И снова, как 28 лет тому назад, две армии сошлись на льду — только на этот раз не озера, а замерзшего морского залива. Завидев неприятеля, литовцы огородились саями, связав их между собой. Ливонцы, как обычно, выстроились тремя отрядами (треффенами). Первый треффен составила отборная конница ливонских тевтонов, образовавшая центр боевого порядка воинства Христова. Епископ Герман со своими людьми выстроился на левом фланге, а датчане — на правом. Каким образом осуществлялось взаимодействие между этими тремя частями войска ливонцев, не вполне ясно. Известно лишь, что тевтонские рыцари, находившиеся в центре, изменив своей обычной дисциплине, атаковали раньше своих союзников, а не совместно с ними. Их удар оказался слабее, чем ожидавшийся литовцами за баррикадой из саней совместный удар силами всех трех треффенов. Прежде чем подоспели датчане, литовцы успели нанести рыцарям большой урон. Они калечили их лошадей, и рыцари, лишённые поддержки, не смоти этому помешать. Литовская конница начала окружать ливонскую пехоту и уцелевших рыцарей. Дело могло закончиться для мариан совсем плохо, как на Чудском озере в 1242 г. На помощь уцелевшим тевтонам едва подоспели кавалерия епископа Германа и конница датчан. Бой шел до наступления сумерек. В битве пали ливонский ландмейстер Тевтонского ордена брат Отто(н) фон Литгербург и 52 члена ордена Девы Марии. Сам епископ Герман (надо думать, по примеру многих римско-католических князей Церкви, проломивший своим шестопером немало литовских голов) был тяжело ранен в схватке.

В ливонской «Рифмованной хронике» о ледовом побоище 1270 г. сказано так:

«Это было дикое убийство лошадей и резня с обеих сторон, христиан и язычников.

И кровь людей обеих войск лилась на лед.

Это была жестокая сеча, в которой было отсечено много человеческих голов.

Были убит в сражении лучший (магистр Оттон) и 52 добрых воина-монаха».

Согласно ливонским источникам, Христово воинство потеряло в этой битве в общей сложности 600, а литовцы — 1600 человек. Поле битвы (если так можно назвать поверхность замерзшего моря) осталось за крестоносцами, однако их потери были столь велики, что ощущение победы было, мягко говоря, неполным.

Несмотря на то что литовцам на этот раз пришлось отступить, ледовое побоище 1270 г. помогло им обрести наконец то национальное единство, которого так и не добились их ближайшие родственники — прусские племена.

В 1271 г. латины (по выражению псковского летописца) захватили несколько псковских сел, но были разбиты войском Довмонга 23 апреля на реке Мироповне недалеко от Пскова. При этом многие были убиты, другие потонули в реке. Часть тевтонов переправилась в насадах (или по-немецки «нассутах») на остров посреди реки, покрытый густыми зарослями. По приказу Довмонта сухие заросли и трава были подожжены и сгорели вместе с теми, кто в них укрывался.

Летом 1272 г. новый поход на Псков возглавил сам ливонский ландмейстер Тевтонского ордена. Тевтоны, выступившие в поход «в силе тяжце», продвигались частью в конном строю, частью — на лодках и кораблях — «совокупи много вой свои... прииде ко Пскову, ови на конех, инии в кораблях и в лодьях, и с пороки, хотя пленити (то есть со стенобитными орудиями, намереваясь овладеть городом. — *В.А.*)». «Божьи ритори» везли с собой осадную технику. Князь Довмонт послал за подмогой в Новгород. Но новгородцы мешкали. Тогда Довмонт, не дожидаясь подхода новгородцев, сам напал на мариан, разбил их в сражении под стенами Пскова 8 (или 18) июня 1272 г., захватив стенобитные машины и «самого мастера (ландмейстера. — *В.А.*) раниша по лицу» (совсем как князь Александр — предводителя шведов в Невской битве!. — *В.А.*), и преследовал даже на территории Ливонии.

Осенью того же 1272 г. ливонские тевтоны покорили и обложили данью латышское племя земгалов (семигалов).

В 1278 г. ливонские мариане предприняли вторжение в литовские земли. 9 марта в битве при Ашерадене (в Курляндии, по-латышски Курземе), литовцы разгромили тевтонов. В битве пал 71 орденский брат, в том числе очередной ландмейстер.

В 1279 г. недавно покоренные тевтонами земгалы восстали против власти ордена Девы Марии.

В 1287 г. ливонские мариане предприняли поход против земгалов и 28 марта в битве при Грозе (в Курляндии) были земгалами разбиты. В сече пали 34 орденских брата, в том числе ливонский ландмейстер. Тем не менее в следующем году Земгалия была опустошена тевтонами и вновь приведена к покорности.

В ночь на 4 марта 1299 г. ливонские тевтоны во главе с ландмейстером, с осадной техникой, скрытно подойдя к Пскову, захватили псковский посад, а затем осадили Псковский кремль (кром, или, по-новгородски, детинец). Тимофей-Довмонт не стал отсиживаться за мощными каменными стенами крома и вместе с псковским тысяцким Иваном Дорогомиловичем совершил удачную вылазку. Тевтоны были прижаты псковичами к берегу реки Великой и, понеся в схватке большие потери, были вынуждены искать спасения в бегстве.

Эта победа стала последней в жизни старого князя Довмонта, скончавшегося через несколько месяцев, 20 мая 1299 г. в псковском Троицком соборе. Над гробницей князя был повешен (или положен) его меч, овеянный славой многочисленных побед.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЙН ТЕВТОНОВ С ЛИТОВЦАМИ

Нетрудно заметить, что прибалтийские языческие племена, постоянно враждовавшие между собой, никак не могли сплотиться против общего врага. Именно эта разобщенность стала основным фактором, который позволил Тевтонскому ордену совместно с ополчениями европейских крестоносцев покорять их одно за другим.

Но достаточно было нескольким литовским племенам объединиться — и тевтонам не помогли ни лучшая дисциплина, ни лучшее вооружение. Литовцы, подобно своим сородичам-пруссам, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди всех прибалтийских племен, не только сумели отразить все вторжения крестоносцев, но и сами неоднократно совершали походы в орденские земли (по большей части победоносные). При этом они не ставили себе целью захват чужих земель, совершая набеги ради захвата пленных (обращавшихся ими в рабов) и грабежа. Так, уже в 1203 г. литовцы совершили набег на только что построенный город Ригу, а на русские земли в период с 1200 по 1285 г. было совершено 18 крупных и множество мелких набегов. О том, что основным противником Христова воинства в Прибалтике были именно литовцы, непреложно свидетельствует следующий факт: из семи ландмейстеров тевтонов, павших в бою при христианизации Ливонии в период с 1238 по 1296 г., шесть были убиты литовцами, не говоря уже о последнем магистре ордена меченосцев Фольквине (Волквине), убитом теми же литовцами в битве при Сауле.

Литовцам не только нападали на своих соседей, но и постоянно от них оборонялись. С запада на них наступали тевтоны, с востока — русские княжества. Особенно опустошительным был поход, совершенный русскими войсками в литовские земли в 1258 г. Тем не менее литовцы упорно отстаивали свои земли и свое языческое «родноверие» (приняв христианство только в 1367 г., последними в Европе).

На протяжении всего этого времени литовцы жили в условиях традиционных патриархальных отношений, хотя начиная с XIII в. по мере возрастания своей пассионарности (выражаясь языком Л. Н. Гумилева) начали усиленно вооружаться. Особенно возросло число литовских конных воинов, которые в мирное время жили земледелием и скотоводством, однако были достаточно состоятельными, чтобы иметь дорогое железное оружие. Нередко состоятельные литовцы обладали значительными земельными владениями, которые сдавали в аренду свободным крестьянам-общинникам, составлявшим в военную пору пехоту литовского войска.

В случае войны литовцы собирали племенное ополчение — кариас, именовавшееся у пруссов «кариа». Согласно данным летописей, литовские конные воины использовали низкие седла, более удобные, чем громоздкие седла тяжелой кавалерии как Запада, так и Востока. Летом литовские военные формирования постоянно отправлялись в набеги за добычей, именовавшейся, как у тевтонов, «рейсами» (*лит. reyssa*), захватывали скот, рабов и добывали себе воинскую славу.

Со своей стороны, тевтоны и их союзники-крестоносцы предпочитали для войны с литовцами зимнее время, когда замерзали болота и реки, а леса с опавшей листвой не давали укрытия для литовских «лесных братьев», постоянно ускользавших от воинов Христовых летом.

Однако литовцы (подобно эстам, карелам и финнам) совершали свои набеги и зимой, на лыжах, пешими, что давало им немалые преимущества, особенно в том случае, если снег был глубоким. Во время таких набегов взрослых мужчин обычно убивали (было бы очень сложно гнать их в качестве пленных домой без лыж, а став на лыжи, пленники легко могли убежать). Предпочитали угонять в полон женщин и детей, хотя из-за них приходилось идти домой медленно. Такая добыча была весьма кстати. Тех, кто не мог пригодиться в хозяйстве, продавали на сторону, соседним племенам или торговцам невольниками.

Что же касается военных приемов и вооружения, то тактика литовцев, странным образом, во многом напоминала тактику монголо-татар. Хотя литовские всадники больше пользовались метательным оружием в виде дротиков-сулиц, тогда как монголо-татары применяли преимущественно лук и стрелы. Литовцы также имели лучников, но, согласно хроникам, обычно не конных, а пеших. Лучники литовцев были хорошо обучены, превосходя частотой и меткостью стрельбы лучников из Германии и Скандинавии. Подобно монголо-

татарам, литовцы предпочитали заранее подготовленному сражению стремительный, ошеломляющий набег и быстро исчезали, прежде чем их жертвы приходили в себя для оказания отпора. Битвы, происходившие постоянно между небольшими отрядами самих литовских племен, чаще всего носили характер группового поединка, в котором обе стороны сражались пешими, а проигравшие отступали к лошадям и искали спасения в бегстве.

Основным оружием литовского всадника (кстати, своих покойников литовцы хоронили с оружием, по языческому обычаю) являлся меч (чаще всего немецкого производства), с рукоятью, изготовленной на свой, местный вкус. Некоторые рукоятки литовских мечей были изготовлены из железа и бронзы, нередко с серебряными украшениями и инкрустацией.

Наконечники копий и сулиц (нередко очень длинные) были частью привозные, скандинавские, частью — местного производства. Доспехи собственного изготовления у литовцев до XIV в. встречались достаточно редко. Тем не менее в многочисленных войнах XIII в. литовцы, несомненно, захватили множество доспехов самого различного типа в боях с тевтонами, поляками и русскими и носили их в боевой обстановке. Господствующим типом защитного вооружения в описываемое время, как и повсюду, у литовцев была кольчуга. Литовцы носили ее как поверх одежды, так и под ней (например, в зимнее время). Шлемы литовцы использовали преимущественно сфероконические, восточноевропейского образца. Кстати, такие шлемы достаточно часто носили рыцари, сарианты и кнехты Тевтонского ордена (не следует представлять их себе поголовно в широкополых шапелях-эйзенгутах и горшковидных шлемах-топ(ф)гельмах. Щиты были также традиционной, общеевропейской формы. А вот знаменитый литовский тарч (литовская павеза) пришла в Литву лишь в XIV в., причем из Северо-Восточной Польши, где (судя по сохранившимся печатям) начал распространяться с середины XIII в.

Вернемся, однако, к нашим тевтонам.

В 1309 г. резиденция гохмейстера ордена (находившаяся первоначально в Акконе, потом в Монфоре-Штаркенберге, затем в Венеции и — очень короткое время — в гессенском городе Марбурге) была окончательно перенесена в прусский замок Пресвятой Девы Марии (Мариенбург).

Завоевание Пруссии и части Померании, перенос резиденции руководства Тевтонского ордена и столицы орденового государства в Мариенбург и осуществление прав светского государя явились зримыми свидетельствами окончательной трансформации ордена из странноприимного братства в государственное образование. Тевтонский орден по-прежнему вел вооруженную борьбу с язычниками, распространял христианскую веру, помогал больным и убогим, однако отныне руководствовался наряду с этим и чисто государственными интересами. На христианизированных землях основывались новые замки, поселения и торговые города, под защитой ордена достигшие со временем цветущего состояния.

Проживание иудеев в орденовых владениях было запрещено. Вероятно, гохмейстеры руководствовались теми же соображениями, что российская императрица Елизавета Петровна, не желавшая «иметь от врагов Христовых интересной прибыли». Возможно, верховным магистрам мариан пришлось об этом горько пожалеть, когда в XV в. на вверенный их попечению орден обрушился комбинированный удар врагов внешних и внутренних, тевтоны оказались в ситуации острого финансового кризиса, а денег было взять неоткуда. Но не будем забегать вперед и торопить ход нашего повествования.

С конца XIII, в особенности же в XIV, не говоря уже о XV в., средневековое рыцарство начало клониться к упадку. Не случайно именно в этот период распались или были распущены несколько духовно-рыцарских орденов. Два таких военно-монашеских братства влились в состав Тевтонского ордена еще в середине XIII в. Это были Добринский рыцарский орден и уже упоминавшийся нами ливонский орден братьев-меченосцев (гладиферов). На их истории, пожалуй, остановиться несколько подробнее.

ДОБРИНСКИЙ ОРДЕН

Добринский (Добрынский, Добжиньский, или Добжинский) рыцарский орден, известный также под названием «ордена братьев-рыцарей Христовых», «воинства Христова» (*milites Christi*), «воинства Пруссии» (*milites Prucie, milites Prussiae*) или «Добринских братьев» (*fratres de Dobrin*), был учрежден в 1228 г. по благословению епископа Плоцкого тесным язычниками Конрадом I Мазовецким в связи с тем, что Герман фон Зальца, вероятно, памятуя о негативном трансильванском опыте, отнюдь не торопился прийти ему на помощь. Об учреждении Добринского ордена в «Хронике земли Прусской» брата Петра из Дусбурга повествуется в следующих выражениях: «Итак, когда вышеупомянутый князь (Конрад Мазовецкий. — В.А.) увидел, что земля его пришла в такой достойный жалости упадок и он не может ее никоим образом защитить, то по совету брата Христиана, епископа Прусского, и некоторых знатных людей, он учредил для защиты своей земли братию, именуемую рыцарями (воинами) Христовыми (лат.: *militia Christi*), с алым мечом и звездой на белом плаще, бывшую тогда в пределах Ливонии... и вышеупомянутый епископ посвятил в члены упомянутого ордена одного выдающегося мужа, по имени Бруно, а с ним — четырнадцать других. Потом сей князь воздвиг для сих братьев замок, называемый Добрин, от которого они позже стали называться братьями из Добрина...»

До учреждения Добринского ордена отражением прусских набегов на Мазовию некоторое время занимался местный филиал испанского военно-монашеского ордена Калатравы, но без особого успеха.

Первые 14 братьев-рыцарей Добринского ордена перешли в него из ордена меченосцев, действовавшего в описываемое время в Ливонии и носившего сходное официальное название «воинства (рыцарства) Христова в Ливонии». Брат Бруно(н), назначенный магистром Добринского ордена, также был в прошлом рыцарем-меченосцем. В учредительной грамоте Добринского ордена перед ним ставилась задача «бороться против опустошителей Мазовии». В современных хрониках новый орден именовался по-разному, пока за ним, наконец, не утвердилось название, связанное с замком на Висле, являвшемся центром дарованных этому ордену владений, как это недвусмысленно явствует из приведенного выше фрагмента «Хроники земли Прусской». Этот замок назывался по-немецки Добрин, по-польски Добжин, а сами владения — Добжинской землей. По другим сведениям, великим магистром Добринского ордена стал сам князь Конрад Мазовецкий, а брат Бруно был лишь его заместителем.

Белое орденское одеяние добринских рыцарей было украшено эмблемой их ордена — перенатым у меченосцев вместе с уставом, знаком меча красного цвета, — к которому добринские братья добавили звезду. Согласно другим источникам, добринские рыцари носили на белых плащах эмблему в виде не одного, а двух красных перекрещенных мечей остриями вниз, с красной (или желтой) восьмиконечной звездой над ними. Некоторые историки придерживаются версии, что желтую (или, изъясняясь геральдическим языком, золотую) «Вифлеемскую» звезду над скрещенными красными мечами имели право носить только те добринские братья, которым посчастливилось совершить паломничество в Святую землю. Но, учитывая малочисленность добринского орденского контингента на «пруско-померанском фронте», это представляется маловероятным. По некоторым данным, еще одним отличительным признаком добринских рыцарей являлись красные ножны мечей (что, впрочем, вряд ли строго соблюдалось в тех условиях).

Как уже было сказано, добринские рыцари переняли свой орденский устав у меченосцев (о которых еще пойдет речь ниже), чем и объясняется сходство орденских эмблем (из-за чего оба ордена нередко путают). Однако этот Добринский орден, не способный в силу своей малочисленности организовать эффективную оборону Мазовии от прусских набегов, просуществовал очень недолго и после неудачного для добринцев конфликта с западнорусским князем (а затем и королем, милостью римского папы) Даниилом Галицким

из-за города Дрогичин был поглощен Тевтонским орденом всего через несколько лет после своего основания, в 1235 г. Впрочем, в 1237 г. бывшие добринские братья перешли из Тевтонского ордена в орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского (на этот раз уже окончательно). Последние из них погибли в 1241 г. в битве с татаро-монголами при Вальнтатге (Легнице), кровью и жизнью своей засвидетельствовав верность вере Христовой.

Несмотря на эфемерность этого «братства рыцарей Христовых», о нем все-таки стоило упомянуть, ибо его учреждение наглядно демонстрирует, насколько актуальным было в описываемое время использование рыцарских орденов в данном регионе и насколько мало последующее утверждение в нем Тевтонского ордена отличалось от тогдашней общепринятой практики. Кроме того, основание Добринского ордена является наглядным примером огромной заинтересованности восточноевропейских государей в получении помощи с Запада.

Наряду с привлечением местных крестьян, шляхтичей (мелких дворян) и горожан князю Конраду Мазовецкому удалось склонить ко вступлению в Добринский орден и многих немецких рыцарей, в основном из Мекленбурга, сопровождавших епископа Шверинского в его Крестовом походе в Кульмскую (Хелминскую) землю против пруссов. И наконец, учреждение Добринского ордена проливает дополнительный свет на политику епископа Прусского Христиана, наряду с князем Мазовецким и епископом Плоцким стоявшего у колыбели нового ордена. Он надеялся приобрести в его лице политический инструмент, который позволил бы ему уравновесить влияние Тевтонского ордена. Время, однако, показало, что эти расчеты епископа не оправдались.

В 1405 г. Тевтонский орден в ходе очередного территориального размена, предшествовавшего Великой войне 1410—1411 гг., возвратил Добринскую (Добжиньскую) землю Польше.

ОРДЕН БРАТЬЕВ-МЕЧЕНОСЦЕВ

После убийства второго епископа Ливонского Бертольда восставшими леттами (латышами) в 1198 г. назначенный ему на смену папой римским Иннокентием III Альбрехт (Альберт) фон Буксгевден начал свою деятельность с набора крестоносцев. Папа и римско-германский император Оттон IV приравняли крестовый поход в Прибалтику к крестовому походу в Палестину. Крестоносцам была обещана охрана имущества и отпусались грехи за год службы в рядах воинов епископа в Прибалтике.

В 1200 г. епископ Альбрехт во главе отряда крестоносцев высадился на земле племени ливов в устье Западной Двины, где в следующем году заложил крепость Ригу.

Однако вскоре епископ счел помощь обычных крестоносцев недостаточной и, как уже упоминалось нами выше, основал для борьбы с ливонскими язычниками в 1202 г. орден меча, или орден братьев-меченосцев, окончательно утвержденный папой Иннокентием III в 1204 г. Кстати, подлинное и полное название этого созданного по образцу тамплиеров духовно-рыцарского ордена звучало несколько иначе: «Братья рыцарства (воинства) Христова в Ливонии» (*fratres Militiae Christi de Livonia*).

Интересно, что, если верить русскому историку Н. Осоки-ну, автору «Истории альбигойцев и их времени», несколько ранее было учреждено, по папскому указу, и еще одно «воинство Христово» (*Militia Christi*), действовавшее против еретиков-альбигойцев в южнофранцузской области Лангедоке и также использовавшее в качестве эмблемы красный мученический крест. Что же касается ливонских «рыцарей Христовых», то меченосцами (*Gladiferi*, *Ensiferi*) их прозвали, поскольку на их напоминавших цистерцианские одеяниях, состоявших из белого кафтана (полукафтання) и белого же плаща, под нашитым на груди кафтана (полукафтання) и на левом плече плаща красным, как у храмовников, крестом (позднее замененным на красную шестиконечную звезду) помещалось изображение первоначально красного меча острием вниз, а позднее — двух скрещенных мечей, тоже

красного цвета. Эта же эмблема — красный меч и красный крест (звезда) над ним — помещались на щитах и конских пополах меченосцев.

Как писал орденский хронист Генрих Латвийский (Латышский) в своей «Хронике Ливонии», «...брат Теодорих (или Дитрих, настоятель монастыря монашеского ордена цистерцианцев в Трейдене-Торейде-Турайде. — *В.А.*) предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения Церкви среди неверных учредил некое братство рыцарей (воинов) Христовых, которому господин папа Иннокентий (Иннокентий III. — *В.А.*) дал устав храмовников (тамплиеров. — *В.А.*) и знак для ношения на одежде — меч и крест, велел быть в подчинении своему епископу (рижскому епископу Альберту фон Буксгевдену. — *В.А.*)».

Аверс главного орденского знамени меченосцев украшал образ Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Иисусом на руках, реверс — образ Святого Маврикия со Святым копьем, опирающегося на щит.

Основанное в Прибалтике новое государство вошло в историю под названием «Ливония». Оно не было единым, а состояло из двух экономически самостоятельных владений: рижского епископства и ордена меченосцев. При этом номинальная власть принадлежала епископу. Названия основных областей — Эстляндии, Лифляндии и Курляндии — происходили от названий местных племен (эстов, ливов и куронов (куршей)).

Епископ Альбрехт каждые два года ездил в Европу (в основном в германские области Вестфалию и Саксонию), где набирал очередной контингент крестоносцев. Получив новое подкрепление, меченосцы шли в поход и приводили к покорности христианизируемую область, стремясь разбить местные племена в полевом сражении. Затем в стратегически важном месте, на господствующей высоте, они спешно возводили крепость (обычно деревянную), после чего уходили, оставив в крепости небольшой гарнизон. После ухода крестоносной рати местные племена часто нападали на крепость. В случае удачного штурма крепость сжигалась, а гарнизон вырезался до последнего человека или захватывался в плен. На следующий год крестоносцы приходили снова, и все повторялось.

Если же гарнизону крепости удавалось отразить штурм, то в дальнейшем основанная меченосцами крепость становилась опорным пунктом для последующих завоеваний.

Меченосцы находились в вассальной зависимости от епископа Ливонии и владели своими землями на правах лена. При первом магистре гладиферов, именовавшемся по-немецки «геермейстером» («войсковым начальником»), Венно (Вайнгольде) фон Рорбахе епископ Риги в 1207 г. уступил меченосцам в полную собственность треть христианской Ливонии и еще не окрещенных прибалтийских земель.

Меченосцы занялись деятельным укреплением своих новых рубежей, поскольку Ливония считалась удельным владением двинских (русских) князей, а к тому же новые рубежи оказались границей с новгородскими и псковскими землями.

В 1210 г. папа римский утвердил раздел христианизированной части Ливонии, предоставив исключительное право на дальнейшие завоевания ордену меченосцев. В это время восстали латгалы, при поддержке части племени (или, точнее, племенного союза) ливов. Подавив их восстание, меченосцы продолжили завоевание Эстляндии, организовав зимой того же года большой поход против язычников-эстов, в котором, кроме гладиферов, приняли участие ливы, летты и отряд русских воинов из Пскова.

В процессе христианизации Ливонии меченосцы вступили в войну с двинским князем Всеволодом. Как уже упоминалось выше, они в 1207 г. захватили стоявшую на Двине крепость Кукенойс (переименовав ее в Кокенгаузен).

Дело было так. Князь Кукенойса Вячеслав (Вячко) Борисович приехал в Ригу и предложил епископу Альбрехту половину своих владений в обмен на военную помощь в борьбе с нападавшими на него литовцами. Вскоре один из вассалов епископа ночью захватил

Кукенойс и пленил самого князя Вячко. Узнав об этом, епископ Альбрехт приказал освободить Вячеслава Борисовича, вернуть ему имущество и владения и пригласил его к себе в Ригу для окончательного примирения. Всячески обласкав князя Вячеслава, рижский епископ отпустил его домой, послав вместе с ним военную помощь в количестве 20 тяжеловооруженных ратников. Сам же епископ собрался в очередной раз отплыть в Германию проповедовать Крестовый поход. Вернувшись в столицу своего княжества, Вячеслав (полагавший, что епископ с рыцарями уже уплыл из Риги) приказал перебить людей, присланных с ним Альбрехтом для укрепления обороны Кукенойса. Однако Альбрехт еще не успел отплыть... со всеми вытекающими из этого последствиями. Люди епископа и меченосцы сожгли Кукенойс (по другой версии, его поджег сам князь Вячеслав Борисович, не надевавшийся удержать город, после чего бежал на Русь).

В 1209 г., вернувшись из Германии с очередным отрядом «вооруженных паломников», епископ Альбрехт решил взять под контроль владения двинского князя Всеволода — Герцике (Герсику, Ерсикю или Ерсике). Войско епископа и меченосцев осадило и взяло штурмом одноименную столицу княжества. Самому князю Всеволоду пришлось искать спасения в бегстве. Разграбив город Ерсикю, меченосцы подожгли ее и ушли, захватив с собой многочисленных пленных. Разбитый меченосцами князь Всеволод обратился за помощью к новгородцам. Те были обеспокоены появлением на своих границах латинян и откликнулись на призыв Всеволода, чему немало способствовал правивший в описываемое время в Новгороде князь Мстислав Удатный. Мстислав организовал совместный поход новгородского и псковского войска в Ливонию, захватив много пленных и обложив эстов данью. Поход увенчался успехом, заставив меченосцев на некоторое время снизить темп колонизации.

Впоследствии князь Всеволод прибыл к епископу в Ригу для подписания мирного договора, по которому его заставили отказаться от военного союза с литовскими язычниками и «подарить» рижскому епископу и ордену Ливонию (признать себя вассалом Ливонии).

В 1212 г. новгородское войско под предводительством князя Мстислава Удатного дважды вторгалось в Эстляндию, «ополонившись челядью» (взяв множество пленных).

В скором времени меченосцы возобновили свое продвижение. На этот раз они занимались не только миссионерской деятельностью и обращением местных языческих племен в христианство латинского обряда. Им удалось посеять рознь между Псковом и Новгородом. Результатом их действий стало почти поголовное обращение племени ливов в христианство и дружба епископа Альбрехта с псковским князем Владимиром, который вскоре был за это изгнан (не псковичами, а Мстиславом Удатным — князем Новгорода Великого, «старшего брата» Пскова) и уехал к епископу Альбрехту в Ригу. Взамен изгнанного Владимира Мстислав Удатный посадил в Пскове на княжение своего вассала князя Давыда Торопецкого. Изгнанный князь Владимир в союзе с меченосцами пошел войной на Псков, осадил город, но взять Псков не сумел и был вынужден, сняв осаду, возвратиться в Ливонию.

Неудача меченосцев под Псковом вызвала (при поддержке полоцкого князя Владимира) крупное восстание языческих племен против власти ордена, в ходе подавления которого меченосцы потерпели серьезное поражение на территории Южной Эстонии в 1217 г.

Между тем Мстислав Удатный, по-прежнему княживший в Новгороде, вместе со своим вассалом Давыдом Торопецким собирал силы для нападения на орденские земли. Поход новгородско-псковского войска, состоявшийся в 1214 г., увенчался успехом. Оно прошло огнем и мечом всю Ливонию до побережья Балтийского моря, разорив множество поселений и взяв дань с нескольких городов (захватить которые ему, однако, так и не удалось). Меченосцам было важно сохранить все наличные силы для обороны своих главных баз в Ливонии — Вендена и Риги, куца они и стянули все имевшиеся в распоряжении войска, отдав все остальное на «поток и разграбление». Русские не стали осаждать ни Венден, ни Ригу и возвратились в Новгород и Псков с огромной добычей. Поскольку меченосцам удалось

сохранить свои войска, они быстро оправились от последствий нашествия и возобновить продвижение на восток, тем более что ситуация изменилась в пользу епископа и ордена. Началась междоусобная война между Мстиславом Удатным и владими́ро-суздальскими князьями, вынудившая Мстислава покинуть Новгород, оставив там на княжении своего сына Всеволода. Распря затянулась, чем не преминули воспользоваться епископ и орден меча.

В 1215 г. восставшие эсты попытались осадить Ригу. Меченосцы отразили их приступ и перенесли боевые действия на неприятельскую территорию. В течение лета гладиферы, совместно с крещеными ливами и леттами, неоднократно вторгались на территорию эстов, предавая все огню и мечу.

Первым шагом гладиферов стал захват в 1217 г. одного из опорных пунктов на границе — крепости Оденпе (Отепя). Меченосцы постарались по возможности укрепить город, сильно пострадавший при штурме, до подхода псковско-новгородских дружин, выступивших на подмогу осажденному гарнизону, но не успевших подоспеть своевременно. Однако укрепить его надлежащим образом гладиферы не успели. Псковичи и новгородцы осадили город, не способный выдержать длительную осаду. В Оденпе, страдавшем от нехватки припасов, начался голод. Однако епископу Альбрехту удалось, начав переговоры, уплатив солидный выкуп и передав русским в качестве заложника родного брата, сохранить за собой город. При наличии такого важного плацдарма продвижение гладиферов продолжалось, невзирая на восстания эстов и леттов против власти ордена и рижского епископа. В ходе военных действий меченосцы опирались на поддержку своих крещеных союзников — латышей и лаггалов (которые, правда, далеко не всегда оказывали им эффективную военную помощь). Так, в битве на реке Эмбах (Эмайыги, Омовжа) с русским войском князя Новгородского Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) в 1234 (а по другим данным — в 1235) г.—там, где действительно произошло Ледовое побоище»! — латышское ополчение обратилось в бегство, бросив погибать меченосцев, загнанных в итоге на лед Эмбаха, под который многие из них провалились и утонули.

Продолжающиеся трения с орденом меченосцев заставили рижского епископа Альбрехта обратиться за помощью к датскому королю Вальдемару II Победителю. В 1219 г. датчане высадились на севере Эстляндии, разбили эстонских язычников и возвели на их землях крепость Ревель (по-русски Колывань). По легенде, именно в критический момент битвы датских крестоносцев с эстонскими язычниками в 1219 г. с неба в руки одному из датских воинов упало красное знамя с белым крестом и помогло датчанам одержать победу. По сей день оно является государственным флагом Дании под названием «Данеброг». Правда, можно усомниться в правдивости этой легенды. Дело в том, что боевой стяг (нем. «штурмбаннер») Священной Римской империи германской нации) также представлял собой красное полотнище с белым крестом. Этим стягом пользовались все вассалы римско-германского императора, подчиненные лично ему и не признававшие над собой никаких сеньоров, кроме императора (например, швейцарские конфедераты). Датское же королевство долгое время признавало себя вассалом «Священной Римской империи», На это указывает само название Дании — «Данмарк», то есть «Датская марка» («марками» по-старонемецки именовались пограничные области римско-германской империи — например, Мейссенская марка, Бранденбургская марка, Датская марка и т.д.).

В том же 1291 г. новгородцы, в свою очередь, совершили новый набег на Эстляндию.

К 1220 г. меченосцы (с юга и с запада) и датчане (с севера) завершили покорение и христианизацию Эстляндии.

Вскоре выяснилось, что король Вальдемар II Победитель рассматривал договор с епископом Рижским Альбрехтом как согласие на подчинение датчанам всей Ливонии. Чтобы сломить сопротивление Альбрехта, крайне недовольного подобным истолкованием договора, Вальдемар договорился с меченосцами о признании их права на треть покоренных земель.

Кроме того, датский король запретил подвластным Дании северогерманским портовым городам отправлять корабли с крестоносцами в Ливонию, что означало ее полную блокаду с моря. Жалобы епископа Альбрехта (анти)папе римскому Гонорию III и римско-германскому императору Фридриху II Гогенштауфену оказались безрезультатными. В 1221 г. Альбрехту пришлось уступить требованиям короля Вальдемара П. Епископу Рижскому остались только права духовного сюзерена Ливонии, все же сеньориальные (владельческие) права достались меченосцам и датчанам.

В том же 1221 г. новгородское войско снова вторглось в Эстляндию, после чего вместе с псковским военным контингентом безуспешно осаждало резиденцию магистра ордена Меча — Венден.

Осенью 1221 г. псковичи еще раз вторглись в Эстляндию, летгы разорили окрестности Пскова, а меченосцы при поддержке ливов опустошили окрестности Новгорода.

Во второй половине 1222 г. восстали эсты, перебившие гарнизоны крепостей Феллин и Оденпе, а также гарнизон датской крепости на острове Эзель. Эсты обратились за помощью в Новгород. Новгородцы живо откликнулись на их призыв, разместив свои гарнизоны в Оденпе, Феллине и Юрьеве (по-эстонски Тарту).

Угроза со стороны восставших эстов заставила орден меченосцев пойти на уступки епископу Альбрехту. В начале 1223 г. орден заключил с ним договор, по которому епископ вновь получал треть территории Эстляндии. В этом же году новгородцы снова вторглись в Эстляндию, где в течение месяца безуспешно осаждали Ревель. Тем временем меченосцы разбили эстов в битве на реке Имере и вернули себе большую часть захваченных эстами ранее орденских крепостей.

В августе 1224 г. меченосцы со своими крещеными союзниками-ливами осадили город Юрьев. Гарнизон командовал Вячеслав Борисович, бывший князь Кукенойса. Ожидая помощи от Новгорода, князь Вячко отклонил предложения латинян о сдаче. Помощь опоздала. Меченосцы и ливы взяли Юрьев, перебив весь гарнизон и часть населения. Получив известие о приближении новгородского войска, гладиферы сожгли разграбленный город и отступили. Впоследствии, возвратившись на пепелище, они переименовали Юрьев в Дерпт, сделав его центром нового латинского государства — епископства Дерптского. Как следствие падения Юрьева в том же году между епископом Альбрехтом и Господином Великим Новгородом был заключен мир.

В 1227 г. гладиферы захватили остров Эзель (оказавшись на грани войны с претендовавшей на него Данией), а в 1230 г. покорили племя куршей.

Как мы видим, в период с 1221 по 1227 г. вооруженные столкновения между латинянами и восточными схизматиками в Ливонии продолжались, причем в большинстве случаев в выигрыше оказывались орден и епископ Рижский (упорно именовавший себя Ливонским) Альбрехт, которому удавалось постоянно ссорить Псков с Новгородом. К началу 1228 г. ливонский епископ сумел установить с псковичами тесный контакт и заключить с ними союз. Военные действия шли, в общем, успешно для меченосцев. Кроме завоевания Юрьева, они вернули крепость Феллин и совершили ряд набегов на новгородские земли.

Упомянутый выше владими́ро-сузда́льский князь Ярослав Всеволодович, правивший в описываемые годы Новгородом, стремился по мере сил препятствовать латинской экспансии, но это удавалось ему далеко не всегда. Причиной этого становились его постоянные разногласия как с боярством (правлящей верхушкой), так и вечем (народным собранием) Господина Великого Новгорода.

В итоге новгородцы, не поддержавшие планов князя Ярослава идти войной на непокорный Псков и союзников псковичей — ливонского епископа, меченосцев, эстов-чудь и латышей, «указали ему путь от себя», как говорилось в тогдашних русских летописях.

Папский Рим внимательно следил за христианизацией Ливонии. (Анти)папа Гонорий III высоко ценил результаты деятельности епископа Альбрехта, не мешая тому именоваться «епископом Ливонии» (оставаясь формально всего лишь епископом Риги). В то же время папа делал попытки наладить отношения и с восточными схизматиками. Так, в 1227 г. римский понтифик предложил свое покровительство Пскову и Новгороду, а также Галицко-Волынскому княжеству и другим русским княжествам, граничившим с католическими королевствами (Польшей и Венгрией).

Меченосцы и епископ Альбрехт также всячески подтверждали свои добрые намерения в отношении своих восточных соседей-схизматиков. В неурожайном 1231 г. ливонские латиняне привезли в Новгород хлеб, устранив угрозу голода и связанных с голодом внутривосточных осложнений. Отношения между Новгородом, епископом Ливонским и орденом меченосцев постоянно улучшались, но тут псковичи в очередной раз проявили свое стремление к независимости от «старшего брата». Псковские князья желали править, не подчиняясь Новгороду. В своем стремлении к независимости они активно опирались на гладиферов, с которыми заключили союз еще в 1227 г. Орден меченосцев имел немало приверженцев и в Новгороде, однако там они не были настолько сильны и многочисленны, чтобы активно влиять на вече, господу (боярство) и князя.

Отделение Пскова от Новгорода сулило ордену меченосцев немалые выгоды уже тем, что в этом случае Псков попадал бы под власть гладиферов окончательно (и, главное, добровольно). Влияние же меченосцев на псковичей было уже таким сильным, что псковские рати ходили в Крестовые походы против ливонских племен земгалов (семигалов, земиголов) и ливов (тех, что еще не были крещены). Кроме того, в 1224 г. был завоеван основанный еще князем Ярославом Мудрым Юрьев, а в 1227 г. — остров Эзель. Однако в 1236 г. очередной поход меченосцев и псковичей на литовцев обернулся их сокрушительным поражением на реке Сауле (вследствие которого меченосцы были вынуждены обратиться к Тевтонскому ордену, проводившему христианизацию Восточной Пруссии). Но об этом несколько позже.

Главной резиденцией меченосцев являлся замок Венден (по-латышски Цесис), бывший и местом погребения орденских магистров. Орден меченосцев, не обладавший большой военной силой, представлял собой небольшое братство рыцарей, прибывших по большей части из Вестфалии, предназначенных для обеспечения христианизации Ливонии (вообще же члены ордена, аналогично тевтонам, иоаннитам, тамплиерам, добринцам и пр., подразделялись на братьев-рыцарей, братьев-священников и служащих братьев). Тем не менее, меченосцам, правда, в союзе с датскими крестоносцами и с епископом удалось к 1229 г. окрестить всю Лифляндию (Ливонию) и Эстляндию (Эстонию), а также часть Курляндии (Куронии). Учредивший этот рыцарский орден рижский епископ пытался — подобно латинскому патриарху Иерусалимскому в отношении орденов тамплиеров и иоаннитов — превратить его в свое собственное войско.

Но князю Церкви не удалось добиться желаемого. По прошествии всего нескольких лет орден братьев-меченосцев стал проводить самостоятельную политику, направленную на защиту его собственных властных интересов, и вступил в полосу затяжных конфликтов с епископом.

Со временем руководство ордена меченосцев пришло к выводу, что объединения с успешно покоряющим пруссов, значительно более крупным и занимающим более привилегированное положение Тевтонским орденом пойдет меченосцам только на пользу. Магистр меченосцев Фольквин (Волквин) повел переговоры об объединении с Тевтонским орденом.

«Великий Кунктатор», известный своей осмотрительностью и осторожностью в принятии решений, гофмейстер мариан Герман фон Зальца медлил годами. Наконец он отправил своих посланцев в Ливонию ознакомиться с тамошним положением дел. При посещении владений

братьев-меченосцев посланцы отнюдь не пришли в восторг, ибо «им не понравился образ жизни последних, которые намеревались жить по своей воле и не соблюдали правил собственного устава» (цитата из отчета об этой инспекционной поездке тевтонского брата-рыцаря Гартмана фон Гельдрунгена, позднее ставшего гохмейстером ордена Пресвятой Девы Марии). Вероятно, ему не понравился не только более свободный образ жизни меченосцев, но и их стремление сохранить при объединении с тевтонами определенную самостоятельность и не допустить абсолютного поглощения своего ордена Тевтонским.

Однако 22 сентября 1236 г. войско меченосцев (как уже упоминалось выше, имевшее в своем составе наряду с крестоносцами из Германии, а также местными прибалтийскими — латгальскими, ливскими и эстонскими — контингентами, большой отряд православных русских лучников из Пскова, не меньше меченосцев обеспокоенного все возрастающей литовской угрозой) было, вследствие измены своих вероломных союзников — крещеных латгалов и эстов наголову разбито литовскими язычниками на реке Сауле. Литовцам удалось убить 48 (или 50) «орденских братьев», включая магистра Волквина. Многие покоренные племена восстали против власти меченосцев. Спасти их могло только срочное вмешательство Тевтонского ордена.

Сообщение о разгроме «братии Христовой» при Сауле пришло в папскую резиденцию Витербо под Римом в момент, когда послы меченосцев и верховный магистр тевтонов ожидали аудиенции у папы. Папа римский Григорий IX, понимая, что после разгрома меченосцев Ливония осталась без защиты, 12 мая 1237 г. одним росчерком пера включил остатки братьев-меченосцев в состав Тевтонского ордена. Орден меченосцев стал ландмейстерством (провинцией, филиалом) Тевтонского ордена, под названием «орден Немецкого Дома в Ливонии», гохмейстером объединенного ордена стал Верховный магистр тевтонов, которому была дарована папой римским прерогатива утверждать в должности ландмейстера тевтонов в Ливонии.

В Ливонию был незамедлительно направлен ландмейстер Пруссии Герман Балк (Балк, Бальке, Фальке, Вальке, или Валк) — между прочим, предок последнего петербургского градоначальника А. П. Балка — во главе 60 (по другим сведениям — 54) тевтонских рыцарей (разумеется, в сопровождении оруженосцев, служащих братьев, наемных стрелков и т.п.). Они очень скоро водворили спокойствие в стране и довершили христианизацию Курляндии. С той поры управляющий братьями-меченосцами ландмейстер или геермейстер (*magister provincialis*) не избирался ими, а назначался гохмейстером Тевтонского ордена в Пруссии, а столицей гладиферов стала Рига. Красные звезды и мечи на своих плащах они заменили черным тевтонским крестом. После успешного завершения своей миссии брат Герман Балк был назначен первым провинциальным (земским) магистром (ландмейстером) Ливонии.

В отличие от меченосцев, подчиненных изначально рижскому епископу, «псы-рыцари» Тевтонского ордена подчинялись непосредственно папе римскому (хотя эта подчиненность, как мы видели выше, и не помешала тевтонам поддерживать императора Фридриха II в борьбе с римским понтификом!). По договору между Тевтонским орденом и папой 1/3 христианизированных земель передавалась подчиненным папе епископам, а 2/3 оставалось во владении ордена Девы Марии. Так обстояло дело в покоренной тевтонами Пруссии. В Ливонии же епископы (а затем и архиепископы) протестовали против подобной практики, ссылаясь на предшествующий исторический прецедент с орденом меченосцев, который получал в Лифляндии не 2/3, а всего лишь 1/3 завоеванных земель.

Протест князей Церкви был удовлетворен Папской курией. Папа заставил Дом Святой Марии Тевтонской в Ливонии признать, по примеру прежних меченосцев, свою ленную зависимость от рижского архиепископа. Более того! В соответствии с установившейся со времен меченосцев традицией, рижский архиепископ отныне получал 1/3, а орден Девы Марии лишь 2/3 покоренных земель — впрочем, это касалось лишь завоеваний в собственно Ливонии (территории, населенной племенами ливов, а также латгалов и леттов — предков

современных латышей) и Земгалии (Семигалии). В Курляндии (населенной языческим племенем куронов, или куршей) епископ имел право претендовать на 1/3, а Тевтонский орден — на 2/3 завоеванных земель (как в Пруссии).

Взаимные претензии между церковными и орденскими властями в этом и других вопросах послужили основной причиной длительных и многочисленных конфликтов между христианами в Прибалтийском крае, вылившихся в конце концов в форменную «войну всех против всех» и полное отсутствие внутривластной стабильности в данном регионе, что ослабляло его перед лицом внешней угрозы. В ходе христианизации и освоения прибалтийских земель к XVI в. на территории будущих Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерний Российской империи сложился целый ряд вполне самостоятельных духовных княжеств:

- 1) архиепископство Рижское;
- 2) епископство Дерптское (Дерпт=Юрьев=Тарту);
- 3) епископство Эзель-Викское (Эзель=остров Сааремаа);
- 4) епископство Курляндско-Пильтенское,

которым фактически противостоял Дом Пресвятой Девы Марии Тевтонской в Ливонии. Каждое из этих феодальных минигосударств имело свои знамена, печати и эмблемы. Самым обширным из государственных образований в Ливонии (как обычно обобщенно именовалась вся Восточная Прибалтика) был местный филиал Тевтонского орденского государства, пользовавшийся наибольшей самостоятельностью и наибольшим влиянием во всем Балтийском крае.

Если во времена ордена меченосцев носителем высшей власти на христианизированных прибалтийских землях считался рижский епископ, то после включения остатков этого ордена в состав Тевтонского орденского государства положение кардинальным образом изменилось. В 1226 г. тевтонский верховный магистр Герман фон Зальца получил от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена грамоту на владение Пруссией (еще не завоеванной) и «всех других земель, которые ордену удастся, с Божьей помощью, завоевать». А в 1234 г. папа римский Григорий IX официально взял все владения Тевтонского ордена под защиту папского престола. Вероятно, имелись в виду орденские владения тевтонов в Пруссии.

Но после распространения власти Тевтонского ордена на бывшие владения меченосцев в Ливонии, гофмейстеры тевтонов стали истолковывать содержание папской грамоты «расширительно», утверждая, что и орденские земли в Ливонии также попадают под юрисдикцию папских грамот. Рижская епископская кафедра, разумеется, никак не могла согласиться с подобным «расширительным» толкованием и вступила с орденом в ожесточенную борьбу, бомбардируя Рим непрерывными жалобами на дерзость, наглость и самоуправство тевтонских рыцарей. В этой борьбе папский престол старался лавировать, не принимая однозначно сторону ни того ни другого жалобщика.

В 1245 г. рижский (упорно именовавший себя на печатях и в документах «ливонским»!) архиепископ был возведен папой в сан «архиепископа Ливонского, Эстонского и Прусского» (а в 1255 г. дополнительно утвержден палой в сани архиепископа Рижского). Но это «повышение» несколько не снизило накала борьбы за лидерство в регионе. В 1347 г. Дом Святой Марии Тевтонской в Ливонии был — папской буллой! — освобожден от всякой ленной зависимости от рижского архиепископа. А с конца XIV в. он — параллельно с общим усилением Тевтонского ордена, достигшего пика своего могущества в Пруссии и Прибалтике, — стал фактически хозяином и вершителем судеб всего Прибалтийского края (хотя рижская кафедра, по старой памяти, еще долго оказывала сопротивление непомерно возмущавшему могуществу тевтонов). Со временем руководство ордена Девы Марии в Ливонии добилось положения, при котором даже епископы в соседние (не орденские!) епархии назначались только из числа тевтонских братьев-священников (это называлось «инкорпорацией»).

С момента присоединения остатков Ливонского ордена меченосцев к Тевтонскому ордену и до окончательного раздела ливонских владений ордена Девы Марии между Швецией и Польско-Литовским государством (Речью Посполитой) во второй половине XVI в. в Ливонии сменилось 9 ландмейстеров и 10 ландмаршалов (исполнявших в ливонских владениях Тевтонского ордена функцию заместителя магистра, или вице-магистра, выполнявшуюся в прусских владениях ордена Девы Марии великими комтурами).

Ландмейстер ливонских тевтонов носил на шее, как знак своей должности, особую цепь, к которой был подвешен украшенный разноцветной эмалью золотой образ покровительницы Тевтонского ордена — Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Иисусом на руках, причем основанием престола

Пречистой Девы служил гербовый щит Тевтонского ордена с прямым черным крестом на белом поле, а звеньями ландмейстерской цепи — сдвоенные золотые мечи (в память о происхождении ливонского филиала Тевтонского ордена от ордена меченосцев).

После того, как ландмейстер Вольтер (а не Вальтер, как часто неправильно пишут) фон Плеттенберг (1494—1535), успешно отразивший (главным образом благодаря превосходству орденских войск в артиллерии и ручном огнестрельном оружии) наступление войск великого князя Московского и государя всея Руси Иоанна III, в 1513 г. предоставил Тевтонскому ордену крупную сумму денег, необходимую для войны с Польшей, тогдашний верховный магистр, маркграф Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов, в благодарность предоставил ливонским орденским братьям определенную независимость в рамках Тевтонского ордена и возвратил им старинное право самим выбирать себе геермейстера (войскового магистра).

Вольтер фон Плеттенберг, подобно верховному магистру Альбрехту, поддержал проникшую в Ливонию из Германии Реформацию и даже присоединился в 1531 г. к Шмалькальденскому союзу протестантских немецких князей, поднявших меч на своего сюзерена — владыку Священной Римской империи и короля Испании Карла I Габсбурга, о котором говорили, что в его владениях «никогда не заходит солнце».

С 1588 г. начались победоносные походы войск царя Иоанна Васильевича Грозного в Ливонию. Избранный в 1559 г. ливонским геермейстером Готтард фон Кеттелер (Кетлер), отчаявшись получить помощи от императора и германских князей, отдался в 1560 г. под покровительство Польши, в 1561 г. сложил с себя свой сан, снял орденское облачение, уступил Польше Ливонию и получил от польского короля Сигизмунда-Августа в лен Курляндию и Земгалию, положив начало династии герцогов Курляндских.

ЗНАМЯ ДОМА ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ ТЕВТОНСКОЙ В ЛИВИИ

Дом Пресвятой Девы Марии Тевтонской в Ливонии имел свое собственное знамя, которое во время военных походов везли рядом с ландмейстером или в его отсутствие рядом с ландмаршалом, являвшимся в орденской иерархии ливонского филиала тевтонов вторым по важности должностным лицом после магистра (тогда как в рамках всего Тевтонского ордена эту функцию выполнял не маршал, а великий комтур). Знамя рыцарей-мариан в Ливонии было двусторонним. На одной стороне на белом поле была изображена (в соответствии с полным названием ордена) его Небесная Покровительница Пресвятая Дева Мария в лазурном одеянии, держащая на правой руке Богомладенца, а в левой — державу в форме земного шара. На другой стороне ливонского орденского знамени, также на белом поле, был представлен покровитель рыцарства святой Маврикий с золотым мученическим венцом на окруженной нимбом голове, в голубом одеянии и белом плаще, с золотыми поясом, налокотниками и наколенниками, держащий в правой руке копье с флагом, а левой опирающийся на серебряный прямоугольный щит с окаймленным золотом прямым черным крестом. В верхних углах полотнища орденского знамени, противоположных древку, были изображены белые орденские щиты с черными тевтонскими крестами.

Как Пресвятая Богородица, так и святой Маврикий были изображены на знамени стоящими на зеленой траве. Присутствие святого Маврикия объяснялось не только его функцией как мученика за Христа и патрона рыцарства вообще, но и особым почитанием, которым он пользовался в Прибалтике. В Риге существовало даже особое посвященное ему элитное «Общество (братство) Черноголовых» (нем. «шварцгейптеров», *Schwarzhaeupter*), молодых холостых отпрысков знатных купеческих родов, живших по общежитийному уставу, во многом напоминавшему монастырский, в особом «Доме Черноголовых», имевших привилегию носить рыцарские шлемы и латы и составлявших в военное время отдельный отряд ополчения рижских бюргеров и купцов, сражавшийся под собственным знаменем.

«Черноголовыми» эти почитатели святого Маврикия именовались потому, что он считался «арапом-египтянином». Исторический святой Маврикий был римским военачальником, легатом расквартированного в Египте Фиванского легиона, претерпевшим мученичество за Христа в гонения императора Диоклетиана. По христианской легенде, он владел чудодейственным Святым Копьем ветхозаветного священника Финееса, перешедшего по наследству к библейскому пророку Иисусу Навину (якобы державшему это копьё в руке при взятии Иерихона — о чем, между прочим, поется в известной песне времен Войны между Севером и Югом в США: «Joshua fought the Battle of Jericho, and the Walls came tumbling down», где Святое Копье упоминается в следующих выражениях: «Down to the walls of Jericho he marched with the Spear in his hand...»), а затем — к римскому центуриону (сотнику) Гаю Кассию Лонгину, пронзившему этим копьём ребро распятого на Голгофе Христа, ускорив тем самым Его искупительную миссию.

На некоторых дошедших до нас иллюстрациях у святого Маврикия, изображенного на знамени ливонских рыцарей, на голове не мученический венец, а шлем, верхняя часть которого золотая, а нижняя — черная. Такое знамя с образами Богородицы и святого Маврикия было захвачено поляками в битве с ливонскими рыцарями Тевтонского ордена при Накеле в 1431 г.

Встречается также изображение «знамени ливонских рыцарей», представляющего собой полотнище с тремя (!) горизонтальными полосами — желтой, белой и красной. Оно, в частности, приведено в книге Стивена Тернбелла и Ричарда Хука «Танненберг. 1410 г. Неудача тевтонских рыцарей» (Stephen Turnbull, Richard Hook. Tannenberg 1410. Disaster for the Teutonic Knights; Campaign-122/Osprey Ltd. 2003), со ссылкой на Яна Длугоша. Но следует заметить, что, хотя польский каноник Ян Длугош (1415—1480) считается «классическим» источником сведений об этой кровавой, судьбоносной для ордена Девы Марии битвы, он родился спустя пять лет после сражения и был отделен от событий, по крайней мере, сроком жизни целого поколения.

Сам Ян Длугош не был ни современником, ни очевидцем, ни тем более участником битвы. По некоторым сведениям, в битве участвовал отец Длугоша, но тот опять-таки умер в 1425 г., когда будущему историку не исполнилось еще и 10 лет. Поэтому многие приведенные Длугошем сведения не следует принимать на веру — например, его упоминание о «хоругви святого Георгия», под которой выступали крестоносцы — союзники ордена Девы Марии, как о красном знамени с белым крестом (в то время как общеизвестно, что «знамя святого Георгия», наоборот, всегда было белым с красным крестом и дожило в таком виде до нас, в качестве английского флага святого Георга!), или же упоминание Длугоша о трехцветном желто-бело-красном (!) знамени ливонских рыцарей, под которым они, по его утверждению, якобы принимали участие в роковой для Тевтонского ордена битве 1410 г.

Как известно, традиционные средневековые геральдические знамена были двуцветными (хотя и могли иметь несколько полос), и именно в качестве двуцветных дошли до нас древнейшие европейские флаги — красно-бело-красный австрийский, красно-желто-красный испанский, красно-зеленый португальский, красно-голубой лихтенштейнский, красно-белый монакский, бело-голубой сан-маринский, бело-красный польский и др. К тому же однозначно

известно, что ливонских рыцарей в рядах тевтонской рати под Танненбергом не было (что и было, возможно, одной из важнейших причин поражения орденового войска).

ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ В БОРЬБЕ ЗА АККОН

Жители Аккона, последней твердыни западных крестоносцев (латинян или франков), Иерусалимское королевство которых формально продолжало существовать даже после повторной утраты франками Святого града Иерусалима, в Земле Воплощения, — были специфическим народцем, пестрой смесью представителей самых разных наций и всех стран, участвовавших в Крестовых походах, перемешанных с остатками туземных народностей, как то: сирийцев, армян, левантских греков и арабов. Особой категорией жителей города являлись пулланы, как первоначально именовались потомки крестоносцев и женщин, переселившихся в Святую землю из Апулии (Южной Италии), — позднее этим названием стали обозначать всех полукровок, происшедших от связей между жителями Запада и Востока. В число жителей Аккона входило и немалое число асоциальных и даже криминальных элементов из Западной Европы: людей, у которых на родине по каким-либо причинам земля горела под ногами; людей, потерпевших экономический крах; преступников, которым было обещано прощение при условии их участия в Крестовых походах. Все они были людьми, в той или иной степени лишенными корней, попавшими в совершенно непривычные для них жизненные условия, что вызывало всеобщее одичание нравов.

Согласно многочисленным сообщениям вторящих друг другу хронистов-современников событий, степень их нравственного падения была чрезвычайно велика, и Иаков де Витри, епископ Аккона с 1216 г., один из лучших знатоков города и населявших его людей, писал в своей «Иерусалимской истории» (*Historia Hierosolimitana*) и в письмах, в частности, следующее:

«Здесь проживает великое множество христиан, не принадлежащих к римской церкви, как то: иаковиты во главе с собственным архиепископом; сурийцы (айсоры. — *В.А.*) со своим епископом, которые совершенно погрязли в нечестии, поскольку выросли среди сарацин, всемерно потакавших их дурным обычаям, а также несториане, грузины и армяне, не имеющие никакого духовного руководства. Но хуже всех пул-лапы, которые, собственно говоря, образуют паству нового пастыря. Они были воспитаны от юности своей без должной строгости и полностью преданы похотям плоти. Кроме того, я нашел здесь чужестранцев, которые в отчаянии бежали со своей родины вследствие совершенных ими преступлений, лишенные страха Божия и погубившие весь город своими позорными деяниями и безбожным примером. Да и кто мог бы перечислить все преступления этого второго Вавилона, в котором христиане отказывали сарацинам в Святом Крещении, ибо предпочитали обращать их в рабов и подвергать притеснениям!»

Эта глубочайшая моральная испорченность значительной части населения Аккона усугублялась постоянно вспыхивавшими в городе конфликтами и вооруженными схватками между ведущими политическими и церковными властными группами. При этом немалую роль играли итальянские морские республики и крупнейшие духовно-рыцарские ордены. Внутренние распри не прекращались до самого падения последнего оплота крестоносцев в Земле Воплощения.

Незадолго до нашествия египетских мамелюков фортификационные сооружения Аккона были дополнительно укреплены по настоянию короля Иерусалимского Генриха (Анри) II (1286—1291). Немецкий пилигрим Лудольф фон Сухем, посетивший Палестину примерно через сорок лет после изгнания оттуда христиан, писал об этом следующее: «Сей знаменитый град Аккон расположен у самого моря, сложен из громадных каменных глыб и окружен мощными высокими башнями, стоящими почти на расстоянии броска камня друг от друга; каждые из городских ворот располагались между двумя башнями, а стены были, и сейчас еще остаются, настолько широкими, что на них могут свободно разъехаться две едущие

навстречу друг другу повозки. А с другой стороны, то есть со стороны материка, город был защищен отдельными стенами и чрезвычайно глубокими рвами и укреплен многочисленными бастионами и разнообразнейшими оборонительными сооружениями».

В Акконе насчитывалось примерно 30 000—40 000 жителей, в том числе немало хорошо обученных воинов, из них около 1000 рыцарей и 14 000 ратников. Христиане господствовали над подступами к морю. Во главе ордена иоаннитов, игравшего особо выдающуюся роль в обороне Аккона, в 1285—1293 гг. стоял великий магистр Жан де Вилье. Весть о его избрании великим магистром застала Жана де Вилье во Франции, где он начиная с 1280 г. исполнял должность приора французской провинции ордена. Но до этого он уже бывал в Святой земле, ибо в 1277 г. мы встречаем упоминание о нем как о командоре важнейшего орденского дома иоаннитов в Триполи.

Мамелюкский султан Египта Малик аль Ашраф, сын грозного султана Калауна, отнявшего у латинян почти все их владения в Святой земле, провел основательную подготовку к штурму Аккона. Как выяснилось, двойное кольцо стен вокруг города с многочисленными оборонительными башнями являлось почти непреодолимой преградой даже для многочисленной, хорошо вооруженной и обученной армии. Задача осложнялась присутствием в Акконе готовых на все защитников города, которые, хотя и враждовали между собой, теперь, когда речь шла о выживании всех и каждого, сражались упорно и самоотверженно. Султан стянул под Аккон солдат и осадную технику из всех подчиненных ему областей. Громадные, сконструированные согласно новейшим открытиям в области баллистики, осадные орудия составляли костяк этой мамелюкской артиллерии, отменно функционировавшей и без применения пороха. Осаждавшие связывали с ее действием большие надежды и давали своим осадным орудиям характерные прозвища, например «Победоносное» или «Яростное». Согласно тщательно продуманному плану эти чудовищные камнеметы были направлены на основные точки оборонительной линии, чтобы проложить дорогу мамелюкам, идущим на приступ.

Современные хроники приводят противоречивые данные о количестве войск осаждающих, собравшихся у стен последней твердыни крестоносцев в Святой земле. Однако сарацинов было, несомненно, гораздо больше, чем обороняющихся. Для ослабления морального духа осажденных султан применял и психологические средства ведения войны. Каждый день мусульмане шли на приступ, испуская ужасные крики, лезли на стены под звуки оглушительной музыки, а перед последним, решающим приступом 18 мая, когда неприятельское войско с дикими криками пошло на штурм, сотни мамелюков с барабанами и литаврами подъехали к городу на верблюдах, дабы «вселить в сердца храбрецов страх, а в сердца трусов — ужас».

Борьба за Аккон, продолжавшаяся на протяжении 40 дней, велась с обеих сторон с величайшей жестокостью. Метательные машины мамелюков непрерывно осыпали стены и башни Аккона снарядами. Мусульманские минеры систематически подводили подкопы под важнейшие укрепленные пункты крепости, в первую очередь, естественно, под башни как главные базы обороны. Султан использовал против каждой башни по 1000 саперов, чтобы подготовить несущие стены, фундаменты и находящиеся глубоко под землей основания башен к обрушению после заполнения подкопов бревнами, которые затем поджигались. Для ослабления кольца осады защитниками Аккона периодически предпринимались вылазки, главным образом ночью, причем в них принимали участие преимущественно члены духовно-рыцарских орденов.

Так, «бедные рыцари Христа и Храма Соломонова» однажды попытались путем комбинированного нападения с суши и с моря нанести удар по войскам эмира Хамы, чей стан располагался напротив участка обороны стен Аккона, порученного заботам тамплиеров. Нападение с суши было совершено через ворота Святого Лазаря, расположенные неподалеку от моря. Со стороны моря в направлении берега поплыли небольшие суда с орденскими

лучниками и арбалетчиками на борту, чтобы засыпать расположенные там войска эмира Хамы тучами стрел и болтов. Кроме того, тамплиерами была предпринята попытка при помощи «греческого огня» из метательной машины, установленной на борту корабля, поджечь сарацинские шатры вместе с теми, кто в них находился. Однако сильный ветер, разбросавший корабли храмовников в разные стороны, сорвал попытку нападения. Еще одна ночная вылазка, на этот раз с участием иоаннитов, также завершилась неудачей. После первого же соприкосновения с противником весь мусульманский лагерь оказался ярко озарен огнем подожженных шатров и палаток, и враги увидели, как малочисленные нападающие. Иоаннитам, понесшим в этой вылазке огромные потери, пришлось отказаться от своего замысла и возвратиться в крепость ни с чем.

Невзирая на все мужество крестоносцев и попытки прорвать кольцо осады, обороняющимся не суждено было добиться успеха. Во всех предприятиях их преследовали неудачи. К тому же сила сопротивления обороняющихся начала ослабевать вследствие дополнительных трудностей, связанных с необходимостью непрерывного несения караульной службы.

Мамелюки захватывали одну башню Аккона за другой. Первой пала передовая Башня короля Гугона. Осознав, что удерживать ее дальше невозможно, гарнизон поджег деревянные перекрытия башни, и она обрушилась вследствие пожара. Это произошло 8 мая. На следующей неделе мамелюкские минеры подкопали и обрушили Английскую башню, Башню графини Блуаской и совсем новую Башню короля Генриха II. Английская башня, известная также как Башня короля Эдуарда, целиком обрушилась в ров. Нападающие использовали ее обломки для того, чтобы засыпать ров и насыпать вал. Затем этот вал был надстроен с помощью мешков с песком и хвороста, образовав своего рода мост в город, шедший до второго оборонительного пояса. Таким образом, мусульмане смогли перенести боевые действия во внутреннюю линию обороны.

Особое внимание нападающих было обращено на сильнейший пункт этой укрепленной линии—так называемую Проклятую башню. Чтобы привести и эту башню к обрушению, султан бросил в бой все имевшиеся у него в наличии вспомогательные средства. Мамелюкские камнеметы вели непрерывный обстрел, под башню подводились подкопы, так что мамелюки вскоре смогли подобраться к этому христианскому бастиону, оттеснив оборонявших башню сирийских и кипрских рыцарей, а также рыцарей ордена Святого Лазаря в восточном направлении, к воротам Святого Антония. На помощь изнемогавшим бойцам поспешили иоанниты и храмовники. При этом был смертельно ранен великий магистр тамплиеров брат Гийом де Боже, которому стрела впиалась под мышку, угодив между пластинами нагрудного панциря и наплечником. Он умер вскоре после ранения. Был тяжело ранен и великий магистр иоаннитов брат Жан де Вилье. Невзирая на протесты раненого магистра госпитальеров, он был отнесен своими рыцарями на один из стоявших в порту кораблей, отплывших на остров Кипр.

18 мая сарацины начали общий штурм Аккона. Мусульманское войско было разделено на 150 отрядов по 200 человек в каждом отряде, имея в тылу резервные подразделения, почти равные им по численности. И вот лавина нападающих хлынула в проломы на месте рухнувших башен Аккона и в бреши, пробитые в стенах, очень скоро проникнув внутрь города. Бои шли за каждую улицу. Латиняне героически защищались всеми имевшимися в их распоряжении средствами, однако сильно уменьшившиеся отряды оборонявшихся не могли устоять перед напором масс фанатичных мусульман. Те же попросту убивали всех мужчин, женщин и детей, невзирая на то, было ли у них оружие или нет. Лишь незначительной части населения Аккона удалось добежать до спасительной гавани и до стоявших там венецианских кораблей.

При этом разыгрывались неслыханные по своей жестокости сцены; каждый хотел во что бы то ни стало получить местечко на последнем отплывавшем корабле. Церкви и монастыри

были осквернены, монахи и монашки пали жертвой мечей беспощадных победителей. О гибели доминиканцев сообщают трогательную легенду, что они принимали «мечное сечение», как мученики первых веков христианства, с пением молитвы «Богородице, Дево, радуйся».

Но отдельные гнезда сопротивления, например укрепленные орденские дома иоаннитов, Тевтонского ордена и тамплиеров, держались еще несколько дней. Расположенный в северо-западной оконечности города, окруженный с трех сторон морем, замок ордена Храма, в котором укрылись уцелевшие рыцари-тамплиеры и небольшое число горожан, стал последним очагом сопротивления крестоносцев. Тамплиерский замок невозможно было взять без правильной осады, и поэтому султан предложил гарнизону капитулировать. Он обещал защитникам замка предоставить им возможность беспрепятственного выхода со всем имуществом, и корабли для их эвакуации на остров Кипр. Маршал ордена Храма брат Пьер де Севрей согласился на эти условия и договорился с султаном о том, чтобы эвакуация защитников громадного замка храмовников осуществлялась под надзором 100 мамелюков во главе с эмиром.

Однако мамелюки, опьяненные радостью победы, начали силой забирать в полон женщин и детей. Возмущенные этим нарушением договора, рыцари Храма перебили всех мамелюков и выбросили их из замка на улицу, вместе с поднятым было над замком султанским знаменем, приняв твердое решение драться не на жизнь, а на смерть. При попытке султана завязать новые переговоры мамелюкский парламентар был обезглавлен тамплиерами. И началась осада орденского дома. Под переднюю часть замка был подведен подкоп, она рухнула, и 2000 охваченных слепой яростью мамелюков ворвались внутрь. Этого оказалось слишком много для здания, потерявшего устойчивость. Замок храмовников рухнул с ужасающим грохотом. Под его обломками оказались погребены как защитники, так и нападавшие.

Так окончилась эта священная война. Из всех членов духовно-рыцарских орденов, пребывавших в Акконе, удалось спастись только семерым иоаннитам и десятерым тамплиерам. Из числа 15 тевтонских рыцарей, оборонявших Аккон, уцелел только один — верховный магистр ордена Девы Марии брат Бурхард фон Шванден. Рыцари ордена Святого Лазаря погибли все до единого. В руках сирийских латинян остались только окруженный тройными стенами Тир (вскоре сданный мамелюкам без боя) и находившийся во владении тамплиеров Сидон, состоявший из самого города и замка, выстроенного на скале посреди моря. Немногие уцелевшие тамплиеры отступили в этот замок и укрепились там. Когда же мамелюки начали строить со стороны материка дамбу, был сдан и замок. Бейрут (Берит) и Хайфу султан Египта занял без боя. Христианские монастыри и кельи отшельников на горе Кармил — колыбели монашеского ордена кармелитов — подверглись повторному разрушению, а все монахи были перебиты. В конце концов, в руках латинян остался лишь принадлежавший тамплиерам замок Руад, расположенный на острове в двух милях от сирийского побережья, напротив Тортозы. Этот замок тамплиеров так и остался непокоренным. Орден Храма отказался от него лишь в 1303 г., когда над ним стали собираться грозные тучи, положившие конец власти храмовников в Святой земле.

Взятие Аккона мусульманами практически ознаменовало собой конец эпохи Крестовых походов. Правда, и после этого на протяжении столетий предпринимались попытки возродить к жизни идею Крестовых походов, организовывать новые крестоносные предприятия и собирать христианские армии, чтобы снова отвоевать Святую землю у мусульман. Однако идея Крестовых походов уже утратила свою жизненность. Поэтому все аналогичные попытки, предпринимавшиеся как папами, так и светскими государями, были обречены на провал.

Нам, людям XXI в., бывает порой трудно понять, что же, собственно, двигало средневековыми крестоносцами. Наши вера и мировоззрение разительно отличаются от

средневековых. Индивидуумы, общество и народы руководствуются в наше время уже не только религиозными мотивами — в отличие от тогдашних времен. В Средние века лейтмотивом всех действий человека была почти исключительно религиозная вера. Только с точки зрения веры можно понять и странствия паломников в Святую землю. Мотивом паломников было, прежде всего, простое желание быть как можно ближе к Богу и Его святыням, расположенным на земле, исхоженной стопами Божественного Учителя и Спасителя страждущего и погрязшего в грехах рода человеческого. Ради достижения этой высшей цели паломники отдавались на волю неведомой судьбы и были готовы переносить тяготы, труды и опасности, о которых мы, живущие в технократическую эпоху, просто не имеем никакого представления.

Не зря Бернар Клервоский в одном из своих писем заверял жен крестоносцев, что те — уже вдовы, хотя их мужья еще живы. Шансы на возвращение домой из крестового похода были весьма невелики. Но паломники во имя своей веры брали все это на себя, ибо, будучи христианами, верили, что и без того находятся на пути в жизнь вечную. Нам бы этой веры — хотя б с горчичное зерно!

ТВЕРДЫНИ РЫЦАРЕЙ ХРИСТОВЫХ

Они по-прежнему высятся суровыми каменными часовыми, на севере и на юге, на востоке и западе, храня безмолвную память столетий. Их имена звучат ударами древних башенных колоколов, как давно где-то слышанные, но забытые в суете повседневности заклинания: Маргат, Монфор, Сафед, Керак, Торн, Выборг, Венден, Феллин, Мариенбург, Нессау, Ревель, Крак де Шевалье. Свидетели древней, прошедшей, но вечной славы христианского оружия, христианской культуры, христианской цивилизации, гения христианства... У их подножия плещутся, шумят волны Балтийского и Средиземного морей, а над ними несут вечную стражу Предвечные Звезды...

Пару лет назад, в эпоху расцвета у нас в России «черного» видеобизнеса, когда уличные прилавки буквально ломились от «пиратских» кассет, я как-то купил по случаю несколько записанных на видео телевизионных фильмов Би-би-си на исторические темы, и в том числе серию под многообещающим названием «Крестовые походы». Однако не удосужился их сразу же просмотреть (как говорится, все руки не доходили), и сделал это лишь совсем недавно. Просмотрел — и был буквально поражен.

То, что увидел, а главное — услышал ваш покорный слуга при просмотре этих видеокассет с телеэкрана, показалось мне поразительным, нет, мало того — непостижимым! Подобно абсолютному большинству моих современников и соотечественников, хотя и выросших и духовно сформировавшихся еще при советской власти, антинациональной, по сути, или, во всяком случае, подобно большинству окружавших меня с детства русских людей (в самом широком смысле этого слова), я как бы с молоком матери впитал в себя сознание того, что существует связь времен, соединяющая нас непрерывной цепью поколений с нашими предками. Невзирая на все идеологические ухищрения жрецов государственного марксизма, вдалбливавших в наши головы заскорузлые красные догмы, мы всегда считали историческую (то есть дореволюционную, старую, существовавшую раньше Россию) той точкой опоры, на которой строилось все наше мирозерцание. Мы привыкли сравнивать нашу достаточно неприглядную действительность эпохи «развитого социализма» с тем, что было в старой доброй Российской империи. И даже в пору «позднего Совдепа» это чувство духовной опоры на прошлое, на русскую историю, на славную пору Средневековья всемерно культивировалось и развивалось.

А что же ваш покорный слуга узрел в документальном сериале Би-би-си «Крестовые походы»? Причем не просто сериале, а сериале, предназначенном для учебных целей и популяризации истории (ведь именно с помощью подобных сериалов уже несколько

десятилетий формируется сознание западных европейцев, а теперь вот они и до нас, грешных, дошли!).

Буквально с первых же кадров меня поразила, как видно, задающая тон всему повествованию фраза ведущего сериала — мистера Терри Джонса: «Крестовые походы являлись, по сути, варварскими вторжениями и были явным проявлением нецивилизованности».

И это говорилось англичанином — человеком, чей национальный флаг—«хоругвь святого Георгия» с красным крестом на белом поле — осенял в славные былые времена именно рати крестоносцев и, в частности, рыцарей ордена Христа и Храма Соломонова! — о Крестовых походах — самом легендарном и героическом периоде истории Западной Европы, благодаря которым сложились европейские нации и Европа осознала себя таковой! Да славный король-крестоносец Ричард Львиное Сердце не иначе как сто раз перевернулся в гробу, услышав эти слова! Впрочем, и ему в сериале досталось от благодарных потомков по первое число! Чего стоят жуткие кадры, изображающие восстающего из гроба Ричарда в виде какого-то чудовищного коронованного вурдалака, со вскрытыми внутренностями, набитыми человеческими останками! Впрочем, тема «людоедства» крестоносцев будет, как навязчивая идея, постоянно повторяться и варьироваться авторами фильма на все лады. Даже у нас, в России, в советское время, да и ныне, критикуя католиков за ересь папизма, хотя и выходили антикрестоносные и даже прямо антихристианские фильмы Эйзенштейна (где также смаковалась тема «людоедства» крестоносцев — вспомните незабываемую сцену «мини-холокоста», устроенного, по воле автора — который, будучи старым рижанином и вдобавок дворянином с фамильным гербом, мог бы уж не столь беззастенчиво превращать историю своих предков в идеологический «ужасник»! — в Пскове ливонскими рыцарями — безжалостными биороботами, под пение псалмов швыряющими в «огнь поядающий» невинных младенцев!) и др., а также антикрестоносные книги Заборова и др., они ясно осознавались всеми мало-мальски мыслящими людьми как идеологический заказ враждебной христианству богоборческой власти, а мы еще детьми, как поется в известной песне Высоцкого, с восхищением запоем читали любимые книжки сэра Вальтера Скотта, Роберта Льюиса Стивенсона, Райдера Хаггарда, сэра Артура Конан Дойля и многих других — о славных рыцарях, королях и героях, которые в тяжелейших условиях Средневековья отправлялись на край света сражаться с сарацинами за освобождение Гроба Господня, верно служили своим государям, защищали слабых и обиженных, честь прекрасной дамы и пр. Даже в пропитанных когда воинствующим, когда подспудным атеизмом советских книжках по истории порой оплакивалась судьба захваченного крестоносцами в 1204 г. православного Константинополя-Царьграда (хотя неизменно восхвалялись победы над теми же православными византийцами киевских князей Олега, Святослава и Владимира, оставляя за скобками вопрос, что бы эти славные русские князья учинили в случае захвата ими Царьграда!), но никогда не издевались, а уж тем более так откровенно не глумились над периодом Крестовых походов как таковым! Разумеется, мы далеки от мысли утверждать, что советская историография превозносила крестоносцев (или хотя бы воздавала должное их подвигам, их мужеству и их идеализму), но даже из советских школьных учебников истории и последующих книг мы выносили некую неуволнимую атмосферу невольного восхищения идеей бескорыстного подвига рыцарей во славу какой-то идеи. Возможно, это и было причиной: советская историческая наука, отнюдь не поощряя в подсоветских людях религиозность, старалась в то же время — исходя из чисто прагматических целей политики безбожного государства, сводившего потребности своих подданных к минимуму, — воспитать в них преклонение перед идеей бескорыстного подвига, служения идеальным целям — и потому не поднимала, в общем, руку на рыцарство и, в частности, на Крестовые походы (по крайней мере, в Святую землю; в отношении прибалтийских крестоносцев, тевтонов и ливонских рыцарей, действовал иной «идеологический заказ», о котором речь пойдет несколько ниже).

Еще более наглядно означенная тенденция прослеживалась в художественной литературе и послевоенном кинематографе, где рыцарство откровенно воспевалось (вспомним хотя бы такие замечательные фильмы, как «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», «Стрелы Робин Гуда» — с чрезвычайно симпатичным образом бескорыстного рыцаря-крестоносца Алана-э-Дэйла, «Последняя реликвия», «Черная стрела», «Талисман», «Квентин Дорвард» и многие другие).

А вот в сериале Би-би-си «Крестовые походы» мне довелось «понюхать» совершенно иной «букет» и столкнуться с совсем иным, с позволения сказать, «взглядом на историю». Речь идет не просто об иронии, не просто о неприятии и даже не просто об отрицании «всеми фибрами души»! Нет, мало того! Речь идет об откровенном глумлении, об омерзительном опошлении, сдобренном скабрёзными шуточками сомнительного свойства (не делающими чести авторам, увидевшим свет в стране знаменитого тонкого английского юмора, славного традициями Свифта, стерновского сэра Тристрама Шенди, Шеридана, Теккерея и Диккенса!), высмеивающих все и вся карикатурного описания этого беспрецедентного по героизму и размаху исторического феномена! Именно такое, шумливо-ерническое, отношение красной нитью проходит через все серии телефильма Би-би-си.

С самого начала сериала нам заявляют с телеэкрана (вот уж подлинно — «икона Сатаны»!), что вот-де в Средние века в Европе сформировался слой «профессиональных убийц», которым не хватало «заказов» дома, так что папа римский решил сплавить как можно больше этих «безработных киллеров» куда-нибудь, как можно дальше от Европы! И этот термин — «убийцы» — вновь и вновь повторяется в сериале в самых различных комбинациях применительно ко всему рыцарству как сословию в целом! Причем авторы сочли необходимым специально разъяснить «невежественным» телезрителям, что само слово «рыцарь» означает «всего-то» навсего «воин на лошади». Это сказано как бы между прочим, но тем самым разом перечеркивается вся идеология рыцарской доблести, рыцарской чести, рыцарского служения и рыцарственности вообще. И ни слова о том, что рыцарство — первооснова европейской кавалерии, было создано для отражения нашествий с юга и востока — в противовес кочевым конным ордам арабов, аваров, мадьяр, печенегов и половцев, молниеносно совершавшим на своих быстрых конях опустошительные набеги на христианские земли Европы, чтобы снова исчезнуть с добычей и пленниками в бескрайних просторах степей породившей их Азии! Вместо этого нам ничтоже сумняшеся преподносится идея о том, что рыцарь — это не более чем профессиональный и патологический убийца, киллер, готовый убивать всегда, везде и любого, кто препятствует его обогащению. Таким образом, авторы сериала как бы уравнивают рыцарство с наемничеством — те же мотивы, те же традиции поведения, та же мораль, та же беспринципность, та же жажда крови и денег.

Но мало того! Через весь сериал красной нитью проходит, постоянно повторяясь, презрение к религиозному пылу и рвению, трактуемым как тупой фанатизм. Как будто не сказано было в Евангелии: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак, будь ревностен и покайся» (Откр. 3, 15—16, 19). Эта мысль внедряется в умы телезрителей исподволь, малыми порциями, но постоянно. Фразы вроде: «Из лагеря изгнали всех женщин, но даже это не впечатлило их Бога» или: «Отрезанные от мира, они остались умирать наедине со своим Богом», постоянно вставляются в авторский текст за кадром в разных местах, имея своей целью внушить телезрителю следующую мысль:

- 1) никакого Бога на самом деле не существует;
- 2) даже если Бог есть, то это «их Бог», а не наш.

К тому же авторами сериала периодически и крайне иронически употребляется термин «посланцы Господа» и «слуги Божии», что, вероятно, с точки зрения авторов фильма, является чем-то очень смешным и несерьезным.

Постоянно и настойчиво проповедуется «мультикультуризм», то есть противопоставляются друг другу утонченные и высокоцивилизованные восточные народы — источник и хранитель всяческой культуры, чистоты, ума и благородства! — и тупые «западные варвары»! Вы не ослышались — именно этим уничижительным термином постоянно третируют крестоносцев. Для авторов фильма они — «варвары» и — мало того! — даже «людоеды»! В самом начале фильма на фоне зловещей фигуры мрачного «воина Христова», подозрительно напоминающего чудовищные карикатуры на тевтонских рыцарей из фильма Эйзенштейна, голос за кадром сообщает леденящую кровь историю о том, как осененная крестным знаменем «армия людоедов» сожрала все население захваченного малоазиатского городка — кого в вареном, кого в жареном виде, с подробным описанием того, как взрослых разрубали на куски, прежде чем их бросить в котлы, а детей насаживали на вертел, и пр. Кошмарность этой сцены затмевается разве что упомянутыми нами выше кадрами восстающего из гроба вурдалака «Мелек-Рика» с утробой, набитой человеческими останками! Сперва я, честно говоря, ушам своим не поверил. Потом вспомнил, что нечто отдаленно напоминавшее этот кошмар мне приходилось читать в «Алексиаде» византийской принцессы Анны Комнин.

Но, во-первых, она передает только слухи, а не что-то, чему лично была свидетелем.

Во-вторых, переданные ею слухи даже отдаленно не напоминают изложенные авторами сериала душераздирающие подробности.

И наконец, в-третьих, не следует забывать, что византийцы, считавшие себя ромеями, то есть римлянами, по давней, вошедшей в их кровь и плоть, имперской привычке, свысока смотрели на все прочие народы (причем не только Запада, но и Востока — в отличие от авторов сериала!) не как на «людей, равных себе», а как на «варваров» и дикарей, в отношении которых можно было применять какое угодно вероломство, коварство и подлость, в том числе и в форме злонамеренной пропаганды. Такими перлами имперско-римской пропаганды были лживое обвинение доблестного древнегерманского племени вандалов в беспощадном разграблении Рима (ромейские историки не погнушались обвинить вандалов в том, что те сняли с крыш римских дворцов и храмов медную кровлю, поскольку якобы были столь тупы, что считали ее не медной, а золотой!), так что бессмысленное разрушение культурных ценностей до сих пор именуется «вандализмом»; между тем в действительности вандалы к моменту своего нападения на Рим давно уже были христианами и как раз христианские церкви оставили в полной неприкосновенности (как и их предшественники, готы, разграбившие Рим ранее, в 410 г. Р. Х.), или же обвинение всем нам известного карфагенского полководца Ганнибала в людоедстве.

Известно, что на военном совете незадолго до перехода через Альпы Ганнибал в ответ на возражения своих соратников, указывавших на трудности снабжения армии съестными припасами в заснеженных горах, в запальчивости воскликнул: «Я пойду через Альпы, даже если мне придется жевать кожу сапог и есть человечину!» Как говорится — сказал, не подумал. Но слово — не воробей, вылетит — не поймаешь! Кто-то из присутствовавших на военном совете римских соглядатаев передал информацию «куда следует». И вот уже римские эмиссары начали страшать кельтские племена, через земли которых лежал путь Ганнибалу, что вот, мол, на них движется армия пожирателей живой человеческой плоти! Так римляне ввели в обиход существующий доныне термин «каннибализм» — производный от имени Ганнибал (в древнем латинском алфавите согласные звуки «г» и «к» обозначались одной и той же буквой — «с», поэтому, скажем, Цезаря именуют то «Каем Юлием», то «Гаем Юлием», и т.д.) и означающий по-русски людоедство!

Когда на Рим обрушился новый враг — гунны Аттилы, то Аммиан Марцеллин, Приск Панийский и другие римские историки также описывали их как зверолодей, сыроядцев, кровопийц и людоедов. Так что Анна Комнин выступала всего лишь продолжательницей славной «отечественной» традиции римской «антиварварской» имперской пропаганды,

направленной на то, чтобы представить всех врагов империи как диких зверей в человеческом образе.

Но авторам-то сериала Би-би-си к чему «придуриваться»? Это в XXI в.! Хотя, впрочем, и в XX в. враждебная пропаганда изображала русских казаков «пожирателями детей», немецких солдат — любителями отрубать руки бельгийским детям, привязывать католических кюре к колоколам их собственных церквей, варить мыло из человеческого жира (за что Англия после окончания войны была принуждена публично извиниться... чтобы через некоторое время возобновить обвинения в несколько видоизмененной форме) и пр. Порою кажется, что нет предела человеческой фантазии... и подлости. Авторы фильма как бы вскользь упоминают, что вот-де все мусульмане были очень чистоплотны, чего, мол, нельзя сказать о крестоносцах. Чего стоит хотя бы следующая фраза: «Арабские бани сохранились и сегодня и по-прежнему исправно посещаются, в отличие от английских церквей...» Или утверждение, что мусульмане якобы всегда гарантировали христианам право на богослужение и всегда проявляли в отношении «на-зореев» всяческую терпимость. Получается, что совершенно никому не нужно было воевать за веру Христову, так как, мол, в действительности на нее никто не посягал. А ведь ислам, в отличие от христианства, с самого начала распространялся исключительно при помощи меча — причем железного, а не духовного (хотя у сабли-зульфакара Мухаммеда, по легенде, был раздвоенный клинок в знак того, что пророку ислама дан и железный, и духовный меч!).

Конечно, мусульмане при завоевании христианских земель не истребляли всех христиан поголовно. Не желавших обращения в ислам облагали дополнительным налогом, взимавшимся исключительно с «неверных» (джизья). Но и крестоносцы не истребляли всех мусульман поголовно и не обращали их насильно в ислам. Мусульмане продолжали жить под властью крестоносцев, и при этом никаких дополнительных налогов не платили. Мало того, им даже позволялось молиться в бывших мечетях, восстановленных крестоносцами в своем первоначальном качестве христианских церквей (см. об этом у Усамы ибн Мункыза в его «Книге назидания»).

Конечно, были у магометан более терпимые халифы — вроде Гаруна ар-Рашида, вручившего Карлу Великому ключи от Гроба Господня. Но были и нетерпимые, вроде халифа Хакима, чуть было не истребившего всех своих подданных — христиан. И не зря христиане на Востоке замуравывали врата своих церквей, оставляя только маленькую дверку—чтобы в христианский храм не заезжали верхом конные сарацины! А сколько было мусульманских нападений на паломников в Святую землю, шедших туда без оружия! А само название, применявшееся турками к своим христианским подданным, — «райя», то есть «стадо», «скот», «быдло»! Вам это ничего, случайно, не напоминает? А как насчет «священной войны» — знаменитого исламского джихада («джихад филлахи», то есть буквально «сражения ради Бога») против всех «неверных» (то есть не магометан), заповеданной мусульманам в Коране? Об этой войне мусульманские улемы-богословы учат, что она есть «ключ неба и бездны», что «капля крови, пролитая на пути Аллаха в течение одной ночи, имеет большее значение в очах Аллаха, чем два месяца поста и молитвы». Когда крестоносец Рейнальд де Шатийон предпринял экспедицию против Медины, султан Саладин объявил, что решил очистить всю землю от этих людей (христиан) и будет убивать всякого христианина, который попадется к нему в руки. А потому многие пленные христиане были заманены в долину Мина, где мусульманские богомольцы-паломники (хаджи) резали их вместо приносимых обычно в жертву (курбан) ягнят или баранов. Остальные христианские пленники были отправлены в Миср (Египет), где магометанские аскеты-марабуты сочли похвальным делом собственными руками истребить этих «назорейских собак». А после битвы при Хитине «рыцарственный», «благородный» Саладин велел следовавшим за его войском исламским фанатикам зверски замучить пленных рыцарей — храмовников и иоаннитов. Но в сериале речь идет лишь о том, как злой «Мелек Рик» — король Ричард — перебил после взятия Акры ее мусульманский

гарнизон. А мусульмане выступают неизменно каким-то образцом кротости! Слышишь подобное с экрана — и сразу вспоминаются разгром ромейской армии сельджуками под Маназкертом, отчаянные просьбы восточноримского василевса Алексия Комнина западным братьям про веру о помощи против неверных агарян, освежавшие Саладином после битвы при Хиттине тамплиеры и иоанниты, устроенная магометанами бойня христиан в Акконе в 1291 г., истребление османами пленных крестоносцев под Никополем, турецкие бунчуки под стенами Царьграда и Вены, резня армян, болгар и сербов при Абдул-Гамиде, массовые изнасилования христианок курдами и турками — с перерезанием горла насилуемым в момент семяизвержения, зажаренные заживо башибузуками на глазах своих связанных матерей христианские младенцы (и это не в далеком «темном» XI в., а в 1877 г. — см. хотя бы в «Трех разговорах» у В. Соловьева!), отрезанные головы русских христианских священников и солдат в Чечне, отказавшихся снять с шеи крест и принять обрезание! Не иначе как подобную же «терпимость» к христианской вере и ее носителям проявляли и мусульмане в Средние века!

Зато о зверствах крестоносцев упоминается буквально в каждой пятой фразе авторского текста. Как вам понравится такой пассаж: «Крестоносцев страшно возмутило, что при взятии турецкой столицы Никеи союзные византийские войска не стали пытаться и грабить бедных турок», в результате чего крестоносцы отказались сотрудничать с византийцами? О крестоносцах постоянно и назойливо повторяются фразы-обвинения типа: «зверски разграбили город...», «свирепо вырезали население города...», «им не хотелось таскать за собой пленных, поэтому их всех зверски убили», «убили всех мужчин и женщин», «зверски пытали всех взрослых и детей». Или: «Все, кто спасся в мечети Аль-Акса (Храме Соломоновом. — В.А.), были зверски убиты. Они омыли святое место кровью человеческих жертв («святым» местом авторы сериала, естественно, считают мусульманскую святыню — мечеть Аль-Акса, в которую арабы-мусульмане при завоевании Палестины в VII в. Р. Х. превратили православную церковь, тем самым осквернив древнюю христианскую святыню!)».

«Всякому, кто считает Крестовые походы смелыми предприятиями, надо как-то оправдать эту жестокость. Ни одна из мусульманских армий никогда не проявляла к христианам такого варварства» — это прямая цитата из сериала. Каково? На кого все это рассчитано?

Естественно, мы далеки от стремления идеализировать средневековых рыцарей вообще, а крестоносцев — в частности. Нравы тогда (да и не только тогда!) были действительно довольно далеки от современных представлений о гуманизме (насколько эти современные представления претворяются сегодня в жизнь практически, мы лучше умолчим!). Но вот противопоставлять «перманентные зверства крестоносцев» «нежной мягкости, толерантности и политкорректности сарацин» — это действительно сильный ход! Такое искажение истории нечасто встретишь даже в наше время. Ведь именно мусульмане — в частности, турки — принесли в Европу с Востока самые зверские пытки и казни — например, сажание на кол, разрывание на части лошадьми, закапывание в землю живьем, вырезывание плода из материнской утробы, сдирание кожи с живого человека (помните, как там в «Песнях западных славян» Проспера Мериме в поэтическом переводе А. С. Пушкина: «...тут неверные на него наскочили, атаганом ему кожу вспороли, стали драть ногтями и зубами...» и прочие неаппетитные подробности!) и многое другое в том же роде. Но, по мнению авторов сериала, зверствовать могли исключительно крестоносцы, а вот мусульмане и вообще азиаты всегда проявляли только ангельское терпение и сострадание к «ближним» (и «дальним»)!

Кроме того, на протяжении всех серий назойливо проводится мысль и повторяется утверждение, что крестоносцы якобы убивали и грабили в основном христиан, а не магометан, потому что восточные христиане были якобы более беззащитны?! Неужели прикажете верить и этому вздору? Ведь крестоносцы Запада пришли на Восток на помощь своим восточным собратьям по вере и откликнувшись на их слезную мольбу! В союзе с ними

выступали армянские христиане — жители Киликийского царства и Эдессы. В Крестовых походах в Святую землю участвовали православные войска византийских василевсов Алексия I и Мануила I Комнинов, грузинского царя XII в. Давида Строителя, галицкого князя Ярослава Осмомысла! А в походах немецких меченосцев на язычников Ливонии — полоцкие и псковские православные крестоносцы, многие из которых кровью своей засвидетельствовали верность Христовым заветам! Известно ли это авторам сериала? Наверяд ли...

Везде и постоянно подчеркивается непроходимая тупость и глупость безграмотных «западных варваров»: «Умение планировать не было их сильной стороной»; «Петр Пустынник собрал ополчение численностью 60 000 человек и ехал впереди него на старом осле. Очевидцы говорят, что они были похожи друг на друга...»; «В Европе большинство замков было построено из дерева, поэтому крестоносцы не понимали, как следует штурмовать каменные стены...»; «Существуют два типа людей. Одни с мозгами и без религии, другие — с религией, но без мозгов»; «Крестоносцы осаждали крепость, в которой были только овцы, и очень удивлялись, что им никто не сопротивляется. Это не единственный случай, когда крестоносцы показали свою глупость...».

Ей-богу, даже непонятно, на кого рассчитана вся эта нелепица? Как видно, на людей, не читавших в жизни вообще ничего!

А вот еще одна бесподобная цитата, наглядно демонстрирующая уровень уже «военно-исторического мышления» авторов сериала, дающих свою собственную, «оригинальнейшую» версию причины победы крестоносцев над многократно превосходившим их войском сарацинских конных лучников в битве при Дорилее. На полном серьезе авторы сериала утверждают следующее:

«Рыцари ездили в основном на жеребцах, а турки — на кобылицах, которые все (!!!) находились в периоде течки. Поэтому жеребцы крестоносцев погнались за кобылицами турок, в результате чего турки бежали с поля боя, проиграв сражение, и укрылись высоко в горах». Оказывается, все предельно просто! Даже не знаешь, плакать тут или смеяться от таких военно-исторических (и одновременно — гиппологических!) «открытий».

Теперь коснемся специально темы Тевтонского ордена в земле Пресвятой Богородицы. Уж тут-то мы влезает в осиное гнездо! Достаточно процитировать книгу «Истоки истории» (М.: Русский язык, 1989), сочиненную советским профессором Н. Н. Яковлевым в соавторстве с В. С. Прищепенко и предназначенную для ознакомления иностранцев с отечественной историей. Там мы найдем не меньше перлов, чем в обильно цитировавшемся нами выше телесериале Би-би-си. Чего стоит одно только описание Ледового побоища, где на странице 76, по воле авторов, на рать святого благоверного князя Александра Невского по льду Чудского озера «под унылые песнопения католических монахов» (надо думать, бегом бежавших, подобрав полы рясы, вровень с идущей на рысях рыцарской конницей, да еще и ухитрявшихся при этом распевать псалмы!) движется «колоссальная клинообразная железная «свинья», над которой развеваются знамена — «тевтонское черное с белым черепом и скрещенными костями (?! — В.А.), коричневый флаг меченосцев с черно-белым крестом (?! — В.А.)» и, в довершение ко всему — «черно-белое, похожее на шахматную доску, знамя храмовников» (по неисповедимой воле авторов, также принявших участие в Ледовом побоище 5 апреля 1242 г.)! Ну как? И «что же сон сей означает»? Казалось бы, всякому советскому гражданину, посмотревшему хоть раз в жизни хотя бы блокбастер Эйзенштейна, должно было быть ясно, что знамя у тевтонских рыцарей (в отличие от — якобы! — каппелевцев в фильме «братьев» Васильевых «Чапаев») было не черное с белым черепом и костями, а белое с черным крестом (а первоначально — просто белое, безо всяких изображений)! Что знамя меченосцев было белым с красным крестом (или с красным крестом над красным же мечом острием вниз). А знамя храмовников (при том, что они «под Псковом и Нарвой» отродясь не бывали и в Ледовом побоище никогда не участвовали!) было хотя и черно-белым, но не похожим на шахматную доску, а двухполосным (черный верх, белый низ).

Легенда о «шахматной» расцветке тамплиерского знамени Босеан была сочинена в производивших себя от разгромленного папской курией и французской короной ордена рыцарей Храма масонских ложах, для объяснения расцветки полов в своих «храмах» в черно-белую клетку! Ляпсус на ляпсусе! Зато не забыта неперенная цитата из «Хронологических выписок» изобретателя словечка «псы-рыцари» тов. Карла Маркса: «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены...» и т.д...

Только зря покойный тов. профессор Яковлев воображал, что ненавистник «псов-рыцарей» Карл Маркс был большим другом русского народа. Дело в действительности обстояло совсем наоборот, и любил он его не больше, чем его друг, «великий поэт-демократ» Генрих Гейне, в свою очередь «высказавшийся» в своей «Романтической школе» о русском народе и, в частности, русском солдате (между прочим, обильно оросившем своей кровушкой немецкую землю, освобождая в 1813 г. Германию от наполеоновской тирании!) в том смысле, что вот, мол, он, Генрих Гейне считает своим долгом вступить за честь и доброе имя русских солдат, проявивших действительно отменную храбрость. И «неправда, что только водка и палка принудили их к этому» (понимай — к проявлению «отменной храбрости». — *В.А.*). Просто «их офицеры сказали им, что тот из них (русских солдат, проявивших «отменную храбрость»! — *В.А.*), кто в этом году будет убит здесь (в Германии. — *В.А.*) на будущий год вновь воскреснет там» (в далекой и дикой России. — *В.А.*). Каково? Хорош «прогрессивный немецкий поэт»!

Впрочем, Гейне и о немцах отзывался вообще-то не лучше.

В действительности же языческие Пруссия, Ливония и Курляндия, населенные дикими племенами, действительно (в отличие от кошмарных инсинуаций авторов сериала Би-би-си в отношении крестоносцев!), постоянно приносившими человеческие жертвы (излюбленным способом человеческих жертвоприношений было сожжение не только пленников, но и своих собственных соплеменников в жертву бесам живьем на костре — правда, история умалчивает о том, поедалось ли потом «идоложертвенное мясо» участниками церемонии «поклонения родным богам»!) и совершавшим (как, например, конные орды пруссов или пиратские флотилии куршей) опустошительные набеги на своих польских, немецких и датских соседей, были незаживающей, все более нарывавшей год от года гнойной язвой на теле Северо-Восточной Европы, грозившей прорваться и залить потоками кровавого гноя все окрестные христианские земли! При этом сравнительная малочисленность язычников с лихвой компенсировалась их повышенной агрессивностью (или, по Л. Гумилеву, пассионарностью). История знала немало примеров завоевания столь же малочисленными пассионариями (арабами, монголами, сельджуками, османами и др.) гигантских, густонаселенных территорий, стоявших на несравненно более высокой ступени культурного развития. Не зря в датских, норвежских и шведских церквях даже читалась специальная охранительная молитва, подобная читавшейся чуть ранее в Европе молитве о «спасении от ярости» других воинственных язычников — норманнов: «От куршей сохрани нас милостивый Господи Боже» (*Fra kurema bevare oss milde herre Gud*).

Вот для чего, вот для защиты от кого крестоносцы строили замки в землях, просвещенных ими светом Святого Крещения!

Крупнейшие из этих замков, возведенные во владениях Тевтонского ордена, — построенные согласно последнему слову тогдашней военной архитектуры фортификационные сооружения и твердыни этого форпоста христианства в языческих землях — по сей день достойны восхищения, как подлинные шедевры военно-инженерного искусства общеевропейского уровня. Между прочим, в своей структуре они служат великолепным отражением процесса возникновения и распространения огнестрельного оружия, являясь наглядным свидетельством быстрой, почти мгновенной реакции мастеров крепостного строительства на изменения, происходившие в военно-технической сфере. Так, например,

план заложенного в ранний период деятельности ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии замка Торн (Торон, Торунь) и построенная около 1255 г. каменная замковая стена (сторожевая башня, или, по-немецки, «бергфрид»), была построена позже, в первой половине XIV в.) наглядно демонстрируют, что строители замка находились еще всецело в плену традиций строительства средневековых оборонительных сооружений эпохи до появления огнестрельного оружия. Вся система оборонительных сооружений замка Торн была ориентирована на фронтальный бой. Башня-донжон служила в первую очередь наблюдательным постом и последним укрытием на случай взятия замка, но в то же время имела лишь вспомогательное значение для поддержки главной линии обороны.

При строительстве орденского замка Нейденбург (Ниджица) во второй половине XIV в. военные инженеры ордена, однако, уже полностью учитывали принцип и важность фланкирующего огня для обороны замка. Достигнутая к тому времени огневая мощь метательного оружия (как ранних видов пушек и ручных бомбард, так и упорно не желавших уступать «железным змеям» пальму первенства дальнобойных арбалетов) уже позволяла простреливать из бойниц двух выступающих перед фронтом крепостной стены угловых башен все подступы к замку.

Что же касается орденских замков, построенных в последующий период, они-то предназначены прежде всего и по преимуществу для применения огнестрельного оружия. Это в полной мере относится, например, к возведенному в конце XIV — начале XV в. замку Бютов (Бытов). Четыре громадные угловые башни этого прямоугольного в периметре замка были изначально предназначены специально для обороны замка при помощи крепостной артиллерии. Нижние этажи башен снабжены бойницами для стрельбы из ручного, еще достаточно примитивного в описываемый период огнестрельного оружия (гандбюксов или гакенбюксов, то есть аркебузов-гаковниц). Эти «крепостные ружья» (аналог древнерусских «затинных пищалей») имели спереди на стволе мощный крюк (*нем.* «гакен», или «гак», отсюда «гакенбюксэ» (искаж. «аркебуза» — или «гаковница»), чтобы цепляться им за выступ крепостной стены и гасить отдачу при выстреле. Подобная мгновенная, бескомпромиссная реакция крепостных дел мастеров тевтонского орденского государства на появление новых видов военной техники является наглядным подтверждением того, что рыцари Тевтонского ордена своевременно осознали решающее военное значение огнестрельного оружия и соответственно сориентировали стратегию своего крепостного строительства.

Однако, невзирая на форменную «гонку вооружений», проводившуюся в орденском государстве на протяжении всего XV в. и на введение все новых усовершенствований в военно-технической сфере, рыцарям ордена Девы Марии не удалось предотвратить неизбежное. Социальный кризис, поразивший всю позднефеодальную Европу, не обошел стороной и прусское орденское государство. Прошло совсем немного времени — и орден, обессиленный внутренними неурядицами и спорами о вере, вынужден был склониться перед объединенной экономической мощью выросших под защитой ордена, но давно уже тяготившихся своей зависимостью от него богатых прусских городов и военно-политической мощью польско-литовской державы. Когда разразилась Тринадцатилетняя война (1454—1466), то ни пушки, ни превосходно вооруженные, неприступные замки не смогли спасти от поражения орденское государство тевтонских рыцарей в Пруссии, еще совсем недавно бывшее предметом восхищения, зависти и подражания для всей Европы.

Все это так. Но все-таки свою задачу воины Христовы выполнили — в Европе, в Африке, в Азии, на севере и юге, на западе и на востоке. Не зря и по сей день там высятся твердыни рыцарей Христовых! Они долгое время служили щитом Европы и всего христианства от натиска лютых нехристей-басурман. И забывать об этом никогда не следует.

ЯВЛЯЛИСЬ ЛИ ОРДЕНСКИЕ РЫЦАРИ КРЕСТОНОСЦАМИ?

Как это ни покажется странным, члены военно-монашеских орденов не могли считаться крестоносцами по определению. Дело в том что, в соответствии с папскими постановлениями можно было «принять (взять) крест», то есть стать крестоносцем, только по благословению священнослужителя (в противном случае участие в крестовом походе не считалось богоугодным делом — как, например, крестовый поход императора Фридриха II Гогенштауфена, не заручившегося благословением папы и потому — «в награду» за свое «крестоносное рвение»! — отлученного римским первосвященником от церкви!) и только на определенный промежуток времени (для осуществления конкретного крестового похода). А в военно-монашеские ордены вступали не на время (по крайней мере, теоретически; хотя устав тамплиеров предусматривал возможность временного служения ордену, причем не только для сержантов, но и для рыцарей, это являлось скорее исключением, чем правилом!), а навсегда и окончательно согласовывали этот важнейший в жизни кандидата шаг не со священником, а с руководством ордена.

Мало того! Орденским братьям прямо запрещалось «принимать крест», так как участие в каком-либо «постороннем» или «чужом» крестовом походе означало бы их нерегулируемые «отлучки» (а в случае гибели в ходе «паломничества» — и безвозвратное «выбытие»!) из «своего собственного» ордена, что неизбежно приводило бы к ослаблению военной мощи последнего. Именно вследствие вышеизложенных обстоятельств орденские рыцари «по сути» не могли быть крестоносцами (как парадоксально это ни звучит!), хотя в борьбе с неверными и язычниками они, естественно, сражались с добровольцами крестоносцами бок о бок, составляя костяк христианских ополчений в «священной войне». Но именно костяк, а не основу — даже в решившей судьбу Тевтонского ордена битве при Танненберге в 1410 г. полноправных членов ордена Девы Марии — братьев-рыцарей, по праву носивших белые плащи с черным крестом, на все многотысячное орденское войско приходилось всего 250 человек (из них 203, а согласно другим источникам — 205 — пали на поле брани).

А если говорить о христианизации тевтонами Прибалтийского края, то именно разноплеменное войско крестоносцев, съехавшихся со всей Европы, под предводительством чешского короля Оттокара II Пшемисла, помогло Тевтонскому ордену завоевать в 1255 г. территорию, на которой орденскими братьями был — опять-таки при щедрой финансовой поддержке этого чешского короля-крестоносца! — основана будущая столица прусского орденского государства Кенигсберг (названный в честь этого храброго и щедрого монарха-славянина).

Именно участию в очередном Крестовом походе большого военного отряда крестоносцев был обязан орден меченосцев своей победой над зависимым от русского Полоцка княжеством Герцике (Ерсика) в 1209 г. Вместе с тем даже большие силы крестоносцев, съехавшиеся на помощь ордену гладиферов в Ливонию в 1236 г., не спасли братьев-меченосцев от сокрушительного разгрома литовцами и перешедшими на сторону литовцев неверными союзниками меченосцев — семигалами (земгалами) — разгрома, после которого орден Меча, как мы знаем, фактически перестал существовать. Что касается внешнего оформления одеяний, то все участники Крестовых походов носили кресты.

Чаще всего эти кресты носили посредине груди, но у крестоносцев «по обету» (паломников-добровольцев) дополнительный крест на плаще нашивался на правое плечо, в то время как орденские рыцари обычно носили крест на плащах с левой стороны груди. Во всяком случае, для иоаннитов-госпитальеров это было установлено первым великим магистром их ордена Раймондом дю Пюи в 20-х гг. XIII столетия в «Правилах ордена Святого Иоанна Иерусалимского». У тамплиеров, первоначально облаченных просто в белые плащи, красные кресты на них появились после 1147 г., и также — слева на груди. Что же касается рыцарей Тевтонского ордена, то практически во всех описаниях указано, что им следует носить орденский крест слева на груди; хотя на некоторых иллюстрациях они изображаются с крестом на правой стороне плаща.

О ВОЙСКЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

а) Боевое построение.

В полевых сражениях войско Тевтонского ордена обычно строилось в три линии, или эшелона (по-немецки «треффен»). Третью линию составлял резерв. Каждый треффен состоял из нескольких боевых отрядов (по-немецки — «шлахтгауфенов»), представлявших собой тактические подразделения. В свою очередь, каждый шлахтгауфен состоял из нескольких знамен, или хоругвей (баннеров), а каждое знамя — из нескольких отрядов (труппов — просьба не путать с трупами).

Острие передового шлахтгауфена тевтонского орденового войска составляли рыцари в тяжелых доспехах, построенные клином (по-старонемецки «ди шпиц»). В зависимости от количества тяжеловооруженных конников, составлявших острие (чело) клина, сам клин мог быть больше или меньше. Были возможны варианты, когда в первом ряду стояло трое рыцарей, во втором — пятеро, в третьем — семеро, в четвертом — девятеро и т.д. Чаще всего клин состоял в общей сложности из 50—80 рыцарей, в то время как основную часть шлахтгауфена составляло двигавшееся вслед за тяжеловооруженными рыцарями, построенное вытянутым четырехугольником формирование конных рыцарей в облегченном вооружении и служащих братьев (слуг, сариантов), как правило, представлявших, по сравнению с рыцарями, меньшую боевую ценность и обладавших меньшим боевым опытом.

За отрядом этой средней и легкой кавалерии в некоторых случаях выстраивалась орденовая пехота.

Рыцарский клин мог состоять либо из одного большого баннера, либо из нескольких более мелких. Когда нам приходится читать о клине, состоящем из нескольких баннеров, то остается не вполне ясным, где в таком случае располагались знамена и предводители этих мелких баннеров, поскольку знамя первого баннера клина считался знаменем всех баннеров, входивших в этот клин. Прикрытие знаменосца составляли рыцари, вооруженные мечами, булавами и шестоперами (штрейткольбенами). Иногда рыцари этой знаменной группы имели по два меча каждый. А вот копий им — повторим это еще раз! — не полагалось (чтобы они, захваченные общим наступательным порывом, не атаковали неприятеля «по-рыцарски», с копьем наперевес, забыв о порученной им охране знамени).

Тактическая цель атаки в клинообразном строю заключалась в прорыве неприятельского строя, чтобы потом повернуть и рассечь и без того распадающееся неприятельское формирование на несколько частей. Вероятно, за рыцарями следовали легковооруженные отряды, занимавшиеся уничтожением противника, утратившего боевой порядок. Клинообразное построение использовалось тевтонами задолго до битвы при Танненберге (15 июля 1410 г.), в частности в Прибалтике. В орденовых хрониках (в частности, у Генриха Латвийского), упоминается боевой порядок под названием «шигкунге», хотя ныне точно неизвестно, как он выглядел.

б) Походное построение

На марше в голове орденового войска следовал конный авангард (*нем.* «фортраб», или «реннфане», что по-русски иногда переводится как «Гончая хоругвь»), а замыкал колонну арьергард (*нем.* «нахгут»). Если войско передвигалось по неприятельской территории, оно шло в сомкнутом строю. При снятии с лагеря никто не должен был садиться на коня или надевать вооружение без приказа. Каждый должен был оставаться в своей группе, или ротте (не путать с ротой!), к которой он был приписан (Правила, 46). Без соответствующего приказа не разрешалось снимать доспехи, шлем, щит и оружие.

В пункте XXIII Законов верховного магистра тевтонов брата Дитриха фон Альтенбурга (1335—1341) сказано, что все братья должны оставаться и передвигаться под знаменем (в составе знамени. — *В.А.*), за исключением тех случаев, если предводитель их баннера или его помощник пошлют их куда-либо с поручением. Пункт V Законов гохмейстера Винриха фон

Книпротде (1351—1382) говорит: «Брат, кой в походе (рейсе) будет послан к знамени (зачислен в состав знамени. — В.А.), не должен удаляться от оноо без приказа». Слуги (кнехты) должны были в походе ехать вслед за братьями-рыцарями, каждый за своим господином. Если рыцари соединялись в отдельный отряд (нем. «шар»), то кнехты должны были ехать перед ними или рядом с ними, держа в поводу боевых коней (в походе рыцари ехали не на боевых конях, а на походных лошадях).

В опасных («внушающих страх») местах орденским братьям не дозволялось без приказа разнуздывать лошадей. Когда братья садились на боевых коней, им не дозволялось поворачивать их без приказа. В пору Средневековья среди рыцарей часто возникали споры и даже конфликты из-за права непременно первым атаковать неприятеля (первым войти в боевое соприкосновение с противником считалось делом чести, ради этого рыцари нередко ломали строй, приводя тем самым свое войско к поражению).

Поэтому Законы Тевтонского ордена строжайшим образом регламентировали все действия каждого члена ордена на марше и в бою с целью недопущения подобных конфликтов между братьями-рыцарями и самовольных действий. Если бы братья самовольно, «ища себе чести и славы» (как говорится о дружинниках-курянах в «Слове о полку Игореве»), вырывались вперед, это могло бы привести к катастрофическим последствиям для орденского войска. Поэтому за подобные проступки предусматривалась суровая кара. Никому из братьев не дозволялось атаковать без приказа или до того, как переходил в атаку предводитель баннера (баннерфюрер). Братья, которым было поручено прикрывать знамя, обязаны были находиться в его непосредственной близости. Потеря знамени (или самовольная подача им каких-либо сигналов) каралась смертной казнью.

Перед отдачей маршлом или предводителем баннера приказа атаковать оруженосцы собирались с вьючными лошадьми под знаменем, которое держал один из братьев-сариантов, и молились за своих ушедших в бой хозяев, не принимая сами участия в сражении. Сами оруженосцы (возившие за братьями-рыцарями, которым они служили, их щиты и копья), имели на вооружение только кинжалы для самообороны и в бою обычно участия не принимали (за исключением критических ситуаций).

В сомкнутом строю орденские бойцы оставались только до момента вхождения в боевое соприкосновение с противником. С началом схватки строй распадался на множество отдельных поединков. Тяжеловооруженные рыцари не могли атаковать с копьями наперевес в сомкнутом строю без интервалов, не имея свободы маневра и свободного пространства для разгона, необходимого для нанесения таранного удара (поэтому расхожее представление о том, что тевтонская железная «свинья» сомкнутым клином, как раскаленный утюг в сугроб, входила в плотный неприятельский строй, пробивая его насквозь, несомненно, нуждаются в серьезной корректировке). «Божьи дворяне» шли в атаку коротким или медленным галопом, почти что рысью. Обычно бой начинали конные арбалетчики, стоявшие на флангах и перед готовым к бою конным формированием ордена. Отстрелявшись, арбалетчики отступали в тыл конному формированию.

Тактическое боевое построение в соответствии с уставом ордена тамплиеров, применявшееся войском Тевтонского ордена в ранний период его существования (в Святой земле), отличалось от описанного выше «классического». В Святой земле вооруженные кнехты, державшие копья рыцарей, стояли перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы с походными лошадьми находились в последней линии. Как правило, тяжеловооруженные рыцари образовывали первую линию, а братья-сарианты, имевшие среднее вооружение — вторую. Легкая конница (туркопулы или туркополы), набиравшиеся из палестинских, сирийских и армянских христиан (а впоследствии — из осевших в Святой земле потомков крестоносцев-франков, пулланов и даже из местных мусульман), стояла на флангах.

В Пруссии и Ливонии ситуация изменилась. Разделение орденского войска на отдельные отряды (крестоносцев из всех градов и весей Европы, ополчений орденских комтуров, ополчений подчиненных ордену епископств и городов), выступавших каждый под собственным баннером, делало фронт орденского войска более широким за счет меньшей глубины построения.

Тактическое построение (в частности, в битве при Танненберге 15 июля 1410 г.) орденского войска состояло из большого числа конных арбалетчиков (спешивавшихся в бою) и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (строившихся клином).

Пешие воины использовались главным образом в орденском флоте мариан, при обороне замков, крепостей и городов, сопровождении транспортных колонн и при охране обоза, оставленного конным войском, ушедшим жечь и грабить достояние прусских (или литовских) язычников.

в) Копье, или глефа

Самое мелкое подразделение тяжелой орденской конницы именовалось «копьем» (по-немецки — «птеве», «глефе», «глефа», «ланце», или «шпис»). Глефа (само это слово означает копьевидное оружие с длинным древком и плоским, клинкообразным наконечником) была не тактическим, а чисто организационным подразделением. В отличие от копий обычных, «мирских» («светских») рыцарских войск Западной Европы (за исключением армий королевств Иберийского полуострова — кроме Наварры! — в которых «копьем» именовался одиночный тяжело- или легковооруженный конный воин), насчитывавших в своем составе порой до нескольких десятков человек (в зависимости от богатства возглавлявшего копье рыцаря-феодала), тевтонская глефа состояла не из четырех (как часто ошибочно пишут и думают), а из трех человек — тяжеловооруженного конника, его оруженосца и конного арбалетчика. На этих трех воинов приходилось в общей сложности четыре лошади. Каждый из трех конников глефы имел свою собственную походную лошадь, а тяжеловооруженный конник — еще и тяжелого боевого коня, которого в походе вел в поводу его оруженосец.

Тяжеловооруженный конный латник именовался «шпис-фюрером», или «глефнером». На марше доспехи рыцаря были навьючены на его боевого коня, в то время как оруженосец вез щит и копье глефнера. Лишь в непосредственной близости от неприятеля глефнер в подходящем месте облачался в доспехи. Всякий рыцарь, желавший иметь собственного оруженосца, должен был при вступлении в Тевтонский орден внести в качестве «вклада» не менее четырех лошадей (во всяком случае, в германских владениях Тевтонского ордена). «Человеком чести» (*нем.* «эрбар») считался лишь тот, кто, кроме оруженосца (не имевшего собственного вооружения), выставял хотя бы одного стрелка.

Контракты, заключавшиеся Тевтонским орденом с предводителями наемников (*нем.* «зёльднеров» — от слова «зольд» = «жалованье», происходящего от названия средневековой итальянской монеты «сольдо» или от названия позднеимской золотой монеты «солидус», или «солид»), предусматривали, что каждый шпис в составе наемного отряда также должен был включать в свой состав трех человек и четырех лошадей (например: «Сорок хорошо вооруженных рыцарей и оруженосцев и сорок стрелков» или: «Сто глеф добрых рыцарей и кнехтов в полном вооружении... и к ним сто стрелков. Эти сто глеф должны иметь четыреста лошадей»).

Во время похода орденского войска Тевтонского ордена на остров Готланд с целью очистить его от шаек морских разбойников-вительеров (1404), каждый вооруженный арбалетом брат-рыцарь получал, в качестве конюха, собственного кнехта, а все прочие арбалетчики — лишь одного «кнехта-конюха» на двоих.

г) Во что они были одеты

(1) Братья-рыцари

Как нам уже известно, братья-рыцари Тевтонского ордена именовались в просторечии «белыми плащами», поскольку носили поверх одежды длинный белый плащ-мантию, или «господский» плащ («герренмантиель»), без рукавов с черным орденским крестом (форма и размеры которого менялись с течением времени; размеры креста постепенно увеличивались) на левом плече («напротив сердца»). Под белым «господским» плащом братья-рыцари носили в мирное время длинный «конвентуальный» (монастырский) черный кафтан (*нем.* «конвентсрок»), а в военное время — надевавшееся поверх доспехов укороченное (доходившее до колен в XII—XIV и до середины бедер в XV—XVI вв.) белое полукафтаны (*нем.* «ваппенорок», или «ваффенрок») с черным крестом на груди и спине (также принимавшим со временем все большие размеры). Это белое полукафтаны вошло в употребление в период пребывания тевтонских рыцарей в Святой земле, чтобы жаркое палестинское солнце не так накаляло рыцарские кольчужные доспехи.

Кроме плаща, кафтана и полукафтаны, в комплект обмундирования тевтонского брата-рыцаря входили:

- 1) две белые полотняные рубахи с длинными рукавами;
- 2) две пары белых полотняных подштанников;
- 3) две пары черных штанов;
- 4) черная куртка (*нем.* «якке») с длинными рукавами (надевавшаяся поверх исподней полотняной рубахи и носившаяся в военное время под доспехами);
- 5) белая дорожная (походная) ряса (*лат.* «каппа», *нем.* «рейсемантиель») с черным крестом на груди и спине, длинными рукавами и капюшоном, именовавшаяся также «дождевиком» (*старонем.* «рейнмантиель»);
- 7) зимнее военное полукафтаны, подбитое черной овчиной или черным козым мехом (*старонем.* «курсит»);
- 8) утепленный (зимний) вариант белого «господского» плаща (также подбитый овчиной или козым мехом).

Ношение зимних полукафтаны и плащей было введено после переноса деятельности Тевтонского ордена из Святой земли (где, впрочем, тоже бывает холодно) в суровые условия Прибалтики.

Тевтонские военные полукафтаны XII—XIV вв., доходившие до колен, в своей верхней части (до пояса) плотно прилегали к доспехам, расширяясь ниже пояса наподобие юбки.

Укороченные военные полукафтаны XV—XVI вв. тесно прилегали к нагрудникам (сменившим к тому времени кольчатую броню).

С введением цельнокованых («белых») лат полукафтаны вышли из употребления, и орденский крест начали рисовать, а у гохмейстеров и высших должностных лиц ордена (упоминавшихся нами выше гебитигеров или гротсгебитигеров) чеканить прямо на нагрудниках.

Кожаные башмаки и поясные ремни братьев Тевтонского ордена были коричневого цвета. Таким образом, соблюдалось уставное требование ограничиваться употреблением только церковных цветов: белого, серого, черного и коричневого. Членам ордена запрещалось иметь какие-либо украшения на одежде, обуви, поясах, ножнах, древках копий, колчанах и шпорах. Запрещалось также украшать конскую сбрую. В то же время не сохранилось никаких упоминаний о наличии на копьях братьев Тевтонского ордена столь любимых авторами исторических романов и фильмов белых флажков-флюгеров (прапорцев) с черными орденскими крестами (в то время как сохранились, к примеру, изображения рыцарей-тамплиеров с подобными копейными флажками).

В качестве головного убора тевтонские рыцари носили круглую шапочку-скуфейку белого цвета с плоским верхом (в уставе им особо запрещалось ношение остроконечных головных уборов).

На основании сохранившихся изображений можно предположить, что в начальный период истории Тевтонского ордена его братья-рыцари носили «конвентуальные» кафтаны и шапочки серого цвета. Такие же серые круглые шапочки носили тевтонские служащие братья (сарианты) и полубратья, о которых пойдет речь чуть ниже.

(2) Братья-сарианты

Неоднократно упоминавшиеся выше братья-сарианты именовались в просторечии «серыми плащами» (*нем.* «граументлер»), поскольку вместо белого «господского плаща» братьев-рыцарей носили поверх одежды длинный плащ без рукавов серого цвета (*нем.* «сариантсмантель»).

Под серым плащом сарианты носили в мирное время длинный серый «конвентуальный» кафтан (*нем.* «конвентсрок»), а в военное — серое полукафтание-ваффенрок (становившееся с течением времени все короче, как и белое полукафтание тевтонских братьев-рыцарей), надевавшееся поверх доспехов. Комплект обмундирования братьев-сариантов был аналогичен упомянутому выше рыцарскому (вплоть до утепленных зимних вариантов одежды, подбитых овчиной или козьим мехом).

Летом утепленные зимние плащи и полукафтания сдавались на хранение ризничему (драпьеру или трапьеру) ордена; взамен их выдавались летние варианты тех же элементов орденского облачения.

Говоря об орденском облачении братьев-сариантов, нам представляется необходимым подчеркнуть следующее обстоятельство.

Существует широко распространенное (как за рубежом, так и у нас в России) и глубоко укоренившееся (но от того не менее ошибочное) представление, будто бы братья-сарианты Тевтонского ордена носили на своих серых плащах и военных полукафтаниях (а согласно представлениям иных историков и особенно художников — даже на щитах, шлемах и конских пополах!) не полный (четыреконечный) черный орденский крест, а половинный, половинчатый, или Антониев крест в форме буквы «Т» (по-гречески эта буква именуется «Тау», в связи с чем и означенный полукрест порой именуется «Тау-крестом»). Автор настоящей книги должен покаяться перед уважаемыми читателями в том, что и сам долгое время разделял это ошибочное мнение.

В действительности тевтонские братья-сарианты, подобно братьям-рыцарям и братьям-священникам, вступавшие в орден Пресвятой Девы Марии вместе со всем своим движимым и недвижимым имуществом, приносившим те же три монашеских обета нестяжания (бедности), послушания и целомудрия (безбрачия), являлись полноправными членами ордена (хотя и не благородного происхождения — в отличие большинства — но не всех! — тевтонских «братьев рыцарей») и потому с полным на то правом носили на своих серых плащах и военных полукафтаниях (а также щитах, выкрашенных не в серый, а в тот же самый белый цвет, что и у братьев-рыцарей) отнюдь не полукрест, а полный черный орденский крест. «Тау-крест» носили на одежде не сарианты, а полубратья (*лат.* «семифратеры», *нем.* «гальббрюдер») Тевтонского ордена, представлявшие собой совершенно иную категорию.

(3) Полубратья

Полубратьями (гальббрюдерами, семифратерами), как мы уже знаем, именовались лица, вступавшие в орден Девы Марии вместе со всем своим имуществом и приносившие три вышеупомянутых монашеских обета, но не обязанные ордену военной службой, а посвящавшие себя хозяйственной деятельностью в орденских имениях и факториях (земледелию, скотоводству, торговле — например, янтарем, рыбой, зерном или скотом в прусских владениях ордена, и т.д.). Эти тевтонские «хозяйственники» носили одежду такого

же серого цвета, что и братья-сарианты, но иного покроя — кафтаны более короткие, чем у сариантов, и укороченные (до колен) серые плащи с рукавами и половинным черным «Тау-крестом» на левом плече. Полубратья призывались орденом к оружию лишь в самых крайних случаях — например, при внезапном нападении неприятеля на орденские владения, в которых трудились эти полубратья, или в случае острой нехватки живой силы (например, после серьезного поражения орденского войска, понесшего тяжелые потери). В обычное же время полубратья были освобождены от военной службы и формально в орденском войске не числились.

д) Горны, трубы и герольды

Кроме сигналов, подаваемых знаменами-баннерами, в орденском войске тевтонов подавались также звуковые (акустические) сигналы. Хронисты ордена Девы Марии упоминают подачу сигналов трубными (роговыми) звуками, например, к снятию лагеря, к выступлению в поход и т.д. По состоянию на 1422 г. в инвентарной описи Малой оружейной палаты Кенигсбергской комтурии Тевтонского ордена числился один боевой (или войсковой) горн, или рог (*нем.* «геергорне»). Фанфары в описываемое время не упоминаются. В орденском войске имелись и глашатаи (или, по-русски, «бирючи»), В правилах (54) о должности глашатая (аусруфера) сказано, что в военном стане он должен располагаться рядом с маршалом ордена и выкрикивать (оглашать) приказы последнего, обязательные для всех. В правилах также неоднократно упоминаются «возгласы» глашатаев, поднимающих орденское войско тевтонов по тревоге при приближении неприятеля.

В орденских расходных книгах нередко встречаются записи вроде:

«Итого за 12 марок куплено 3 швейка (швейками, как мы уже знаем, назывались лошади низкорослой прусской породы. — *В.А.*) для 3 трубачей, сопровождавших нашего в рейсе нашего верховного магистра» (*нем.* Item XII m. vor III sweyken den III pfyem gekouft dy mit unserm homeyster in dy reise zoegen).

Музыканты играли особенно важную роль в поддержании боевого духа воинов ордена на марше и в лагере. Каждому орденскому воинскому контингенту было придано определенное число музыкантов. Трубаachi сопровождали также отряды военного ополчения подчиненных ордену городов (судя, например, по «Военной книге» города Эльбинга за 1383—1409 гг.).

Контингенты съезжавшихся на подмогу ордену Девы Марии европейских крестоносцев также имели в своем составе трубачей, а в некоторых случаях — также литаврщиков. Трубаachi приехавшего в Пруссию для участия в крестовом походе француза Жана де Блуа был даже облачен своим богатым сеньором в рыцарские латы. Необходимо заметить, что нам точно неизвестно, на каких именно инструментах играли упоминающиеся в орденских хрониках трубачи.

Под трубачами (пейперами, пипирами, пфифирами, пфейферами, шпиллейтами) могли подразумеваться не только горнисты, но даже флейтисты или волынщики. В тевтонских рейсах знатные европейские крестоносцы участвовали в сопровождении своих герольдов и декламаторов (в качестве важных свидетелей, всегда готовых подтвердить и воспеть подвиги своих сеньоров). По некоторым данным, при дворе гоxмейстера в городах Мариенбурге-на-Ногате и Кенигсберге имелся особый орденский герольд. Точных доказательств на этот счет не существует. Однако совершенно точно доказано существование, по крайней мере, в 1388 г., герольда верховного магистра мариан. Звали этого герольда Варфоломей (Бартоломеус) Лютенберг.

О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ ВОИНОВ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

В статье 2 раздела IV Законов гоxмейстера Винриха фон Книпроде (1351—1382) говорится: «Братьям надлежит всегда носить с собой меч».

а) Меч

Главным оружием всякого брата-рыцаря и всякого брата-сарианта Тевтонского ордена являлся меч (*нем.* «шверт»). Всякий брат ордена должен был по возможности оставаться препоясанным мечом (даже в мирное время и даже если он не носил на себе иного вооружения, доспехов и шлема), например во время конных прогулок. В то же время все посетители орденского дома, не принадлежавшие к ордену, должны были, перед тем как войти в дом, снимать свои мечи (как и при проезде через ворота городов, расположенных во владениях Тевтонского ордена).

Мечи не перечисляются в инвентарных описях орденских арсеналов именно потому, что как бы являлись неотъемлемым элементом облачения каждого члена ордена, который он постоянно имел при себе. Какого-то общего или единообразного типа меча члена Тевтонского ордена исторически не существовало.

Обычно рыцари, принимаемые в Тевтонский орден (да и в другие военно-монашеские ордены — например, в орден госпитальеров Святого Иоанна), вступали в него вместе со своими мечами, поэтому различные варианты мечей, распространенных в тогдашней Германии (Священной Римской империи), были представлены и в войске Тевтонского ордена. Во всяком случае, светские рыцари-ленники (вассалы) ордена Приснодевы Марии (служившие ему и участвовавшие в орденских походах-рейсах за предоставленный земельный надел), судя по многочисленным находкам, широко употребляли мечи, выкованные в орденских оружейных мастерских или в собственных кузницах по достаточно устаревшим образцам (так, один из найденных на поле битвы под Танненбергом подобных мечей, датируемый примерно 1395 г., повторяет по форме меч образца 1300 г.).

С течением времени длина орденских мечей постепенно увеличивалась. Если клинок меча, датируемого концом XII в., чаще всего достигал в длину 80 см, то клинок меча второй половины XIV в. — уже 1 м.

Мечи ковались из стали и железа и полировались до зеркального блеска. Они имели обоюдоострый клинок. По уставу Тевтонского ордена мечи, как и другие виды оружия, было запрещено чем-либо украшать. Правда, в реальности совсем без украшений дело все-таки не обходилось, но украшались обычно только навершия рукояток мечей, имевшие различную, не регламентированную, форму. Навершия украшались маленькими изображениями орденского креста, порой фигурками или даже фамильным гербом владельца (изображать который на щите, одежде, шлеме или конской попоне членам ордена в «классическую» эпоху его существования было строжайше запрещено). В очень редких случаях эфес или крестовина меча покрывались бронзой, еще реже верхняя часть клинка украшалась девизом или каким-либо узором. И буквально в считанных случаях клинок орденского меча частично воронился, украшался латунной проволокой, словами молитв или благочестивыми изречениями.

Тяжелый эфес меча служил противовесом клинку, уравнивая меч в руке бойца. С целью облегчения веса меча (а отнюдь не для того, чтобы с него «легче стекала кровь», как иногда пишут и думают!) клинок имел долы. Меч с долами на клинке весил в среднем около 3 кг. Большинство мечей (не «принятых» в орден вместе со своими владельцами) ведомство маршала рыцарей Пресвятой Девы Марии Тевтонской получало от местных городских оружейников или же из лучших оружейных мастерских городов, расположенных в других государствах Европы (например, из Вены). Меч вкладывался в кожаные ножны, усиленные внутри деревянными вкладками.

О мечах братьев-рыцарей основанного князем Конрадом Мазовецким польско-немецкого Добринского ордена, упоминавшегося нами выше и действовавшего против прусских язычников до прихода в Пруссию тевтонов, сообщается, что их ножны были якобы красного цвета. О ножнах мечей тевтонских рыцарей подобных сведений у нас не имеется.

В очень редких случаях на поясах, на которых рыцари Тевтонского ордена носили мечи, встречались декоративные металлические бляхи или иные украшения, хотя это было строго запрещено статьей XIX Законов гофмейстера Дитриха фон Альтенбурга (1335—1341), недвусмысленно гласившей:

«Такожде и поясам для ношения мечей надлежит быть скромными ремнями безо всяких блях» (*нем.* «Ouch suln sin die swertfessele slecht gryme ane spangen»).

б) Дюзак (дуссака)

Дюзак (дюзакой, или дуссакой — искаженное славянское слово «тесак») назывался слегка изогнутый, дешевый в изготовлении меч с лезвием и металлической дугообразной гардой, защищавшей пальцы державшей его руки, состоявший на вооружении «неблагородных» воинов Тевтонского ордена в период с XIII по XV в. Этим тесаком (изогнутый клинок которого достигал в длину в среднем 70 см) пользовались также члены бюргерских ополчений подчиненных ордену городов или отрядов немецких, польских и прусских крестьян, выступавших в поход по призыву гофмейстера под началом своего господина — светского или духовного вассала ордена. Дюзаки были также излюбленным оружием чешских наемников ордена и матросов орденского флота.

в) Кинжал (*нем.* «туллий», «дуллий», «дольх»), или «милость Божья» (*нем.* «гнадготт», *лат.* «мизерикордия», *misericordia*) Братья-рыцари и братья-сарианты носили справа на поясе кинжалы. Эти «кинжалы милосердия» были предназначены, прежде всего, для закалывания поверженного противника через щели в доспехах (в подобных случаях, вероятно, предполагалось, что всякий благочестивый брат ордена Девы Марии, прежде чем покончить с лежащим на земле неприятелем — во всяком случае, католиком-поляком или еще каким-либо «братом во Христе», скажет или шепнет ему на ухо: «Да пребудет с тобой милость Божья!», или по-немецки: «Гнад дир Готт!»).

Впрочем, поляки, в свою очередь, в долгу не оставались. Вспомним хотя бы знаменитую сцену завершения Грюнвальдской битвы в романе лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича «Крестоносцы»: «Мацько дважды вонзил мизерикордию в горло врагу. Куно страшно захрипел, выкатил глаза, изо рта у него хлынула кровавая пена... (цитирую по памяти. — В.А.)»

Впрочем, кто его знает... Хотя откуда-то ведь должно было взяться такое название!

В качестве средства самообороны кинжалы состояли и на вооружении оруженосцев братьев-рыцарей, возивших за своим господином щит и копье и не имевших собственного вооружения. Да и вообще, никакому воину не возбранялось их иметь.

Кроме кинжала (на случай, если придется завалить сарацина, половца, прусса, литвина или поляка), на поясе обычно носили еще и нож (чтобы «колбаски или сальца нарезать», или еще там чего)...

г) Булава, шестопер, чекан, боевой топор

Наряду с клинковым на вооружении войск Тевтонского ордена состояло и оружие ударное. Булавы, шестоперы (перначи) и чеканы (боевые молоты) были излюбленным оружием конных воинов.

Военные предводители особенно охотно пользовались булавами или шестоперами (напоминавшими по форме скипетр), служившими им не только ударным оружием, но и символом власти. Очень любили пользоваться булавой или шестопером епископы, выступавшие на войну во главе своих воинских контингентов по призыву своего сюзерена — верховного магистра Тевтонского ордена, — ведь им, как князьям Церкви и лицам духовного звания было строжайше запрещено проливать кровь мечом.

Чеканы, или боевые молоты (*нем.* «рабеншнабели», то есть «вороньи клювы»), использовались конными воинами для проламывания вражеских шлемов и пластинчатых лат.

Боевые топоры (секиры) входили в комплект вооружения пеших воинов (кнехтов) и экипажей кораблей орденового флота.

д) Древковое оружие

Древковое оружие различных размеров, снабженное наконечниками различных форм, было главным оружием как пехоты, так и конницы ордена Девы Марии. При раскопках средневекового имения Клеменсбург, принадлежавшего светскому рыцарю-леннику Тевтонского ордена были обнаружены металлические наконечники различных видов древкового оружия длиной от 15 до 58 см и различной ширины.

Пики

Пехотные пики (*нем.* «шписы») имели длинные и широкие наконечники в форме клинка или шила (для протыкания неприятельских кольчуг).

Копья

Задняя часть древка рыцарское копье (*нем.* «ланце», «штос-сланце»), имевшего (в отличие от пик и копий, состоявших на вооружении орденовой пехоты) сравнительно компактный, небольшой и короткий наконечник, достигавшего в длину 4 м и весившего до 6 кг, во время атаки зажималась рыцарем под мышкой правой руки. Для нанесения мощного таранного удара копьем, взятым наперевес, рыцарь вытягивал ноги вперед и плотно упирался нижней частью спины (скажем так) в заднюю луку высокого рыцарского седла.

Древко рыцарского копья чаще всего было абсолютно прямым и имело одинаковый диаметр по всей своей длине.

По правилу XXII устава Тевтонского ордена его членам запрещалось пользоваться древковым оружием, раскрашенным в яркие «светские» цвета. Из цветов для окраски древка допускались только церковные («монашеские») — черный, серый или коричневый — в тон цветам облачений различных сословий (классов, или категорий) членов ордена.

Станным образом, в уставе и хрониках Тевтонского ордена совершенно отсутствуют какие бы то ни было упоминания о флажках-прапорах на копьях братьев (столь любимых иллюстраторами).

Гуфдорны (по-русски «железный чеснок»)

Этот вспомогательный вид оружия, широко использовавшийся не только в эпоху Средневековья, представлял собой небольшие железные конструкции из четырех железных шипов или гвоздей, торчащих остриями в разные стороны и разбрасывавшихся на предполагаемом пути неприятельской конницы. Так, например, при описании набега русского князя Владимира Полоцкого на Ригу хронист сообщает, что немцы сделали все дороги, ведущие к Риге, непроходимыми для полоцкой конницы, разбросав повсюду «железный чеснок».

Если «железный чеснок» разбрасывался в больших количествах (как это обычно и бывало), он мог создать серьезные проблемы для продвижения не только конницы, но и пехоты неприятеля.

ОБ АРБАЛЕТАХ И АРБАЛЕТЧИКАХ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

В указе верховного магистра Конрада фон Юнгингена о направлении в 1404 г. орденового экспедиционного корпуса на остров Готланд с целью очистить его от морских разбойников-вительеров, в частности, говорилось:

«Каждый свободный и слуга должен иметь доспех, два копья, щит и один седельный топор. Каждый стрелок из арбалета 1 шог стрел».

Выражение 1 «шог (шок) стрел» означало «60 стрел». Не только в оружейных палатах орденовых замков тевтонов, но и в имениях землевладельцев-ленников, обязанных ордену военной службой (как немецких рыцарей-вассалов, так и прусских витингов) и даже в орденовых хозяйствах-экономиях хранились изрядные запасы всевозможного оружия,

выдававшегося в случае начала (а точнее — возобновления) военных действий против «врагов Креста и Христианской Веры». Имелись в больших количествах и собственные оружейные мастерские.

Ниже мы коснемся несколько подробнее одного из наиболее эффективных видов вооружения воинов ордена — арбалета.

Арбалет (по-латыни «арбалиста», «аркубалиста», или просто «баллиста», по-немецки «армбруст», по-русски «самострел», по-польски «куша») — короткий мощный лук, снабженный деревянным ложем с желобом для стрел или свинцовых пуль — принадлежал к числу видов метательного оружия, наиболее широко распространенных в армии государства Тевтонского ордена как в Пруссии, так и в Ливонии. За изготовление, складирование, текущий ремонт арбалетов и их поддержание в надлежащем состоянии отвечали мастера так называемых оружейных палат (*нем.* «рюсткаммер») орденских замков.

Если в период пребывания Тевтонского ордена в Святой земле, где главными противниками рыцарей Креста выступали мусульманские наездники-сарацины, и в Трансильвании, где тевтонским рыцарям пришлось иметь дело с куманской (половецкой, или кипчакской) конницей, от чьих набегов тевтонам, приглашенным в Седмиграде венгерским королем Андреем II, надлежало охранять границы Венгрии, основную ударную силу ордена составляла тяжеловооруженная рыцарская конница, то в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация в значительной степени изменилась. Такая возможность была, между прочим, предусмотрена статьей XXII «О том, что относится к рыцарству». В указанной статье, в частности, говорилось:

«Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то, в зависимости от разнообразия земель и обычаев... нападения врагов надлежит биться разным оружием и разными способами...»

Местность в Пруссии и Лифляндии, изобиловавшая дремучими лесами, реками и болотами, не слишком подходила для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от Святой земли (и Европы), где рыцари привыкли выступать в своем «классическом амплуа» тяжелой конницы, в земле Пресвятой Девы Марии (Пруссии и Ливонии) тевтонским братьям-рыцарям сплошь и рядом приходилось вести бой пешими и биться оружием, не типичным для людей рыцарского звания, и в том числе стрелять из арбалета (хотя в орденском войске имелись и наемные отряды превосходных арбалетчиков и лучников, включая генуэзских и английских, состоявшие из людей «неблагородного» происхождения).

Уже в 1336 г. в инвентарных списках орденских arsenалов тевтонов встречаются упоминания различных видов арбалетов—випармбрустов, винденармбрустов, зигерейфармбрустов и рукармбрустов. Тетива випармбруста натягивалась при помощи деревянного рычага (*нем.* «виппе»), а тетива более мощного «зигерейфармбруста» — при помощи специального крюка-портельгакена (*с нем.* «поясной крюк»), который арбалетчик носил на поясе вместе с обитым мехом колчаном с арбалетными стрелами-болтами (*нем.* «больцен»). Иногда этих портельгакенов было два. Арбалетчики, наклонившись, зацепляли тетиву поставленных ими боевой частью на землю арбалетов поясными крюками и, выпрямляясь, натягивали тетиву.

Спереди к деревянному ложу арбалета была прикреплена металлическая скоба (так называемое «стремя», по-немецки «штейгбюгель», или «штейгрейфен»). Арбалетчику, вставившему в это стремя ногу, было легче натягивать тетиву.

Рукармбруст и зигерейфармбруст именовались также «ком-паньонскими арбалетами» (*нем.* «гезелленармбруст») или «стрелковыми арбалетами» (*нем.* «шютценармбруст»), «Компаньонами» («кумпанами», или «гезеллен», буквально «подмастерьями») именовались оруженосцы братьев-рыцарей Тевтонского ордена.

Арбалетные болты представляли собой стрелы с железными наконечниками различной формы, насаженными на короткое толстое древко с хвостовым оперением из кожи, гусиных перьев или даже пергаментных страниц использованных не по назначению книг (в то бурное время бывало и такое). Хвостовая часть болта была оперена этими стабилизаторами только с трех сторон (четвертая сторона, которая должна была плотно прилегать к поверхности желоба на деревянной ложе арбалета, оставалась неоперенной). Существовали особые, укороченные болты, именовавшиеся «оводами» или «слепнями» (нем. «бремзен»).

Тетива разработанного позднее тяжелого винденармбруста (арбалета с воротом), боевое применение которого (вследствие большой длины и, соответственно, солидного веса этого вида стрелкового оружия) ограничивалось сферой обороны орденских замков и крепостей, натягивалась при помощи специального поворотного механизма — ворота (нем. «винде»), прикрепленного к заднему концу ложа арбалета.

Луки для арбалетов (по крайней мере, в Европе) обычно изготавливались из дерева (обычно из тиса), китового уса или рога. Воины Тевтонского ордена использовали при осадах крепостей и в военных походах-рейсах преимущественно арбалеты с роговыми луками (хотя последние со временем стали во все большей степени вытесняться более мощными стальными). Толстая тетива арбалета изготавливалась из скрученных овечьих кишок (в то время как тетивы обычных луков делались обычно из скрученных конопляных или льняных волокон). Считавшиеся в Западной Европе давно устаревшими варианты арбалетов все еще фигурировали в инвентарных списках орденских arsenalов даже в начале XV в.

Значительная часть орденского войска тевтонов состояла из конных арбалетчиков. В больших количествах арбалеты хранились в оружейных палатах зависимых от ордена городов и сельских рыцарей (ландригтеров) — вассалов Тевтонского ордена (служивших ему за земельные пожалования, не вступая в орден и не принося обетов).

Прусские, ливские, леттские, земгальские и куршские язычники первоначально не были знакомы с арбалетом, и при появлении тевтонских рыцарей в Прибалтике это дальнобойное оружие обеспечивало христианам немало преимуществ при вооруженных столкновениях с туземцами, вплоть до самого «Великого восстания» пруссов (1260 г.), поставившего под вопрос само дальнейшее существование государства ордена в Пруссии. К этому времени языческие племена не только перестали бояться тевтонских арбалетов (невзирая на их дальнобойность и пробивную силу), но и сами обзавелись большим количеством арбалетов — как ручных, так и станковых, наряду с другими осадными машинами, метавшими в неприятеля стрелы, зажигательные снаряды и каменные ядра.

Прибалтийские язычники с полным основанием считали орденских стрелков грозными противниками. Петр из Дусбурга неоднократно упоминал в своей «Хронике земли Прусской» тевтонских братьев-рыцарей, прославившихся в боях с туземцами своей необычайно меткой стрельбой из арбалета на большие расстояния (например, уже знакомого нам брата Генриха фон Таупаделя, ухитрившегося стрелой из арбалета пригвоздить руку одного из литовских язычников к деревянному ложу метательной машины при штурме тевтонским войском неприятельского замка Виллов):

«Генрих фон Таупадель... ставший братом Дома Тевтонского, муж доблестный и в совершенстве овладевший искусством баллистариев (арбалетчиков. — В.А.)... выстрелом из баллисты (арбалета. — В.А.) пронзил стрелой и убил... вождя литвинов, и с другой стороны выстрелил в одного мастера, который, чтобы починить камнемёт, поднялся наверх его, и стрелой пригвоздил ему руку к камнемёту».

При планировании крупномасштабных военных экспедиций в орденских арсеналах могло храниться до 4000 арбалетов одновременно. В развалинах орденского замка Шлухов (Члухов), разрушенного поляками, при раскопках было найдено 785 железных наконечников для арбалетных болтов. В качестве примера того, какое количество арбалетов хранилось в

арсеналах некоторых орденов замков, можно привести следующие цифры из «Должностной книги» (нем. «Эмтербух») Тевтонского ордена.

Так, например, по состоянию на 1400 г. в орденом замке города Кенигсберга (тогдашней резиденции маршала тевтонов) хранился 761 арбалет; в замке Христбурга — 595; Данцига (Гданьска) — 255; Слохау (Шлохау) — 199; Эльбинга (Эль-блонга) — 293; Рагнита — 248.

По состоянию на 1416 г. в замке орденового комтура города Эльбинга хранилось в общей сложности 1250 шогов арбалетных стрел-«болтов» (то есть 75 000 болтов; исходя из того, что 1 шог = 60 болтов). В инвентарных списках орденовых arsenalов тевтонов отдельно учитывались зажигательные стрелы, также хранившиеся в оружейных палатах в немалых количествах.

Так, например, в описи вооружений «Должностной книги» орденовой Кенигсбергской комтурии содержалась следующая запись за 1414 г.:

«Один арбалет кнехта (вооруженного слуги. — *В.А.*) компаньона (оруженосца одного из братьев-рыцарей. — *В.А.*) Ганса, один арбалет Рихенбаха, один арбалет Фредриха (Фридриха. — *В.А.*), один арбалет Сотодта (судя по имени, не природного немца, а крещеного прусса. — *В.А.*)» (нем.: Hans des Kompans knecht eyn armbrost, Rychenbach eyn armbrost, Fredrych eyn armbrost, Sotodt eyn armbrost)...

Обычно именно арбалетчики, стоявшие на флангах и перед фронтом готового к атаке конного орденового войска, первыми вступали в сражение, являясь застрельщиками в буквальном смысле этого слова. Отстрелявшись, арбалетчики отходили назад через проходы в строю стоявших за ними конных рыцарей. Для рукопашного боя каждый арбалетчик был вооружен мечом и кинжалом. В комплект его защитного вооружения в «классическую» эпоху войн с язычниками в Пруссии и Ливонии, как у всех братьев-рыцарей и братьев-сариантов, к числу которых и принадлежали конные арбалетчики, входили шлем, кольчатая броня с капюшоном, длинными рукавами и кольчужными чулками и щит.

Тактическое построение орденового войска (в том числе и в сражении при Танненберге 15 июля 1410 г.) состояло из многочисленных конных арбалетчиков, спешивавшихся перед началом стрельбы, и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (последние сражались, выстроившись клином).

Дальность стрельбы из арбалета достигала в описываемое время 400 м, а дальность прицельной стрельбы — более 100 м. На расстоянии 300 м арбалетный болт пробивал кольчатую броню. Умелые арбалетчики умудрялись выпускать по неприятелю две стрелы-болта в минуту.

Арбалеты орденовых стрелков-баллистариев (передвигавшихся в конном строю) имели ложе из твердых пород дерева и составное луковтце. Тетивы были сплетены обычно из конопляных волокон или скрученных кишков и натягивались при помощи специального поясного крюка (или нескольких крюков). Перед тем как натянуть тетиву, арбалет ставили на землю вертикально, луком вниз. Затем стрелок упирался ногой в специальное стремя — скобу, укрепленную на торце ложа арбалета, и, нагнувшись, цеплял крюки за тетиву баллисты. Когда арбалетчик разгибался, крюки, поднимаясь вместе с ним, тянули за собой тетиву арбалета до тех пор, пока она не заскакивала за фиксирующие зубцы. Существовали и более мощные, тяжелые и дальнобойные арбалеты, тетива которых натягивалась при помощи специального ворота. В Тевтонском орденое в качестве арбалетчиков выступали не только воины низкого звания — полубратья — и наемники, но и «братья-рыцари».

Для стрельбы из арбалета применялись специальные укороченные стрелы-болты с массивными, прочными наконечниками. Общий вес арбалетного болта мог достигать 150 г, поэтому он без труда пробивал самый прочный кольчужный, а иногда и кованный

пластинчатый доспех. К тому же из арбалета было проще, чем из лука, вести прицельную стрельбу.

О ПРОВИАНТСКОЙ СЛУЖБЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Повествуя в своей «Ливонской хронике» о войнах тевтонов с ратниками великого князя Московского, Бальтазар Руссов писал: «Русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если у него есть вода, мука, соль и водка, то он может долго прожить ими, а немец не может». Данная констатация в гораздо более сжатой форме содержится и в известной русской пословице: «Что русскому здорово, то немцу смерть».

Не зря немецким воинам испокон веку приписывают поговорку: «Война войной, обед — обедом». В том, насколько большое внимание они во все времена придавали соблюдению правильного режима питания, можно убедиться на примере армии Тевтонского ордена.

Давно прошли те времена, когда пища и питье отцов-основа-гелей госпиталя Пресвятой Марии Иерусалимского Тевтонского дома, по утверждению Петра из Дусбурга, «были настолько скудны, что цвет и запах хлеба или бобов был едва различим человеческим зрением и обонянием», когда братья ордена «с умерщвленной душой и радостным лицом» отказывались принимать в пищу мясо «даже в положенное время».

В мирное время гебитигер (начальник) «орденского дома» (в этом случае «гебитигером» был комтур) или крепости-«орденсбурга» (в этом случае гебитигером был кастеллан, или каштелян) и орденские братья вкушали пищу за одним столом в трапезной (*лат.* «рефекториум», *нем.* «ремтер»), храня во время еды полное молчание. Иногда назначался чтец (обычно из числа братьев-священников — как правило, они были единственными грамотными среди членов ордена), читавший вслух священные или нравоучительные тексты. После того как братья-священники и братья-рыцари, завершив трапезу, вставали из-за стола и, прочитав благодарственную молитву («Благодарим Тебя, Христе Боже наш, еже насытил нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия!»), за стол садились сарианты, а вслед за ними — слуги (кнехты).

Пища братьев и слуг не отличалась большим разнообразием. В их ежедневный рацион непременно входили хлеб и каша (овсяная, пшенная или гречневая), а также серый и белый горох. В закромах орденских замков постоянно хранились большие запасы овса, проса, пшеницы и ржи. Поскольку братья являлись не только монахами, но и воинами, им необходимо было высококалорийное питание, в том числе масло, сыр, творог и, разумеется, мясо. Чаще всего они ели говядину и телятину, но не брезговали также и свининой. Подобно обычным католическим монахам описываемой (и не только описываемой) эпохи, тевтонские воины-монахи пили не только чистую воду, но и пиво, мед, плодово-ягодные вина, молоко, а со временем (по мере развития виноградарства) перешли и на местное виноградное вино. В постные дни вместо мяса ели рыбу, сыр и яйца.

В походе-рейсе основными продуктами питания были хлеб и пиво. При этом проводилось четкое различие между «господским хлебом» (*нем.* «герренброт»), который пекли для командного состава, братьев-рыцарей и гостей ордена (знатных крестоносцев), с одной стороны, и «хлебом для слуг» (*нем.* «кнехтброт»), которым должны были довольствоваться воины низкого звания — с другой. В походе господ пили главным образом вино, а слуги довольствовались пивом.

Провиант, который брали с собой в поход крестоносцы и воины ордена, не должен был портиться на протяжении нескольких недель (столько обычно длились орденские рейсы в земли язычников), и потому состоял главным образом из сухарей, соленой, копченой, сушеной и вяленой рыбы, сала, копченого мяса, колбас, ветчины и солонины. По возможности брали с собой муку, чтобы печь из нее хлеб в походе.

Естественно, при захвате языческих селений все найденные там припасы и вся живность съедались подчистую.

В рацион участников военных рейсов ордена в Пруссии непременно входила и так называемая «круда» — смесь различных сладких сухофруктов, сдобренная пряностями, анисом и кориандром. Существовала даже специальная профессия круденера (круденера, криденера) — кондитера, специализировавшегося на изготовлении круды и одновременно торговавшего этим высококалорийным лакомством. Особенно славился кулинарными талантами своих круденеров подчиненный Тевтонскому ордену портовый город Данциг. В 1405 г. для снабжения участников рейса в Литву свежим хлебом был зафрахтован целый корабль, превращенный в плавучую пекарню (*нем.* «бакшифф»). Кроме того, участники орденских рейсов, если представлялась такая возможность, брали с собой в поход живой скот (обычно быков) и домашнюю птицу в клетках, чтобы иметь возможность питаться свежим мясом хотя бы на начальном этапе военной экспедиции.

Провиант, предназначенный для транспортировки на вьючных лошадях, телегах или санях (в зимнее время), упаковывался преимущественно в бочки или в мешки. Шедшая в голове походной колонны тевтонов провиантская команда доставляла на место очередного ночлега необходимую провизию (виктуалии) для воинов, а также овес и сено для лошадей еще до подхода основных сил орденского войска. Воины ополчений, направленных в состав орденского войска подчиненными ордену городами и сельскими общинами, а также светскими рыцарями — ленниками ордена, обычно сами заботились о пропитании, транспортировке провианта и снаряжения. Участвовавшие в тевтонских рейсах знатные крестоносцы (в отличие от приученных к воздержанию в пище и питье членов ордена) старались ни в чем себе не отказывать даже в суровых условиях прусского театра военных действий. Так, в 1363 г. для принимавшего участие в рейсе против литовских язычников знатного французского сеньора Жана де Блуа был нанят специальный повар, «искусный в печении пирогов с разнообразной начинкой и в приготовлении изысканных паштетов», а также зафрахтован отдельный корабль, на борту которого в садках со свежей водой везли живую рыбу.

Судя по этому описанию, французы, в отличие от непритомливых в пище и питье братьев ордена (не говоря уже о русских воинах, довольствовавшихся, если верить западноевропейским путешественникам, горстью толокна в день), уже в XIV в. были не только героями, но и сибаритами.

Приведем для наглядности цены на некоторые продовольственные и непродовольственные товары в прусских владениях Тевтонского ордена в период наивысшего расцвета тамошнего орденского государства (1340—1411):

Хорошая молочная корова: 18 скотов.

Поросенок: 1 скот.

Откормленная свинья: 24 скота.

Баран: 3 скота.

Бочка топленого масла: 60 скотов.

Фунт (500 г) свиного сала: 0,16 скота.

Бочка с 300 головками сыра: 72 скота.

Очень хороший боевой конь: 360—432 скота.

Хороший боевой конь: 288—360 скотов.

Швейка (лошадь местной прусской породы): 72—192 скота.

Боевое знамя (баннер): 144 скота.

Хороший арбалет: 24 скота.

Железная шляпа (шлем-шапель, или по-немецки «эйзен-гут»): 14 скотов.

Железная каска: 10 скотов.

Бочка с 300 головками сыра: 72 скота.

1000 кирпичей: 14 скотов.

Плуг с железным лемехом: 14 скотов.

Локоть серого платьевого сукна для слуг: 1,5 скота.

Локоть цветного платьевого сукна для слуг: 4 скота.

Локоть сукна для господской одежды: 9—12 скотов.

Железный топор: 4,1 скота.

Фунт (500 г) пчелиного воска: 1,2 скота.

Основной денежной единицей в прусских владениях ордена в описываемое время была марка. В одной марке содержалось 24 скота.

Период военно-политического и, соответственно, экономического процветания прусского орденового государства тевтонов (вторая половина XIV — первая половина XV в.) характеризовался достаточно высоким уровнем оплаты труда. Наемный работник в орденовых землях в среднем получал поденную плату, эквивалентную стоимости 26—34 кг ржи. Цены на дрова, мясо и молоко оставались достаточно низкими, а цены на импортные товары — наоборот, очень высокими (что объяснялось сознательно проводившейся протекционистской экономической политикой ордена). Священнослужители и воины, нанимавшиеся на службу к ордену, получали очень высокое жалованье (в отличие от членов ордена, получавших бесплатно еду, питье, крышу над головой и одежду — в обмен на свое переданное ордену движимое и недвижимое имущество).

О ФЛОТЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

После основания в 1237 г. замка Эльбинг (по-польски — Эльблонг) Данциг был присоединен к владениям Тевтонского ордена (став его важнейшим портовым городом) только в 1309 г. — тевтонские рыцари получили прямой выход к Балтийскому (Янтарному) морю. Одновременно Эльбинг (быстро разросшийся до размеров города) был и речным портом — в его акватории сходились сразу несколько важных речных путей. У ордена не было необходимости постоянно содержать свой собственный военно-морской флот.

Правда, в ходе двух военно-морских экспедиций на остров Готланд (первая из которых, состоявшаяся в 1398 г., была направлена против засевших на острове морских разбойников-вительеров, а вторая, проведенная в 1403 г., — против захвативших Готланд датчан) орден использовал для перевозки своих десантных войск в качестве транспортных средств корабли, пригодные для плавания в открытом море. Однако эти корабли, ходившие по морю под белым орденовым флагом с черным крестом (как и их команды), принадлежали не самому ордену, а торговым товариществам (кумпанствам) купцов города Данцига, у которого орден арендовал как суда (когги, кочи), так и матросов-веппнеров.

Во время первого Готландского морского похода Тевтонского ордена (в 1398 г.) против пиратов-вительеров, засевших на острове Готланд, из данцигского порта вышли 84 зафрахтованных орденом корабля, имевшие на борту более 4000 братьев-рыцарей, братьев-сариантов и ратников-кнехтов Тевтонского ордена, а также 400 боевых коней, походных (ездовых) и вьючных лошадей.

Христианизация земель прибалтийских язычников осуществлялась в первую очередь по суше (в том числе по рекам) и (частично) вдоль побережья Балтийского моря. В летнее время важнейшим судоходным транспортным водным путем, необходимым для обеспечения коммуникаций орденового войска, подвоза подкреплений и грузов, являлась река Висла.

Первые два крупных речных корабля, принявшие участие в военных экспедициях ордена в Пруссии, назывались «Фридланд» («Фриделант», то есть «Мирная земля») и «Пильгрим» («Пильгерим», то есть «Пилигрим», «Паломник»). Оба одномачтовых корабля были построены в 1236 г. по приказу и на средства знатного участника Крестового похода в земли

прусских язычников маркграфа (маркиза) Генриха Мейссенского из владетельного дома Веттинов (прародителя будущей династии курфюрстов и королей Саксонских). Первоначально маркграф воспользовался этими плоскодонными речными судами для перевозки собственного военного отряда, а после окончания Крестового похода, перед самым возвращением в Германию, подарил оба корабля Тевтонскому ордену.

Этими двумя кораблями, вместе с военным контингентом крестоносцев-интернационалистов, были доставлены по рекам Висле и Ногате из Мариенвердера в бухту Друзе, где было запланировано строительство замка Эльбинг, также воины Тевтонского ордена и нанятые орденом мастеравые.

Судя по сохранившимся описаниям, плоскодонные суда «Фридланд» и «Пильгрим», построенные в Пруссии эльбскими корабелями, привезенными с собой маркграфом Мейсенским, имели в длину около 23 м, в ширину около 6 м, высоту бортов 1,30 м и осадку не более 0,75 м. Обладая большой маневренностью, суда могли без особого труда следовать всеми извилинами реки. Каждое из них имело одну большую мачту с «вороньим гнездом» и четырехугольным парусом, но при отсутствии ветра могло идти и на веслах.

Белый парус был украшен гербом саксонского рода Веттинов, из которого происходил маркграф Генрих Мейссенский — двумя лазурными столпами (вертикальными полосами). Щиты, прикрепленные к бортам кораблей для защиты гребцов от неприятельских метательных снарядов, были украшены попеременно гербом ордена (прямым латинским черным крестом на белом поле), лазурными столпами дома Веттинов на белом (серебряном) поле и личным гербом Генриха Мейссенского — черным львом на желтом (золотом) поле.

На носу «Фридланда» и «Пильгрима» развевался белый флаг Тевтонского ордена с прямым черным крестом, над кормовой надстройкой (ахтеркастелем) — желтое знамя-баннер Генриха Мейссенского с изображением черного льва, а на мачте — белый стяг крестоносцев с лапчатым черным крестом. Корабли имели по пять пар весел и большое рулевое весло (стар, стюр, штир или штюр, а по-русски «кормило»).

При помощи этих двух кораблей, перевозивших мастеров, охрану и строительные материалы, был построен также орденский замок Бальга. «Фридланд» и «Пильгрим» приняли активное участие в изгнании прусских язычников с побережья залива Фришес-Гафф. В 1242 г. войско Тевтонского ордена, высадив десант с кораблей, захватило расположенный на берегу Вислы замок Сартовице (Сартовиц), принадлежавший герцогу Помереллии (Малой, или Восточной, Померании). На Висле и в дальнейшем неоднократно происходили бои орденских кораблей с военными флотилиями прусских и литовских язычников. В тевтонских хрониках сохранились факты оснащения орденских кораблей метательными машинами, активно применявшимися против неприятельских флотилий.

Один из этих двух кораблей (а возможно, и другой) был потоплен прусскими язычниками в период «Великого восстания» пруссов на Друзенском озере близ Вёклице. Расположенные там три прусских земляных укрепления несколько раз переходили из рук в руки, и бои характеризовались особой степенью ожесточения.

ТИПЫ ТЕВТОНСКИХ КОРАБЛЕЙ

Все расположенные на берегу рек и других водоемов орденские замки имели речные корабли различных типов. В 1404 г. тевтонский замок Христбург имел 23 речных корабля, Эльбинг — более 19, Мемель (Клайпеда) — более 12, прусская столица Тевтонского ордена Мариенбург-на-Ногате — более 8. В большинстве своем эти суда были плоскодонными, но некоторые имели киль.

Удобными для боевого применения кораблями были когти (кокки, коги, когены, гатты, бусы, нефы, кочи), имевшие на корме уже упоминавшиеся выше ахтеркастели — надстройки в форме небольших крепостей, использовавшиеся в качестве боевых платформ. К концу XIII

в. коggi получили еще одну боевую надстройку, расположенную в передней части корабля и называвшуюся «форкастель».

Варианты кораблей с меньшей осадкой очень часто применялись в устье рек, впадавших в Балтийское море. Когги доставляли отряды крестоносцев по Балтийскому морю в Ригу, где «вооруженные паломники» пересаживались на речные суда, перевозившие их в глубь Ливонии, где важнейшей водной транспортной артерией была река Дина.

Для перевозки грузов использовалось судно под названием «гольк» — прямой предшественник когга, с более плоским дном и более низкими боевыми надстройками на носу и корме. Хроники упоминают в числе орденских кораблей также гребные прамы, приводившиеся в движение 17, 15, 14 или 12 гребцами, именовавшимися «подмастерьями» (нем. гезеллен, и нассуты — небольшие плоскодонные суда с 16 или 18 гребцами, имевшие также мачту с четырехугольным парусом. Русские именовали нассуты по-своему — «насадами». В русских летописях что упоминаются нападения ливонских тевтонов, передвигавшихся по реке в насадах (в частности, на Псков).

При помощи канатов можно было, идя по берегу реки, волочь прамы и нассуты вверх по течению. В составе орденского флота числились также рейсеканы (буквально «рейсовые (походные) лодки»), имевшие высокие борта, округлые формы и напоминавшие тогдашние морские корабли. Орден использовал рейсеканы (чаще всего имевшие на борту по 20 человек) для военных экспедиций (как мы уже знаем, такие вооруженные экспедиции именовались «рейсами», а их участники — «рейсигами»; последнее слово в дальнейшем стало обозначать всякого тяжеловооруженного, преимущественно конного, воина вообще). Малые лодки, которые обычно изготавливались прямо в походе и могли перевозиться на телегах, как правило, были рассчитаны на шесть человек каждая. Некоторые из орденских кораблей, ходивших по Висле, были оборудованы в качестве плавучей военно-полевой пекарни.

При строительстве тевтонского замка Христмемель на берегу реки Мемель выше замка Раг(а)ниты при верховном магистре тевтонов брате Конраде Трирском (фон Трире) в 1313 г. воины ордена построили через довольно широкую в этом месте реку понтонный мост из кораблей.

Снабжение строителей замка провиантом и строительными материалами осуществлялось морским путем. На море бушевали штормы, вследствие чего погибло много кораблей, а также четыре брата-рыцаря и 400 кнехтов и слуг. В ходе неудачного штурма литовской крепости Бизены летом 1313 г. через реку Мемель был построен понтонный мост из орденских кораблей, по которому прибывшее по реке орденское войско подвозило к замку осадные машины.

Впоследствии тевтонский комтур (командор) Раг(а)ниты распорядился построить наряду с большим числом обычных речных судов, специальный военный корабль с надстройками в виде крепостных стен и башен, при помощи которого намеревался взять литовский замок Юнигеду. Однако литовским язычникам удалось при помощи многочисленных судов, окружить этот большой корабль ордена на реке Мемель и уничтожить его.

Согласно орденской «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга, литовцы в 1315 г. осадили тевтонский замок Христмемель и орден перебросил на помощь осажденному гарнизону на кораблях шеститысячное войско. Замок удалось деблокировать, литовцы сняли осаду и ушли восвояси.

Во второй половине XIV в. орден при помощи выписанных из Голландии за большие деньги мастеров построил на реке Мемель шлюзы, обеспечив свободное судоходство от Лабиау (на литовской границе) до центра орденских владений в Пруссии и далее до городов Мариенбурга и Данцига.

Когда в 1403 г. датские войска захватили остров Готланд, орден направил туда корабли с небольшим войском на борту, установившие морскую блокаду Готланда и уничтожившие датский флот в морском сражении при Кальмаре.

ОБ ЭКИПАЖАХ КОРАБЛЕЙ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Расположенные вдоль речных путей на орденской территории города были обязаны наряду с пешим и конным ополчением предоставлять в распоряжение ордена также лодки, корабли и матросов, а расположенные вдоль речных путей деревни — гребцов. В «Военной книге» города Эльбинга за 1383—1409 гг. в этой связи упоминаются:

в 1387 г. — 2 корабля с 31 матросом и 15 гребцами;

в 1397 г. — 3 корабля и 50 матросов.

Во время морской экспедиции ордена на остров Готланд, о которой подробнее будет рассказано ниже, несколько комтурств предоставили гребные команды по 20 гребцов на корабль. Каждый из этих гребцов был оснащен заступом, топором, гребным веслом и вооружен копьем. Гребцы должны были явиться безоружными, однако каждый должен был иметь лопату. Многие нассуты имели гребные команды, состоявшие из 18 гребцов (пруссков и немцев) каждая, во главе с кормчим (рулевым). Наряду с капитаном корабля (шиффером) требовались также рулевые (штюрманы, спорманы) и маты (старшие матросы), наймом которых орденский комтур нередко занимался лично.

В отличие от гребцов, орденские матросы были вооружены. Они именовались «детьми корабля» (*нем.* «шиффскиндер»), получали большое жалованье и хорошее питание и питье дважды в день. Особенно широкую известность снискали себе данцигские «дети кораблей», виртуозно владевшие боевыми топорами и сыгравшие важную роль в обороне столицы Тевтонского ордена — города-крепости Мариенбурга-на-Ногате — от польско-литовского войска после сокрушительного поражения армии тевтонов при Танненберге (Грюнвальде) в 1410 г. Кроме абордажных топоров, пик, арбалетов и луков со стрелами, орденские матросы были вооружены упоминавшимися выше дюссаками (дюсаками, дуссаками, дузегами), весьма популярными среди чехов (в том числе и чешских наемных воинов, служивших ордену). Дюссака (это слово, как мы знаем, происходит от славянского слова «тесак») представляла собой разновидность сабли с коротким и широким клинком, хвостовик которой загибался к лезвию, образуя рукоять в форме петли.

Служившие на борту торговых морских коггов (коггенов) ордена вооруженные матросы (*нем.* «веппнеры») получали бесплатное питание и 12 скотов жалованья в неделю. В 1404 г. матрос речного корабля тевтонов получал в день, кроме двухразового питания и питья, 0,66 скота. В 1411 г. жалованье военного матроса орденского флота составляло 1,2 скота в день.

ТЕВТОНСКИЙ ФЛОТ И БРАТЯ-ВИТАЛЬЕРЫ

Хорошо известно, что многие духовно-рыцарские ордены Средневековья (да и более поздних эпох) — например, Тосканский орден Святого Стефана или орден Святого Иоанна Иерусалимского — сражались с неверными не только на суше, но и на море. Особенно широко известны морские подвиги иоаннитов, регулярно выходивших в морские походы — «корсо» или «караваны» — против берберийских (алжирских, египетских и тунисских) корсаров Средиземноморья.

Между тем Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии также вписал немало славных страниц в историю борьбы с морскими разбойниками, только не в Средиземном море, а на Северном и Балтийском морях.

Пиратство в Балтийском и Северном морях началось с так называемого «берегового права» (*нем.* «Штрандрехт»), которым издавна пользовалось население морских побережий. Согласно этому неписаному, но узаконенному обычаю «праву», всякий человек, нашедший предметы, выброшенные морем на берег, автоматически становился их владельцем.

«Береговое право» распространялось и на потерпевшие крушение или выброшенные на берег корабли. Неудивительно, что многие береговые жители легко поддавались искушению слегка «помочь» Провидению — например, немного сместить буй или погасить сигнальный огонь, чтобы гонимый ветром корабль легче наскочил на риф или сел на мель. Так прибрежные жители превращались в разбойников, грабителей и убийц. Потерпевших кораблекрушение не только не спасали от верной смерти, но совсем наоборот — убивали без всякой пощады (если несчастным удавалось доплыть до спасительного берега), чтобы затем обобрать их трупы (ведь по «береговому праву» человек мог считать вещь, найденную на берегу, своей собственностью лишь в случае, если после кораблекрушения никто не уцелел). Как говорится, «концы в воду», а «мертвые не кусаются». Нет человека—нет проблемы, как говорил впоследствии товарищ Сталин...

От разбоя берегового до разбоя морского оставался всего один шаг, который и был сделан в пору раннего Средневековья, когда начался стремительный рост морской торговли. Около середины ХП в. крупнейшие торговые и портовые города Северного и Балтийского морей во главе с Любеком и Бременом (выходцы из которых стояли у истоков основания Тевтонского ордена и с тех пор пользовались в ордене особыми привилегиями) объединились в торгово-военно-политический союз — Ганзу. С тех пор на виду у береговых пиратов стало проплывать все больше крутобоких ганзейских парусных судов-коггов с высокими бортами, нагруженных дорогими товарами. И начались нападения на ганзейские корабли, становившиеся все более частыми и дерзкими. Ганзейский союз был в отчаянии, прекрасно понимая, что местные власти не только терпят, но и поощряют морской разбой (ведь пираты щедро делились с ними добычей).

Самой дурной славой среди морских разбойников Северного и Балтийского морей пользовались так называемые братья-вительеры, они же — виталийские братья. Первоначально так именовались наемные моряки-каперы (от латинского шагала «капере», то есть «брать»), участвовавшие в многолетней войне между королем Швеции Альбрехтом Мекленбургским и датской королевой Маргаретой (1353—1412). В 1389 г. Маргарета (Маргарита) пленила Альбрехта и бросила его в темницу. В том же году датчане осадили последний оплот шведов, сохранивших верность своему королю, — город Стокгольм. «Видя беду неминуемую», отец томившегося в узилище короля Альбрехта, герцог Мекленбургский, призвал на помощь своих соотечественников и всех, кто пожелает служить ему за щедрую плату. На его призыв откликнулось множество искателей приключений.

В бессильной ярости датчане наблюдали, как это наемное войско (названное первоначально «морскими братьями») появилось на собственных кораблях у Стокгольма, наладив снабжение осажденных шведов оружием, но в первую очередь—продуктами питания (или, по-датски, «викгуальер», то есть «провизия», «продовольствие», «съестные припасы»). Благодаря помощи «морских братьев», вскоре переименованных в виктуальших братьев или братьев-виктуалиев (а затем для простоты — братьев-вителиев, виталийских братьев, или братьев-вительеров, по-немецки «вителиенбрюдер»), Стокгольм смог выдержать датскую осаду в течение трех лет (с 1389 по 1393 г.).

От имени своего томившегося в датском плену короля Альбрехта шведские должностные лица выдавали вительерам каперские свидетельства. Тем самым многие капитаны виталийских братьев получили долгожданный повод для возобновления морского разбоя, теперь уже «на законных основаниях», в качестве шведских «королевских пиратов». Большинство капитанов-каперов стали нападать и на корабли Ганзейского союза, хотя и состояли у него на службе. Согласно хронике Дитмара (Детмара), «...они наводили страх на все море... Они грабили и своих, и чужих, от чего сельдь сильно подорожала».

В 1394 г. виталийские братья под командованием стокгольмского бургомистра совершили морскую экспедицию против острова Готланд, принадлежавшего датской короне, и взяли штурмом его столицу Висби — один из наиболее хорошо укрепленных городов

Северной Европы описываемого времени. Витальеры превратили Висби в настоящее пиратское гнездо, в центр морского разбоя, нанесшего датчанам гораздо больший урон, чем война со шведами.

После взятия Стокгольма датчанами и заключения мира между Данией и Швецией виталийские братья продолжали свои нападения на ганзейские торговые корабли, оперируя с острова Готланд, превращенного ими в мощную по тем временам военно-морскую базу. Ганзейцам пришлось держать на каждом торговом корабле вооруженную охрану, состоявшую из наемных солдат, услуги которых стоили немалых денег. Кроме того, ганзейским городам пришлось вооружать свои парусные суда корабельными пушками, также стоившими немало (особенно по тем временам).

Однако вооруженные до зубов и опытные в деле морского разбоя витальеры никак не унимались. Их высокобортные корабли превосходили по скорости и маневренности более низкие ганзейские когги. Тех, кто отказывался сдаться и не погибал при abordage, безжалостно выбрасывали за борт. Но и купцы-мореходы также не церемонились с виталийскими братьями, попавшими к ним в плен. Пленных витальеров заковывали в цепи или заталкивали в сельдяные бочки, чтобы привезти на берег, судить и казнить.

Морской разбой крайне отрицательно сказывался на хозяйстве всех прибалтийских государств.

Ганзейским городам не всегда удавалось сплотиться для оказания пиратам эффективного отпора. Однако на их стороне выступила самая мощная военная сила тогдашней Центральной и Северной Европы — орден Девы Марии.

Верховный магистр ордена Конрад фон Юнгинген созвал представителей подчиненных ордену прусских городов в орденской столице мариан—Мариенбурге-на-Ногате, где им был предложен секретный план: внезапным нападением 2000 рыцарей и тяжеловооруженных воинов положить конец «пиратской республике» зарвавшихся витальеров на острове Готланд. План гохмейстера был одобрен всеми участниками высокого собрания.

Задуманная военно-морская операция завершилась блестящим успехом. 22 февраля 1398 г. в гаванях Мариенбурга стояли наготове 10 больших кораблей и 30 кораблей поменьше. На них грузили осадные орудия, провиант и лошадей, готовились к отплытию рыцари и пехота. 17 марта тевтонский флот (до открытия навигации) вышел в открытое море, еще не полностью освободившееся ото льда. Через четыре дня орденский флот тевтонов под белыми флагами с черным крестом, усиленный ганзейскими и датскими кораблями с 5000 отборных воинов под командованием самого верховного магистра бросил якоря южнее города Висби. Тевтонское войско высадилось на острове Готланд вблизи пиратской крепости Висби, в которой засел двухтысячный гарнизон витальеров во главе со шведским аристократом Свеном Стуре.

Сухопутная операция была проведена в столь же стремительном темпе, как и морская. Несмотря на все еще лежавший глубокий снег, тевтонское войско, подобно урагану, пронеслось по пиратскому острову. Гарнизоны пиратских крепостей Вестергарн,

Спите и Варвсгольм-Ландескроне, парализованные смертельным ужасом, сложили оружие почти без сопротивления, открыли ворота и впустили победителей.

Затем флот ордена с боем ворвался в гавань Висби. Одновременно сухопутные войска тевтонов и их союзников пошли на штурм городских стен с суши. Положение окруженного со всех сторон гарнизона витальеров казалось совершенно безнадежным. Однако ни закованные в латы братья-рыцари и сарианты, ни осадные машины, ни измена готландцев витальерам не помогали тевтонам. После длительной осады верховный магистр был вынужден заключить со Свеном Стуре перемирие. По условиям этого перемирия остров Готланд на вечные времена становился владением ордена, а Свен Стуре и 2000 уцелевших виталийских братьев получили право отбыть на своих кораблях, куда пожелают.

Свен Стуре и некоторые вожди витальеров из аристократов примирились с королевой Маргаретой, став добрыми подданными датской короны.

5 апреля 1398 г. город Висби раскрыл ворота перед победителями.

По приказу верховного магистра все уцелевшие виталийские братья немедленно, под страхом смерти, покинули остров Готланд. Эта блестящая победа, одержанная флотом и войском Тевтонского ордена, стала началом конца морского разбоя на Балтике.

После взятия главного пиратского гнезда — Висби — флотом и войском ордена братство витальеров распалось. Часть виталийских братьев бежала на своих парусных кораблях в Северную Швецию (Нурланд), захватила крепость Факсегольм и удерживала ее, пока не дождалась помилования.

Две другие группы витальеров, скрывшись в море, продолжали заниматься морским разбоем. Они возвратились в юго-западную Данию, обосновавшись на острове Эртшльм, близ большого острова Борнгольм.

Но главные силы виталийских братьев ушли на северо-запад, прошли пролив Каттегат, обогнули северную оконечность Дании и нашли себе новое убежище на Восточных Фризских островах в Северном море.

В 1403 г. неугомонные датчане, из которых еще не выветрился дух их предков-викингов, высадили на Готланде морской десант и быстро завладели островом. В ответ Тевтонский орден организовал так называемый Второй морской поход на Готланд, завершившийся изгнанием датчан и возвращением острова в состав орденских владений, а также сокрушительным разгромом датского флота военными кораблями Тевтонского ордена в морской битве при Кальмаре.

И лишь в 1407 г. Тевтонский орден в ходе очередного территориального размена передал остров Готланд во владение королю Эрику Шведскому

РАЗГРОМ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

Параллельно с постепенным упадком рыцарства в XV в. стал неудержимо нарастать и кризис в римско-католической церковной среде, приведший к Реформации и расколу Западной Европы по религиозному признаку. Тевтонский орден в Пруссии, несмотря на свою формальную подчиненность папе римскому, фактически превратился в самостоятельное государство и одновременно укрепил свои позиции почти во всех европейских государствах, хотя размеры отдельных орденских провинций постоянно менялись.

Орденское государство тевтонов играло важную роль в жизни не только Прибалтики, но и всей Восточной и Северной Европы, превратившись с течением времени (и не в последнюю очередь благодаря прочному альянсу с союзом Ганзейских торговых городов) в крупную военно-морскую державу на Балтике.

Как мы уже знаем, при верховном магистре Конраде фон Юнгингене флот Тевтонского ордена в союзе с Ганзой разгромил упоминавшихся выше пиратов-витальеров, долгие годы разбойничавших в Балтийском и Северном морях, и захватил их главную базу — город Висби на острове Готланд. При брате и преемнике Конрада — гохмейстере Ульрихе фон Юнгингене — флот тевтонских рыцарей совершил так называемый Северный морской поход — полярную морскую экспедицию в поисках таинственной земли Гиперборей (Туле, Фульт), расположенной, по старинным легендам, на крайнем Севере (возможно, даже за Полярным кругом). Согласно характерным для Средневековья магическим воззрениям, за крайним арктическим барьером лежат неведомые страны, в которых жизненные процессы развиваются гораздо энергичней, нежели в нашей «земной глуши». Этот Северный морской поход тевтонских рыцарей впоследствии нашел свое отражение в драме немецкого романтика Цахариаса (Захариаса) Вернера «Гиперборея». В драме Вернера верховный магистр Ульрих фон Юнгинген произносит слова, позднее ставшие крылатыми:

*Наш путь во льдах! Полночное светило
Нам озарит цветущий материк.*

О том, чем завершилась Северная экспедиция тевтонов, достоверных сведений не сохранилось. Скорее всего, рыцарственные мореплаватели погибли в арктических льдах, так и не открыв Гиперборею. Хотя кто знает?

*Чайки кружились у них за кормой —
Чайки вернулись домой.
Но не вернулись домой корабли —
Те, что на Север ушли...*

Так, кажется, сказал поэт? Но это так, к слову...

Важность положения, занимаемого верховным магистром, была связана не только с его должностью главы всего ордена Девы Марии, но и с обширностью находившихся в его непосредственном подчинении территорий. Все государства, в том числе и европейские, постоянно воевали друг с другом. Было бы странно, если бы войны обошли стороной государство Тевтонского ордена.

Окрепшие и объединившие свои силы Польша и Литва (после крещения последней у ордена Пресвятой Девы Марии исчез повод призывать крестоносцев со всей Европы воевать с язычниками) после ряда ведшихся с переменным успехом войн разгромили 12-тысячное (эта цифра представляется наиболее близкой к действительности, хотя численность тевтонской армии колеблется, у разных летописцев, от 30 до 80 тысяч!) войско Тевтонского ордена под Танненбергом в 1410 г. С легкой руки польских летописцев это сражение у нас почему-то называют «битвой при Грюнвальде». Однако никакого Грюнвальда там не было и нет. Битва происходила между селениями Грюнфельде и Танненберг. Очередная загадка истории! Об этой битве написано уже так много, что мы ограничимся только самым главным.

Ливонский ландмейстер Конрад фон Фитингоф(ен), ссылаясь на сепаратный мирный договор, заключенный им с великим князем Литовским Витовтом (Витольдом) — союзником польского короля Владислава (в недавнем прошлом, до крещения в латинскую веру—литвина Ягайло; хотя есть данные, что Ягайло был еще раньше крещен своей матерью — смоленской княжной Улианией—в православную веру под именем Иакова, после чего снова стал язычником и уж под конец — римо-католиком!), не пришел на помощь своему верховному магистру брату Ульриху фон Юнгингену. Формально Фитингофен был даже прав — Юнгинген вел войну с Польско-Литовским государством в своем качестве провинциального магистра Пруссии (эта должность исполнялась тевтонскими гохмейстерами с момента переноса орденской резиденции из Венеции в крепость Мариенбург на реке Ногате в 1309 г.), — но сама возможность подобного дерзкого отказа свидетельствует о весьма далеко зашедшем процессе ослабления внутриорденской дисциплины.

В XV в. войско тевтонских рыцарей обычно строилось тремя большими отрядами (треффенами) тяжелой кавалерии (левое и правое крыло, а также центр, иногда образовывавший резервный). Пехота строилась перед фронтом строя тяжелой кавалерии, прикрывая ее от метательных снарядов неприятельской пехоты и образовывая защитный вал, за которым орденская конница могла в случае отражения конной атаки неприятелем переформироваться для новой атаки. Орденская артиллерия — бомбарды (или по-немецки «буксы») обычно размещалась перед фронтом центральной части тевтонского войска.

Подобное построение было применено Тевтонским орденом в 1410 г. при Танненберге и (с гораздо большим успехом) ливонским ландмейстером Вольтером фон Плеттенбергом в битве с московским войском у озера Смолина в 1502 г. Имевшуюся в орденском войске легкую кавалерию (состоявшую в основном из крещеных представителей туземных прибалтийских племен — пруссов, а в Ливонии — куршей, эстов, латышей, земгалов и латгалов) тевтоны редко применяли в полевых сражениях, предпочитая использовать ее в

разведывательных рейдах или — в качестве второго эшелона—для поддержки своей тяжеловооруженной конницы.

К 1380 г. в Пруссии насчитывалось не более 700 орденских братьев, в то время как в 1400 г. их количество в Пруссии и Ливонии достигало в общей сложности 1600. Таким образом, орден Девы Марии был способен, используя эти крупные резервы высококвалифицированных профессиональных воинов, выводить в поле немалые по тем временам армии. Так, во время своего первого нападения на остров Готланд в 1398 г. тевтоны оказались способны выставить около 4000 воинов. Когда же ордену в 1404 г. потребовалось отвоевать остров Готланд у захвативших его датчан, гофмейстер Конрад фон Юнгинген собрал для этого 15-тысячную армию.

Немногой меньшей по численности армию брат Конрада фон Юнгингена (отошедшего к описываемому времени в мир иной), воинственный гофмейстер Ульрих, смог выставить против Ягайлы и Витовта при Танненберге в 1410 г. В ее состав наряду с многочисленными рыцарями-добровольцами («паломниками») и наемниками со всей Европы входило около 700 прусских орденских братьев (рыцарей и сариантов) (ливонские тевтоны в битве, как известно, не участвовали). Если верить польским источникам (как и все средневековые хронисты, склонными к преувеличениям), потери орденского войска составили до 18 000 убитыми и до 14 000 пленными.

Эти цифры (при всей своей сомнительности), позволяют сделать вывод, что орденская армия состояла, в основном, из балтов и славян, включая тысячи поляков из Силезии, Померании (Поморья) и Куявии, а также из богемцев (чехов), моравян и лужичан (лужицких сербов, или сорбов). Из числа самих тевтонских братьев-рыцарей было убито, скорее всего, 203 или 205, хотя, если верить утверждениям нобелевского лауреата Генрика Сенкевича в его известном романе «Крестоносцы», из 700 «белых плащей» (уважаемый автор безо всяких оснований считал, что все пребывавшие, по подсчетам средневековых летописцев, в Пруссии орденские братья приняли участие в битве при Танненберге и что все они были братьями-рыцарями — единственными членами ордена Девы Марии, имевшими право носить белый плащ с черным крестом!) лишь 15 попали живыми в руки поляков и литовцев (хотя Сенкевич не указывает точно, скольким орденским братьям удалось найти спасения в бегстве). С другой стороны, большинство участвовавших в битве братьев Тевтонского ордена действительно пали в бою (иначе непонятно, как поляки и литовцы смогли завладеть знаменами тевтонских хоругвей).

Некоторые подробности о составе тевтонской армии под Танненбергом содержатся в «Истории Польши», написанной в 1448 г. Яном Длугошем. Согласно польскому хронисту, тевтонское войско при Танненберге состояло из 50 хоругвей-знамен (баннеров, или, выражаясь более современным языком, эскадронов). Правое крыло орденской армии состояло из 14 хоругвей, левое — из 20, а центр (резерв) — из 16.

Согласно Длугошу, около трети этих хоругвей состояло из феодалов-вассалов (ленников) Тевтонского ордена. В каждую хоругвь входили орденские братья какого-либо комтурства (командорства) Тевтонского ордена, местные рыцари-вассалы и пехотинцы-ополченцы, а также определенное число наемников). И лишь одна хоругвь состояла только из орденских братьев (как братьев-рыцарей, так и братьев-сариантов). Это была хоругвь (Великого) маршала Тевтонского ордена (маршала Пруссии).

Даже резервный отряд гофмейстера тевтонов (под 16 знаменами) насчитывал в своих рядах наемников из Германии. Ян Длугош приводит данные о численности лишь семи хоругвей, указывая, что две из них (одна — численностью в 60, другая — 80 копий) состояли из немецких добровольцев-«пилигримов», третья была выставлена в поле епископом Вармии, по-немецки Эрмланд (1000 копий), четвертая — бургомистром (городским головой) расположенного на орденских землях торгового города Данцига (100 «копий», включая

наемников и матросов — «детей кораблей») и Торна (80 копий, включая городское ополчение и иностранных наемников).

Что же касается численности собственно орденских хоругвей, то Ян Длугош упоминает только две из их числа, а именно — хоругвь комтура Гнева, или по-немецки Меве (80 копий) и хоругвь вице-комтура Данцига (70 копий). На основании анализа приведенных выше цифр можно сделать следующий вывод.

В каждую хоругвь входило примерно 80 копий; таким образом, все войско «Божьих дворян» состояло из примерно 4000 копий. В прусских владениях ордена одно копье (глефа, ланце, шписс) состояло из трех тяжеловооруженных конных воинов (рыцаря, сарианта и стрелка); следовательно, общая численность орденской тяжелой кавалерии под Танненбергом составляла около 12 000 человек (с учетом конных лучников и арбалетчиков). Кроме того, известно, что в состав каждого копья-шефы под Танненбергом входило неопределенное число пеших воинов (возможно, именно их Длугош упоминает под названием «бюргеров», или «горожан», то есть городских ополченцев). Да и упоминаемые Яном Длугошем в составе орденского войска данцигские матросы («дети кораблей») наверняка сражались при Танненберге в качестве пехотинцев.

При упоминании битвы поляков с орденским войском ливонских тевтонов при Накеле в 1431 г. Ян Длугош также приводит численность четырех ливонских хоругвей (знамен) Тевтонского ордена. Два ливонских знамени состояли из 100 копий каждое, третье — из 200, а четвертое — из 300 копий. В битве поляков с тевтонским войском при Швеце близ Зарновецкого озера в 1462 г. войско ордена Девы Марии состояло из 1000 тяжелых и 600 легких конников, 1300 пеших ополченцев и 400 иных пехотинцев. Впрочем, это уже совсем другая история.

В роковой для тевтонов битве при Танненберге пали гофмейстер Ульрих фон Юнгинген (почти ослепший к тому времени), орденский маршал Фридрих фон Валленрод (Валленроде, Валлероде, Вальроде), великий комтур Конрад фон Лихтенштейн и почти все высшие должностные лица ордена, комтуры Торна (Иоганн фон Сайн), Меве (граф Иоганн фон Венде), Шлохау (Арнольд фон Баден), а также 203 (или 205) из 250 реально участвовавших в сражении орденских братьев-рыцарей (всего в Пруссии по состоянию на 1410 г., как уже упоминалось выше, насчитывалось около 700 «белых плащей» — рыцарей ордена, но далеко не всем им довелось скрестить мечи и копья с поляками, литовцами, татарами и русскими под Танненбергом).

Первоклассную орденскую крепость Мариенбург на Ногате польско-литовской рати взять, однако, не удалось. Подоспевшее из ливонских владений ордена и из города Данцига подкрепление и болезни, вспыхнувшие в лагере осаждавших, заставили их снять осаду Мариенбурга.

Тем не менее Тевтонскому ордену, лишившемуся части своих владений, пришлось платить победителям огромную контрибуцию. Денег взять было негде — в частности, вследствие запрета иудеям проживать на орденских землях, в то время как главный противник ордена — чрезвычайно гостеприимное к иудеям Польско-Литовское государство — *asylum judaeorum* — пользовалось у иудейских ростовщиков широчайшим кредитом. Между прочим, по старинному сказанию, первым польским королем был избран иудей Аврам Парховник (Порховник), вскоре, впрочем, уступивший корону крестьянину Пясту — основателю древнейшей польской королевской династии! Но это так, к слову.

В результате всех перечисленных выше военно-политических и финансовых проблем орден оказался настолько ослаблен, что против него взбунтовались его же собственные подданные — немецкого происхождения! — горожане и — самое главное! — рыцари-вассалы ордена (еще до танненбергского разгрома основавшие тайный «Союз ящериц(ы)», стремившийся к свержению орденской власти), объединившиеся с другими сословиями

орденского государства, в том числе с мятежным бюргерским Союзом городов, в так называемый «Прусский союз», захватившие изменой большинство орденских замков и призвавшие на помощь польского короля.

Неверные вассалы ордена, во главе которых встал рыцарь Ганс фон Байзен, стремились заменить для себя твердую орденскую власть польско-литовский «шляхетной вольностью». Горожане восстали, поскольку были недовольны возросшими поборами, необходимыми для выплаты Польско-Литовскому государству контрибуции, и недопущением их к управлению государственными делами (когда же гохмейстер Генрих фон Плауэн попытался удовлетворить их требования и привлечь бюргеров к управлению государством, он столкнулся с «непримиримой оппозицией» в лице орденских рыцарей, отрешивших его от власти и заключивших в узилище).

Для борьбы с восставшими, составлявшими до сих пор основную военную силу Тевтонского ордена, гохмейстер уже не мог призвать на помощь иноземных крестоносцев, готовых обнажить меч только против язычников, но уж никак не против своих собратьев по вере, да еще и вчерашних орденских вассалов! Пришлось прибегнуть к помощи наемников, которые стоили немалых денег. В результате орденская казна была окончательно опустошена. Тогда наемники, главным образом моравяне, силезцы и чехи, оборонявшие орденскую столицу Мариенбург-на-Ногате, в связи с задержкой выплаты им жалованья, за деньги открыли ворота полякам.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗМЕИ» ТЕВТОНОВ

В своей героической поэме «Гражина» польский поэт Адам Мицкевич писал о воинах комтура ордена Девы Марии Дитриха фон Книпроде, прибывших в замок литовского князя: «У каждого из них — железный змей». Это, конечно, поэтическое преувеличение, однако уровень оснащения ратников-мариан огнестрельным оружием был действительно достаточно высоким (во всяком случае, по средневековым меркам).

Страшное поражение, нанесенное войску Тевтонского ордена и его союзников-крестоносцев объединенной армией в битве при Танненберге в 1410 г., побудило орденское руководство к принятию срочных мер, направленных на восстановление и дальнейшее укрепление военной мощи ордена и усиление его властных позиций в Пруссии. Обострившиеся противоречия между сельским дворянством (рыцарями-вассалами Тевтонского ордена, возжелавшими таких же шляхетских вольностей, что и польское дворянство) и разбогатевшими под властью ордена прусскими городами (не желавшими платить повышенные, в связи с необходимостью уплаты полякам громадной контрибуции, налоги и нести расходы на оплату наемных воинов, к помощи которых ордену пришлось прибегнуть в куца больших масштабах, чем ранее, — ведь в связи с крещением Литвы прекратился ежегодный приток в Пруссию рыцарей-крестоносцев, участвовавших в походах тевтонов на литовцев на сугубо добровольной основе!), а также их общее недовольство строго централизованным орденским руководством вылились в создание направленных на ослабление власти ордена над Пруссией «Союза ящериц(ы)», а затем и Прусского союза, вступивших с тевтонским «коллективным созереном» Пруссии в открытый вооруженный конфликт.

Когда Тевтонский орден стал одолевать, бунтовщики обратились за помощью к польскому королю Казимиру IV из рода Ягеллонов и навели на Пруссию поляков. Вспыхнувшая война с заметно укрепившимся после танненбергского разгрома мариан Польским королевством способствовала дальнейшему развитию охватившего орденское государство в Пруссии острейшего социального кризиса. Конец этой так называемой Тринадцатилетней войне (1454—1466) был положен заключением Второго Торнского (Торуньского) мира (1466), закрепившего окончательную утрату Тевтонским орденом господства над львиной долей своих владений, расположенной в Пруссии, сведение

численности орденского войска к минимуму и превращение союзных Польши и Литвы в доминирующий военно-политический фактор во всем Прибалтийском регионе.

Тем не менее победоносным соседям побежденного ордена по-прежнему было чему у него поучиться. Так, к числу несомненных заслуг тевтонской администрации следует отнести, к примеру, доведенную до подлинного совершенства организацию управления орденским государством, нашедшую свое отражение, в частности, в инвентарных списках военного имущества, тщательно регистрировавшегося во всех орденских комтурствах (командорствах), а начиная с 1400 г. сводившихся воедино и обобщавшихся в «Большой должностной книге» (нем. «Дас Гроссе Эмтербух») — первоначально в орденской столице Мариенбурге, а после сдачи Мариенбурга полякам наемными чешскими и силезскими воинами ордена, взбунтовавшимися из-за задержки выплаты причитавшегося им жалованья, — в Кенигсберге.

И вообще, военная бухгалтерия ордена по сей день является поистине неоценимым источником сведений по военной истории. Немалый интерес представляют также сведения, которые можно почерпнуть из журналов ведомства верховного казначея—скарбника, или тресслера ордена (от старонемецкого слова «трессель», означавшего орденскую казну), ведшихся в Мариенбурге-на-Ногате начиная с 1399 г. В журналах орденского казначея регистрировались все расходы на вооружение и оснащение орденских замков и крепостей, в том числе огнестрельным оружием.

Они содержат, в частности, немало ценной информации о составе пороха, использовавшегося при стрельбе из крепостной и полевой артиллерии ордена, а также ручного огнестрельного оружия, о металлах для сплавов, применявшихся при литье орденских пушек и ручниц, о технологических методах, применявшихся при изготовлении других видов вооружения орденских войск, и т.п.

а) Оснащение огнестрельным оружием

Наличие огнестрельного оружия, состоявшего на вооружении войск ордена, было впервые засвидетельствовано на территории орденского государства в Пруссии в замке Лейпе (по-польски Липинек), оснащенного пушками (неточно именуемыми иногда бомбардами; почему неточно, мы скоро узнаем!) уже в 1374 г. В течение последующих 15 лет пушками были оснащены еще семь орденских замков, также расположенных в Пруссии. С учетом того, что на протяжении следующих 50 лет пушками были оснащены 58 замков ордена в Пруссии, можно считать, что первоначально огнестрельное оружие (эйзеншланген, или «железные змеи», как их тогда называли, по аналогии с изрыгающими дым и пламя змеями-драконами из германских героических сказаний) распространялось не слишком-то быстро.

А если вспомнить, что на территории собственно Германии литье бронзовых пушечных стволов, существование мастеров-пушкарей (бюксенмейстеров) и достаточно широкое применение огнестрельного оружия были засвидетельствованы уже не позднее середины XIV в., это сравнительно позднее введение огнестрельного оружия как раз в предельно военизированном орденском государстве тевтонов может показаться достаточно странным. Возможно, данный феномен объясняется нетипичным по своей продолжительности мирным периодом в истории ордена, наступившим после Крестового похода на Литву в 1345 г. и успешного отражения вооруженными силами ордена литовских контрударов, направленных против Кенигсберга. Тем не менее к концу XIV в. уже все укрепления в прусских владениях ордена были оснащены огнестрельным оружием (ибо наличие там многочисленной артиллерии неоднократно засвидетельствовано как в орденских, так и в польских хрониках и документах).

Здесь нам представляется необходимым сделать следующую оговорку. Говоря о пушках или бомбардах, состоявших на вооружении войск ордена, мы пользуемся достаточно неточным переводом средневерхненемецкого термина «боксе» (bochse), или «бюксэ»

(buechse), что в переводе означает буквально «банка». Об этих орудиях точно известно, что, в отличие от первых западноевропейских бомбард, стволы которых изготавливались первоначально из продольно сваренных железных полос, скреплявшихся, наподобие бочек, набивавшимися на ствол металлическими обручами, тевтонские бюксы с самого начала имели кованые или литые стволы. Судя по всему, и в том числе по сохранившимся средневековым миниатюрам описываемого периода, речь шла о примитивных огнестрельных орудиях с весьма коротким стволом, действительно напоминавшим по конфигурации банку. Кстати, от этого же слова происходит и название всем нам хорошее известного аркебуза (или аркебузы), которое звучит по-немецки как «гакенбюксэ», то есть буквально «банка (пушка) с крюком», что соответствует древнерусскому и малороссийскому термину «гаковница» (от слова «гак» — «крюк»).

Известно также, что в войне с Польшей и Литвой в 1409— 1410 гг., в том числе в битве под Танненбергом, орденские войска имели артиллерию, которая, однако, не оказала заметного влияния на исход всей войны вообще и решающей битвы в частности. Тевтонские пушкари успели дать только один залп по атакующей татарско-литовской коннице хана Джелал-эд-Дина. Артиллерия имелась и на вооружении противников ордена, но и те использовали ее в весьма ограниченных масштабах, да и то лишь в качестве «завершающего аккорда» сражения. Битва при Танненберге (вопреки широко распространенным представлениям, основанным не столько на исторических документах, сколько на, безусловно, талантливом, но оттого не перестающим быть крайне тенденциозным литературном произведении, романе нобелевского лауреата Генрика Сенкевича «Крестоносцы» и на экранизации этого романа Александром Фордом) представляла собой исключительно конное сражение. И лишь после разгрома тевтонской конницы польский главнокомандующий Зындрам из Машковиц заявил, что «рыцари свое дело сделали, а теперь настал черед показать себя и пехоте». Речь шла о необходимости взять штурмом тевтонский укрепленный лагерь из повозок (вагенбург), в котором засела пехота ордена, его вассалов и союзников. Штурму предшествовала артиллерийская подготовка. Польско-литовские пушкари выпалили по вагенбургу в упор из всех стволов, после чего пехоте победителей осталось добить уцелевших «крыжаков» холодным оружием. Именно в бою за вагенбург (а не в предшествовавших ему конных схватках) погибло больше всего участников сражения.

Почти сразу же после поражения армии орденских рыцарей, их вассалов и союзников в битве под Танненбергом в 1410 г., при энергичном гофмейстере Генрихе фон Плауэне, в области вооружения тевтонов произошли значительные изменения. В то время как количество огнестрельного оружия в орденских арсеналах в течение 10 лет до роковой дня ордена битвы возросло всего лишь на 62 процента, после поражения началась поистине лихорадочная «гонка вооружений» (конечно, в средневековых масштабах, достаточно ограниченных по сравнению с современной!), приведшая к тому, что запасы огнестрельного оружия орденской армии всего за пять лет возросли в 4,5 раза!

б) Лотбюксы

Большую часть огнестрельного оружия в тевтонском орденском государстве составляли так называемые «лотбюксы» (нем. Lotbuechsen, Lotbochsen). В зависимости от калибра, они фигурируют в документах и летописях либо под названием «малые лотбюксы» (kleine Lotbuechsen) — в этом случае, по-видимому, речь идет о ручном огнестрельном оружии (ручницах или ручных бомбардах) — либо же под названием «большие лотбюксы» (нем. grosse Lotbuechsen). Для стрельбы из последних требовался лот (нем. Lot). Это средневековое немецкое слово соответствует современному немецкому же слову «ладе» (Lade), означающему буквально «полка» (ср. также с родственным русским словом «лоток» — «маленький лот»). Этим словом обозначалось выдолбленное бревно, служившее в качестве ложа (о лафете в данном случае говорить было бы еще слишком рано) для закрепления на нем металлического орудийного ствола (кстати, от слова «ладе» происходят

современные немецкое слово *laden* и английское слово *load*, означающие заряжать, равно как и немецкое слово *Ladung*, означающее «заряд»).

Таким образом, большие лотбюксы можно смело отнести к категории мелкокалиберных артиллерийских орудий. Лот, или ложа, в свою очередь, закреплялся для ведения стрельбы на поперечном брус, скамье или просто бревне (в случае полевого сражения) или в промежутке между зубцами крепостной стены, в бойнице и т.п. (при отражении неприятельской осады). Стрельба из больших лотбюксов велась главным образом свинцовыми ядрами, стрельба из малых (ручных) лотбюксов — соответственно, свинцовыми пулями. Впрочем, точно определить разницу в калибре ныне представляется достаточно сложным. Обычно упоминаются свинцовые ядра диаметром до 55 мм; однако в некоторых источниках идет речь и о действительно крупнокалиберных лотбюксах, так называемых «величайших бюксах» (*нем. groesste buechsen*), калибр которых в некоторых случаях достигал 100 мм.

Так, на основании одной из записей, содержащейся в «Большой должностной книге», можно сделать вывод, что в 1432 г. орденский замок Нессау (по-польски Нешава), расположенный близ Торна, был вооружен 18 лотбюксами, из которых 9 были медными, а другие 9 — железными (*нем. achtzehn lotbuechsen daronder sien neun coppeme, neun iseren*). Вообще же число железных пушек и ручниц в орденской Пруссии, судя по всему, превышало число медных (и бронзовых). Следует заметить, что уже в 1420 г. было засвидетельствовано наличие в составе орденской артиллерии нового типа орудий, заряжавшихся с казенной части (так называемых «каммербюкс» — или по-русски каморных пушек) — орудий со сменными пороховыми каморами, при помощи клина плотно прижимавшимися сзади к собственно стволу, орудий на примитивных колесных лафетах (так называемых «шарфметц», буквально «злых девок») и т.д.

в) Штейнбюксы

Термин «штейнбюксы» (*нем. Steinbuechsen*, что можно перевести, с одной стороны, как «каменометы» или «орудия для стрельбы камнями», а с другой — как «орудия для разрушения каменных укреплений», то есть «стенобитные орудия»), впервые засвидетельствованный на территории тевтонского орденского государства в Пруссии не позднее 1385 г., использовался в качестве собирательного понятия для обозначения артиллерийских орудий самого различного калибра, со стволами, изготовленными из самых различных металлов и сплавов (железа, меди или бронзы).

Эта исключительно осадная артиллерии, предназначенная для разрушения каменных стен и составлявшая примерно 25 процентов от общего числа огнестрельных орудий, имевшихся в орденских арсеналах, являлась наиболее эффективным, но в то же время и самым дорогостоящим видом тевтонской артиллерии. Поскольку в орденских расходных книгах регистрировались исключительно затраты на приобретение материалов для изготовления соответствующих видов вооружений и лишь изредка указывались габариты орудий, сегодня очень сложно соотнести упоминаемые в инвентарных описаниях малые бюксы, средние бюксы или большие бюксы с конкретными калибрами.

На основании регистрационных записей вроде: «Две пушки, кои стреляют камнем размером с голову» (*нем. zwey bochsen dy schisen eynen steyn als eyn haupt gros*) невозможно точно определить калибр этих орудий. Начиная с 1409 г. встречаются упоминания о новой военной разработке — так называемой «длинной бюксе (длинной пушке)», или «лангбюксе» (*нем. lange boechse, lange buechse*). Значительно возросшая масса ствола этого орудия делала его более тяжелым и, соответственно, менее транспортабельным, зато благодаря более длинному стволу орудия возрастала эффективность используемого для стрельбы порохового заряда, что обеспечивало за «длинными пушками» такие технические преимущества, как гораздо большая пробивная сила снаряда, большая дальность стрельбы и

более высокая точность попадания. Со временем этот тип орудия эволюционировал в так называемую «серпентину» (по-немецки «фельдшланге», что означает буквально «полевая змея», или «полевой змей»).

г) Каменные ядра

Сохранившиеся до наших дней каменные ядра, которыми в орденском государстве тевтонов при осадах крепостей и городов стреляли из стенобитных (и в то же время камнемётных) орудий-штейнбюксов, состоят из твердых пород гранита. Для обтесывания этих каменных ядер орденские пушкарки использовали стальные инструменты, обозначаемые в расходных книгах орденских бухгалтеров термином «биккены» (нем. Bicken). В книги прилежно заносились также все расходы на заточку и закаливание этих инструментов. Соответствие размера каменных ядер установленным габаритам (важный показатель качества, проверка которого была абсолютно необходима для предупреждения застревания ядра в канале ствола и разрыва ствола орудия при выстреле) контролировалось при помощи специальных железных обручей и колец либо деревянных шаблонов, посредством которых осуществлялась выбраковка некондиционных ядер.

д) Компоненты сплавов для орудийных стволов.

В бухгалтерских книгах ордена Пресвятой Девы Марии содержится немало точных сведений о компонентах бронзовых сплавов, применявшихся при литье стволов орденских пушек. Первоначально для литья стволов использовалась чистая, беспримесная медь, отличавшаяся большой твердостью, но быстро изнашивавшаяся и требовавшая, вследствие своей малой прочности, соответствующего изменения габаритов в сторону укорачивания ствола и уменьшения калибра. Доля олова, добавлявшегося в пушечную медь, колебалась в пределах 5—22 процентов.

Особенно много олова добавлялось в стволы крупнокалиберных орудий с целью придания им максимального запаса прочности. Однако высокое содержание олова в орудийных стволах имело и свою слабую сторону. Олово — металл достаточно хрупкий, и потому повышение его содержания в бронзовых стволах приводило к их более частым разрывам в процессе стрельбы. Засвидетельствовано, что в среднем около 3 процентов от общего числа отлитых пушек Тевтонского ордена разрывались при стрельбе.

е) Боеприпасы

В 1409 г., всего за год до Танненбергской битвы, орден в очередной раз выступил в поход против возникшего в 1386 г., в результате женитьбы принявшего христианство великого князя Литовского Ягайлы (Ягелло) на польской королеве Ядвиге, Польско-Литовского государства. Обеспечение успеха этого крупномасштабного военного предприятия потребовало от ордена немалых усилий в области вооружения, вербовки наемников (после крещения Литвы — хотя и во многом формального! — резко уменьшилось число крестоносцев-добровольцев из Центральной и Западной Европы, до этого ежегодно тысячами стекавшихся под знамена ордена для участия в вооруженных паломничествах-рейсах в земли литовских язычников) и закупок новых видов оружия.

В мариенбургской приходно-расходной книге орденского казначея за 1409 г. содержится запись о закупке орденом в этом году 23 779 фунтов селитры и 10 тонн липового древесного угля для изготовления пороха. С учетом тогдашнего обычного содержания этих компонентов в порохе (4 части селитры на 1 часть серы и 1 часть угля) можно заключить, что закупленных в 1409 г. военным ведомством ордена материалов было достаточно для изготовления примерно 17 тонн первосортного для того времени пороха. В пересчете на имевшиеся на тот момент в орденских замках запасы пороха и зарегистрированное количество орудийных снарядов, и исходя из того, что на произведение одного выстрела в среднем расходовалось от 3,3 до 4,0 кг пороха, можно, на основании имеющейся информации о закупках компонентов, сделать вывод о том, что орденская артиллерия произвела в 1409 г. не менее 5000 выстрелов.

ж) Арбалеты и луки

Однако действительно адекватное представление о богатстве арсеналов и огневой мощи артиллерийского парка орденового государства тевтонов можно составить себе лишь с учетом столь важного по тем временам вида оружия, как арбалеты.

В начальный период введения огнестрельного оружия в «Должностных книгах» ордена было зарегистрировано наличие в арсеналах около 5000 баллист (арбалетов), что вполне соответствует общему числу воинов ордена в Пруссии (без учета орденовых контингентов в Ливонии и на территории Священной

Римской империи), несших службу с оружием в руках в 1379 г.: 824 брата-рыцаря (составлявших тяжелую конницу), а также около 6000 конных и пеших братьев-сариантов и прочих воинов (кнехтов), частично также конных.

Кстати, в войске ордена служили также превосходные лучники. На вооружении орденовых лучников состояли так называемые «длинные луки», изготовлявшиеся из тиса (кстати, тисовые палки для луков знаменитых английских лучников доставлялись в Англию именно из прусских владений Тевтонского ордена!), клена, ореха или ясеня. Тетивы для них плелись из льняных или конопляных волокон.

Стрела, выпущенная из длинного лука, пролетала около 600—700 м, а на расстоянии 200 м меткий лучник мог вывести из строя противника, не защищенного доспехами (пробивную способность стрелы из лука не следует преувеличивать — во всяком случае, она не могла на расстоянии 200 м «пробить стальной шлем» или «насквозь пронзить стальные латы», как бы этого ни хотелось историческим романистам или «популяризаторам истории!»). Тем не менее орденовые лучники и арбалетчики представляли собой грозную силу, ибо хорошо управляемый, сосредоточенный огонь многочисленных стрелков, каждый из которых был способен выпустить до 10 стрел в минуту, мог рассеять большое неприятельское войско.

Кроме того, арбалетчики и лучники приносили ощутимую пользу при осадах и штурмах замков, крепостей и осажденных городов. Под градом выпущенных ими болтов и стрел осажденные были вынуждены прятаться за зубцами крепостных стен и башен, не имея возможности оказать штурмующим достойного сопротивления.

Были среди орденовых арбалетчиков и подлинные снайперы (вроде неоднократно упоминавшегося нами баллистария Генриха фон Таупаделя).

Необходимо отметить, что и после повсеместного распространения огнестрельного оружия и его лихорадочно-активного внедрения в орденовую армию в качестве реакции на проигрыш тевтонами битвы при Танненберге (согласно польским сведениям, орден вывел в поле при Танненберге 21 000 конных и около 9000 пеших воинов, которым противостояло объединенное польско-литовское войско, имевшее в своем составе 29 000 конных рыцарей и 2500 пехотинцев; по немецким сведениям, войско ордена состояло из 10 000—12 000, а войско противостоявшей ему польско-литовской коалиции — из 20 000 воинов, конных и пеших; вероятно, истина, как всегда, лежит где-то посередине), арбалет еще долго конкурировал с лотбюксами, по-прежнему сохраняя свое военное значение.

Так, в период войн ордена с поляками и прусскими мятежниками в 30-е гг. XV в. в тевтонских арсеналах наряду с 830 единицами огнестрельного оружия все еще насчитывалось около 4380 легких ручных и тяжелых станковых арбалетов (аркубалист). И лишь в конце XV в., по мере исчезновения с полей сражения тяжелой рыцарской конницы с ее длинными копьями в качестве основной ударной силы орденового войска, пальма первенства окончательно перешла к огнестрельному оружию. Именно искусное владение орденовой артиллерией разных калибров, аркебузами и мушкетами помогло прусским тевтонам и их ливонским собратьям по ордену выстоять до самой Ливонской войны.

Тяжесть войн тевтонов с взбунтовавшимися подданными и Польско-Литовским государством усугублялась вторжениями на орденские земли войск еретиков-гуситов — «страха и ужаса» всей тогдашней Центральной и Западной Европы.

«К ПОСЛЕДНЕМУ МОРЮ»

Как это ни странно, но «благочестивейший» польский король-католик Владислав Ягайло заключил с многократно проклятыми папами римскими еретиками-гуситами союз и пропустил через свои земли их отряды, в июле 1430 г. огнем и мечом опустошившие при поддержке польских войск орденские владения Неймарк (Новую Марку) и Помереллию, взяв штурмом города Фридеберг, Вольденберг, Ландсберг, Соль дин, Кониц, Тухель, Диршау. Взбунтовавшиеся подданные Тевтонского ордена из Союза городов и Прусского союза также не гнушались нанимать на службу еретиков-гуситов.

Хронический денежный голод не позволял гохмейстеру ордена не только на вербовать необходимое число наемников, но и выплатить жалование тем 6000 наемных воинов, которые доверились его честному рыцарскому слову и теперь во весь голос требовали причитавшихся им денег.

Приведенный в отчаяние их все более настоятельными требованиями, гохмейстер Пауль фон Русдорф столкнулся с отказом многих городов и замков, формально сохранивших ему верность, выставить отряды ополченцев и предоставить средства, необходимые для продолжения войны. Данцигские «отцы города» согласились вывести в поле ополчение лишь в том случае, если его возглавит сам гохмейстер. Между тем гуситы и поляки не заставили себя долго ждать и осадили Данциг. Город им, однако, взять не удалось. Спалив Оливский монастырь, они опустошили орденские владения огнем и мечом до самого устья Вислы и вышли на берег Балтийского моря. Там главарь гуситов Чапко поздравил своих ратников с тем, что привел их, наконец, «на край земли». В память об этом знаменательном событии более 200 знатных поляков и чехов были прямо под открытым небом посвящены на Балтийском побережье в рыцари.

Мало того, в рыцари был посвящен и сам предводитель еретиков, отлученный папой римским от церкви гусит Чапко! После чего гуситы, испустив победный клич, наполнили свои походные фляжки водой из Балтийского моря, чтобы доставить домой сей зримый знак победоносного завершения своего великого похода. Все это весьма напоминает историю о Чингисхане и Батые, тоже мечтавших привести свои орды к «последнему морю». Несколько странным выглядит лишь не в меру активное участие «христианского рыцарства» польского короля-католика, верного сына Римской церкви, и недавно «окрещенной» Литвы в великом походе отлученных от церкви гуситов, чьи ересиархи Ян Гус и Иероним Пражский были осуждены и сожжены на Констанцском соборе Римско-католической церкви в 1415 г.

ЭПОХА ТРОЕВЕРИЯ

В результате долгой, изнурительной и кровопролитной гражданской войны прусское государство Тевтонского ордена было разделено, его западная часть со столичным городом Мариенбургом попала под власть Польши, гохмейстер перебрался в Кенигсберг. Насколько мало тогдашние войны между польско-литовским феодальным государством и Немецким орденом походило на межнациональные конфликты Нового времени, явствует из следующего обстоятельства. Одно из главных условий, поставленных поляками перед тевтонами при заключении Второго Торнского (Торунского) мира в 1456 г., заключалось в предоставлении польским магнатам (крупным феодалам-вельможам) и шляхте (мелкому дворянству) права вступать в Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии, которого они давно упорно добивались!

Вскоре после переезда гохмейстера тевтонов в город Кенигсберг произошла упоминавшаяся выше секуляризации прусских владений ордена последним верховным магистром Альбрехтом Гогенцоллерном в 1525 г. В результате секуляризации и уклонения бывшего гохмейстера Альбрехта Бранденбургского в лютеранскую ересь пост главы ордена

Марии оказался вакантным. Руководство взял на себя дейчмейстер, или магистр Германии («магистр Тевтонии»), брат Вальтер фон Кронберг. Он перенес резиденцию ордена в город Мергентгейм (Мергентхайм) и принял титул «администратора (исполняющего обязанности) должности верховного магистра в Пруссии и магистра в германских и романских землях», а позднее — титул «гохунд-дейчмейстер» (верховный и германский магистр).

XVI в. принес ордену новые ощутимые потери. Кроме утраты орденских земель в Пруссии, тевтонам пришлось уйти и из многих других провинций. В Чехии владения Тевтонского ордена были по большей части опустошены еще в ходе Гуситских войн XV в. и большинство членов ордена перебито (как и большинство членов ордена иоаннитов). Орденские владения тевтонов в Греции были завоеваны турками. В результате орден смог сохранить только свои владения на территории Священной Римской империи германской нации. В эпоху Реформации многие орденские владения попали под власть князей-протестантов. Некоторые рыцари и даже магистры ордена приняли новую веру, вскоре появилось уже немало членов ордена лютеранского и даже кальвинистского вероисповедания.

Принцип Аугсбургского вероисповедания «Чья власть, того и вера» не пощадил и Тевтонский орден. Однако вследствие сохранившегося высокого авторитета ордена как института многие переменившие веру братья-рыцари и братья-священники пожелали остаться членами ордена, не рассматривали свою новую веру как препятствие к этому. Сложилась уникальная в своей парадоксальности ситуация, когда под руководством католического верховного и германского магистра продолжали нести служение братья-рыцари и братья-священники (число братьев-сариантов к описываемому времени резко сократилось и сошло почти на нет) трех различных вероисповеданий (римско-католического, евангельски-лютеранского и кальвинистско-реформатского), одни из которых хранили, а другие, напротив, нарушали обет целомудрия, то есть безбрачия (сходные процессы происходили, кстати, и в среде рыцарей другого—иоаннитского—ордена на территории Священной Римской империи). В германских землях Саксонии, Тюрингии и Гессене члены ордена поголовно перешли в лютеранство, и тем не менее некоторые тамошние комтурии по-прежнему возглавлялись комтурами-католиками, по-прежнему назначаемыми верховным магистром. Эта фаза в истории ордена вошла в его анналы как эпоха троеверия или триконфессионализма).

ОБ ОРДЕНСКИХ ПЕЧАТЯХ МАРИАН

В соответствии с уставом Тевтонского ордена братьям-рыцарям запрещались всякая личная переписка и использование личных (родовых) печатей. Однако должностные печати в ордене существовали. Они являлись символом полноты власти члена Тевтонского ордена, вступившего в должность. При получении подобной печати орденский рыцарь наделялся полномочиями в полном объеме, безо всяких ограничений. Если же комтур, фогт или иной орденский чиновник не получал соответствующей печати (как знака отличия его должности), это означало, что он был ограничен в своих правах должностного лица (например, не мог самочинно продавать или отдавать в залог орденскую собственность и т.п.).

Символика орденских печатей вообще не была связана с наиболее распространенным орденским символом (за исключением, пожалуй, печатей меченосцев).

Хотя вышеуказанный отличительный знак мариан — черный крест на белом плаще — был усвоен тевтонскими рыцарями практически сразу же после окончательного оформления их ордена, на печатях верховного магистра и орденского капитула (высшего Совета ордена) изображалась Богородица с Младенцем Иисусом, держащая в другой руке скипетр (иногда с навершием в виде лилии). Это изображение, вполне отражавшее полное название ордена как братства во имя Пресвятой Богородицы (Девы Марии), хотя и с незначительными изменениями, сохранилось до конца XV в. Одновременно с этой так называемой Большой

орденской печатью с 30—40-х гг. XIV в. вошла в обиход так называемая Малая магистерская печать, именовавшаяся также «секретной печатью» (*Secretsiegel*), с изображением должностного герба тевтонского верховного магистра, представлявшего собой белый щит с прямым черным крестом и наложенным на этот черный крест более узким золотым крестом с утолщенными Т-образными концами, замененными в конце XV в. лилиями (впрочем, нередко геральдические лилии просто увенчивали собой Т-образные концы золотого креста). На пересечении перекладин креста был расположен щиток с черным одноглавым распластанным некоронованным орлом, смотрящим влево от зрителя — эмблема, указывающая на принадлежность гохмейстера Тевтонского ордена, «по должности», к числу князей Священной Римской империи германской нации.

По орденскому преданию, не кто иной, как римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен (1220—1250), внук Фридриха I Барбароссы, даровал тевтонским верховным магистрам право ввести черного императорского орла в состав магистерской эмблемы, а французский король Людовик Святой дозволил им использовать французские королевские лилии на концах креста — в знак доблести, проявленной тевтонами в борьбе с врагами христианства. Магистры провинций Тевтонского ордена (ландмейстеры) имели собственные должностные печати. На печатях немецких ландмейстеров (дейчмейстеров) изображение было такое же, как и на печати гохмейстеров; различались они только надписями (в надписи на своей печати немецкий ландмейстер именовался не магистром, а прецептором).

Прусские ландмейстеры также именовались в надписях на своих печатях прецепторами (*лат.* *praeseptor*). Но на их печатях начиная с вышеупомянутого Германа Балка был изображен известный евангельский сюжет, связанный с земным житием покровительницы ордена — Пресвятой Девы Марии — бегство Святого Семейства из Вифлеема в Египет (святой Иосиф Обручник ведет за собой под уздцы мула с Богородицей и Божественным Младенцем в правую от зрителя сторону). Став наряду с прусским «по совместительству» еще и ливонским ландмейстером, Герман Балк сохранил на своей должностной печати прежнее изображение бегства Святого Семейства в Египет, но добавил к прежней надписи слова: «...и ливонский». Преемники Балка в должности ливонского земского магистра до середины XV в. использовали так называемые печати «Пуэрпериум» (*Puerperium*, от латинского слова «риег» — «мальчик»), с изображением Рождества Богомладенца Иисуса Христа.

Официально печать «Пуэрпериум» именовалась «Личной (внутренней) печатью Ливонии (Лифляндии)», по-немецки *Inesiegel von Livland*, и торжественно вручалась тевтонским верховным магистром вновь избранному ландмейстеру Ливонии вместе с другими регалиями, в том числе золотым перстнем, украшенным сапфиром, и облачением члена Высшего конвента ордена. В XIII—XIV вв. при выборе ландмейстера ливонский орденский конвент избирал двух кандидатов на должность магистра Лифляндии и представлял их на окончательное утверждение верховному магистру всего Тевтонского ордена, который утверждал одну из представленных на его рассмотрение кандидатур. Что же касается комтуров (командоров, или коммендаторов) и фогтов в пределах Ливонии, то их рыцари лифляндского филиала Тевтонского ордена выбирали и назначали самостоятельно, не связываясь по этому вопросу с ведомством верховного магистра в Пруссии.

На печати ливонского ландмейстера были изображены возлежащая Богоматерь и стоящая у Ее ног фигура с посохом (символизировавшая пришедших поклониться Христу пастухов), а в верхней части печати — колыбель с Богомладенцем и склонившиеся над ним головы вола и мула. В круговой латинской надписи по краю печати указывался ее обладатель: «*S(igillum) Comendatoris Dom(i) Theuton(icorum) in Livonia*», то есть «П(ечать) Коммендатора Тевтонского Дома в Ливонии»; следовательно, должность руководителя ливонского филиала Тевтонского ордена в описываемое нами беспокойное время приравнивалась к орденской должности комтура (командора = коменданта = коммендатора).

Именно так именовались тоща и комтуры (коменданты) отдельных крепостей Тевтонского ордена, например коммендатор Гольдингена, коммендатор Митавы и т.д. Из этого явствует, что в описываемый период ранг ливонского земского магистра в тевтонской внутриорденской иерархии был ниже, чем у земских магистров Пруссии или Германии, поскольку как прусский ландмейстер, так и дейчмейстер именовались на печатях не коммендаторами, а прецепторами. Печать «Пуэрпериум» с изображением Рождества Христова использовалась ливонскими ланд-мейстерами до 1468 г. с небольшими вариациями: в XIII в. головы Богоматери и Богомладенца были обращены в правую от зрителя сторону, а с начала XIV в. — в левую. В середине XV в. стала использоваться одновременно с нею, а затем и заменила ее Большая (маестатная) печать ливонского ландмейстера (по-немецки *Majestaetssiegel*) с изображением бегства Святого Семейства в Египет (святая Иосиф шествует за мулом, справа от зрителя; вся композиция развернута вправо).

Похожее изображение ранее использовалось на печати прусского ландмейстера Тевтонского ордена, но должность прусского ландмейстера (а вместе с ней — и соответствующая печать) была упразднена в 1324 г., поскольку с этого года Пруссией начал управлять непосредственно сам верховный магистр Тевтонского ордена. Дело в том, «по верховный магистр, обеспокоенный разгромом ордена тамплиеров, решил в 1309 г. перебраться подальше от римского папы и перенес свою резиденцию из Венеции в первоклассную крепость Тевтонского ордена Мариенбург в Западной Пруссии. С тех пор интересы Тевтонского ордена оказались сосредоточены в первую очередь на Прибалтийском регионе.

Однако подлинно революционным изменением явилась не смена на ливонской ландмейстерской печати одного религиозного сюжета на другой, а появление на ней родового герба ливонского ландмейстера. Этот шаг был прямым вызовом уставу Тевтонского ордена и самому верховному магистру в Мариенбурге, на чьих печатях (как на Большой, так и на Малой) личный (родовой) герб отсутствовал до конца XV в. Впервые родовой герб верховного магистра Тевтонского ордена на орденской печати появился только при гохмейстере Фридрихе (сыне герцога Саксонского), стоявшего во главе Немецкого ордена в 1497—1510 гг. Вплоть до его избрания верховный магистр избирался из числа орденских братьев. Но к концу XV в. положение тевтонского орденского государства в Пруссии крайне осложнилось.

После поражения, нанесенного ордену Приснодевы Марии объединенным польско-литовским войском в 1410 г. при Танненберге, Польское королевство значительно урезало территорию орденского государства. Внутриорденские противоречия доходили до военных столкновений. Против Тевтонского ордена восстали его же собственные вассалы и подданные, объединившиеся в «Союз ящериц(ы)» (Эйдексенбунд), а затем — Прусский союз (Прейссишер Бунд), и призвавшие на помощь польского короля. Вследствие христианизации Литвы приток новых рыцарей в орден и добровольцев-крестоносцев резко сократился. Необходимость выплаты огромной контрибуции полякам и жалования наемникам, которыми приходилось пополнять недостаток собственных воинов, ухудшили финансовое положение ордена и вынудили его повысить налоги с подчиненных ему городов (Данцига, Кульма и др.), что в свою очередь вызвало их недовольство, вылившееся в нескончаемую цепь мятежей и вооруженных восстаний.

В столь тяжелой ситуации высшие орденские чины решили, в нарушение традиции, избрать в верховные магистры не своего брата-рыцаря, а, так сказать, «варяга» — знатного князя Священной Римской (Германской) империи Фридриха Саксонского (в надежде получить военную и материальную помощь от последней, по принципу «Европа нам поможет»). Никакой действенной помощи Тевтонский орден от империи не получил, но прецедент введения родовых гербов в состав должностной печати состоялся.

Избранный гохмейстером тевтонов после Фридриха Саксонского верховный магистр Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах (также до своего избрания в ордене не состоявший и приглашенный тевтонами «со стороны») поддержал эту традицию и, подобно своему саксонскому предшественнику, ввел в гохмейстерскую печать свои родовые эмблемы. Ослаблением центральной орденской власти, кстати, не преминули воспользоваться и магистры Германии (дейчмейстеры), хотя родовой герб появился на их печатях позднее, при дейчмейстере брате Ульрихе фон Лентерсгейме, в 1464 г. (но в отличие от печатей ливонских ландмейстеров на печатях дейчмейстеров чеканилась не только должность, но и имя немецкого магистра, чего в Ливонии не практиковалось до самой ликвидации тамошнего отделения Тевтонского ордена).

Как уже неоднократно говорилось выше, отношения между «ливонской провинцией» и «метрополией» Тевтонского ордена были далеко не равными. В XIII в., когда новый тевтонский филиал в Ливонии только делал первые шаги, нуждаясь в постоянной помощи и подпитке из Пруссии, ливонский ландмейстер безоговорочно подчинялся верховному магистру и беспрекословно выполнял все его указания. Нередко земский (земельный) магистр из Ливонии переводился на такую же должность в Пруссию и наоборот, как это было с Дитрихом фон Гренингеном (Грюнинге-ном) или Конрадом фон Фейхтвангеном. Известны даже случаи избрания ливонского ландмейстера верховным магистром (Анно фон Зангерсгаузен в 1256 или тот же Конрад фон Фейхтванген в 1291 г.).

Мало того — в 80-е гг. XIII в. была даже предпринята попытка объединить в одних руках управление прусской и ливонской провинциями Тевтонского ордена — тоща, в частности, прусский ландмейстер Манн(е)гольд одновременно исполнял обязанности ливонского вице-магистра, но она оказалась неудачной. Специфика задач, стоявших перед различными отделениями Тевтонского ордена, да и географическая изолированность этих двух отделений друг от друга — между владениями прусского и ливонского ландмейстеров лежала литовская область Самогития (по-польски Жмудь, по-литовски Жемайте), которую тевтонам так и не удалось своевременно окрестить! — оказались на поверку негативными геополитическими факторами непреодолимой силы. В описываемое время Тевтонский орден мог выставить 10-тысячное, а его ливонский филиал — 7-тысячное войско.

В XIV в. в рамках самого ливонского отделения Тевтонского ордена разгорелась неприкрытая борьба между сторонниками так называемой «рейнландской» партии (ориентировавшимися на верховного магистра в Пруссии и его франконцев) и «вестфальской» партией, стремившейся к проведению ливонским филиалом ордена мариан независимой или, по крайней мере, самостоятельной политики, в духе традиций гаадиферов. Поначалу влияние орденской «метрополии» было преобладающим, и верховному магистру удавалось держать ливонский филиал своего ордена (кстати, значительно превышавший свою «метрополию» по территории) под контролем.

Это выражалось, в частности, в следующем: до конца XIV в. все ключевые орденские должности в Ливонии занимали преимущественно представители партии рейнландцев. Однако в начале следующего столетия партия вестфальцев перешла в контрнаступление и стала вытеснять рейнландцев с важнейших постов.

Особенно заметным этот процесс стал после разгрома войска Тевтонского ордена поляками и литовцами в вышеупомянутой битве под Танненбергом (по-польски Грунвальдом, по-русски Грюнвальдом, по-литовски Жальгирисом) 15 июля 1410 г. Интересно, что ливонский филиал Тевтонского ордена в этой битве не участвовал, поскольку имел с литовским князем Витовтом двусторонний договор о ненападении (!).

И это при том, что на стороне Тевтонского ордена при Танненберге сражались, кроме прусских вассалов ордена и рыцарей-добровольцев из Австрии, Баварии, Вестфалии, Фризии и Швабии, французские крестоносцы — в частности, нормандский рыцарь Жан де Ферьер,

сын сеньора де Вьевиль и сеньор Дюбуа д'Аннекэн из Пикардии, крестоносцы из Чехии и Венгрии (в том числе палатин Миклош Гарай), трансильванский воевода Стибор (как и Гарай, прославившийся в битве крестоносного войска короля Сигизмунда Венгерского с турками-османами под Никополем в 1396 г.) и даже два польских князя—Казимир Щецинский и Конрад Олесницкий! Лишь в конце сентября 1410 г. орденское войско из Ливонии пришло на помощь своим прусским «старшим братьям», оказав им содействие в снятии польско-литовской осады с орденской столицы Мариенбурга и постепенном, путем не прямых действий, вытеснении польско-литовских войск из Пруссии! Кстати, и до злополучного 1410 г. ливонские контингенты мариан, если и участвовали в общеорденских военных кампаниях, всегда выступали отдельными отрядами и под своим собственным знаменем.

Весь XV в. был ознаменован закатом могущества Тевтонского ордена, вызванным как военными поражениями, так и вышеупомянутыми внутренними конфликтами. Диктат прусской «метрополии» над орденской Ливонией поневоле становился все слабее.

Дом Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии чувствовал себя все более самостоятельным и все менее зависимым от верховных магистров. Первый шаг к полной независимости был сделан ливонскими братьями-рыцарями в 1438 г., когда они впервые сами избрали себе магистра (хотя ливонские магистры по-прежнему должны были ездить в Пруссию «на поклон» к верховному магистру, который утверждал их в должности). К середине XV в. уже около 6 процентов орденских рыцарей в Ливонии являлись выходцами из Вестфалии и только 30 процентов — выходцами из Рейнской области. Следующим шагом Ливонской провинции Тевтонского ордена к независимости стала смена ландмейстерской печати.

В 1451 г. в ливонском филиале ордена мариан была введена новая Большая печать. В ее верхней части было по-прежнему изображено бегство Святого Семейства в Египет, а в нижней два щита— один щит с тевтонским крестом, а другой — с родовым гербом ландмейстера Иоганна фон Менгедде, предка известного лифляндского рода фон Менцен (две красные полосы на серебряном поле). Произошли изменения и в наименовании должности владельца печати. Отныне он именовался уже не коммендатором, как раньше, а магистром Ливонии (*Sigillum Magistri Livonie*=Печать магистра Ливонии), хотя его конкретное имя по-прежнему не было указано (в отличие от печатей дейчмейстеров).

С тех пор на Больших печатях ливонских ландмейстеров изображались родовые гербы практически всех ливонских магистров, включая последнего из них — Гоптарда фон Кетгелера (Кетлера), родовым гербом которого служил котельный крюк и который, как мы увидим, в ходе Ливонской войны преобразовал остатки вверенных ему орденских владений в светское герцогство Курляндское.

В середине XVI в. изображение на ливонской Большой печати несколько изменилось (с этого времени на ней, как и на печати прусских магистров, святой Иосиф Обручник идет впереди мула, ведя его под уздцы).

Наряду с двумя упомянутыми выше типами печатей ливонские магистры использовали и Малую, или секретную, печать (*Secretsiegel*), прикладывавшуюся к менее важным документам. Изображение на этой секретной печати, появившейся впервые около 1367 г. и использовавшейся до 1558 г., повторяет рисунок печати прусского ландмейстера, но развернуто в левую от зрителя сторону. В надписи на этой малой лифляндской печати, в отличие от большой, сразу же появились слова «магистр Ливонии» (*лат. Magister Livonie*, или *Magister Livoniae*).

В отличие от самого Тевтонского ордена, где следующими по важности лицами после верховного магистра являлись великий комтур и дейчмейстер (магистр Германии), в ливонском филиале ордена Девы Марии первыми заместителями ландмейстера являлись ландмаршал и коадьютор (первый помощник). На печати ливонского ландмаршала,

просуществовавшей, с незначительными изменениями, с 1346 по 1558 г., был изображен конный рыцарь с украшенным прямым крестом щитом и копьем с флажком-прапорцем, скачущий в левую от зрителя сторону.

КРАТКАЯ КРИТИКА ВОЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ ЛИВОНСКИМ ФИЛИАЛОМ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА И МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

После окончательного присоединения Новгородской земли к владениям великого князя Московского в 1478 г. в прибалтийском приграничье шла, по существу, непрерывная «малая» война. В январе 1480 г. ливонские рыцари произвели несколько нападений на Вышгородок, Гдов и Изборск. Летом 1480 г., воспользовавшись пребыванием («стоянием») основной части вооруженных сил Великого княжества Московского на реке Угре, где они держали оборону против сил золотоордынского хана Ахмата, ливонцы усилили набеги на московскую приграничную полосу. В августе 1480 г. орденское войско во главе с «маистром» (ландмейстером) двинулось на Псков. Простояв два дня под Изборском, ландмейстер подошел к Пскову, осадил его и начал обстреливать из пушек. Ливонцы высадили десант со стороны реки Великой, но псковичи отразили десант, захватив все орденские лодки. В конце концов, активная оборона псковичей вынудила ландмейстера снять осаду и отступить в пределы Ливонии.

Великий князь Московский, государь всея Руси Иван III решил, в свою очередь, перейти в наступление на ливонцев. 20-тысячная московская рать, усиленная псковскими и новгородскими вспомогательными контингентами, в конце февраля 1481 г. вторглась в Ливонию, продвигаясь в направлениях на Дерпт, Валк (по-латышски Валга) и Мариенбург (по-латышски Алуksне). В ходе боевых действий, продолжавшихся около четырех недель, московской рати удалось овладеть двумя важными ливонскими крепостями — Феллином (Вильянди) и Тарвастом.

Не имея достаточно собственных сил и не слишком доверяя наемникам, руководство ливонского филиала Тевтонского ордена не решилось выйти в поле и дать московитам генеральное сражение, предпочтя пойти на заключение временного перемирия (по-немецки «Бейфриден»), подписанного в 1482 г. В 1493 г. заключенное перемирие было продлено еще на 10 лет. По настоянию московской стороны заключение перемирия было обставлено целым рядом унижительных для ордена церемоний. Ливонцы были вынуждены вести мирные переговоры не с самим великим князем Московским, а с его новгородским наместником, с которым они и заключили перемирие, в чем вынуждены были «бить челом о покое (мире. — В.А.)». Тем не менее вторжения небольших московских контингентов в Ливонию продолжались, и было совершенно ясно, что возобновление «большой» войны не за горами.

В 1492 г. государь всея Руси Иоанн III повелел возвести на правом берегу реки Наровы, как раз напротив орденской крепости Нарвы, свою собственную крепость, названную в честь великого князя Ивангородом. С тех пор и по сей день обе крепости продолжают мрачно возвышаться друг напротив друга по обоим берегам Наровы (образующей ныне государственную границу между Россией и Эстонией).

В 1494 г. упоминавшийся нами выше тевтонский рыцарь из Вестфалии Вольтер фон Плеттенберг был избран орденским маршалом (ландмаршалом) Ливонии. Со свойственной ему энергией новый ландмаршал попытался восстановить обороноспособность орденского войска, прежде всего путем вербовки хороших пушкарей и пушечных дел мастеров, с целью усилить орденскую артиллерию, как крепостную, так и полевую (последняя ранее находилась в пренебрежении, хотя справедливости ради следует заметить, что пушки орденское войско тевтонов имело еще в 1410 г., в битве под Танненбергом). Стремясь усилить рыцарское войско, Плеттенберг мобилизовал большие вспомогательные контингенты, состоявшие из леттов (латышей) и эстов (эстонцев). Вопреки широко распространенным у нас представлениям, представители коренных прибалтийских народностей отнюдь не уклонялись

от несения военной службы под знаменами Тевтонского ордена, поскольку начиная с XIII в. (если не раньше) именно они (а не отсиживавшиеся за каменными стенами замков и городов остзейские немцы) неизменно становились первыми и главными жертвами походов русских ратей на Ливонию.

В августе 1501 г. лифляндский ландмаршал тевтонов Вольтер фон Плеггенберг, отразив очередной русский набег на Ливонию, перешел границу у Пскова, начал разорять приграничную полосу и подступил к Изборску. Ливонское войско включало четырехтысячный кавалерийский контингент, состоявший из рыцарей, оруженосцев и тяжеловооруженных конных воинов (рейсигов), а также 4000 пеших воинов (кнехтов), и имело на вооружении артиллерию, превосходившую русский наряд как в количественном, так и в качественном отношении.

Для войны с ливонскими рыцарями у Пскова были сосредоточены конные полки московских, новгородских и тверских «детей боярских». Вместе со вспомогательным контингентом псковичей объединенная русская рать насчитывала до 40 000 воинов (если верить ливонским хронистам). Русские воеводы, получившие от Великого князя Московского приказ искать встречи с противником, двинули свои рати на Изборск. Ливонское войско поджидало москвитов на реке Сирице (Серице), в 10 верстах за Изборском. Не ожидая подхода Большого полка (основных сил), русский Передовой полк, состоявший из псковичей, с марша атаковал орденское войско. Умело применив артиллерию и аркебузы (именуемые в русских летописях тех времен пищалями), ливонцы отразили нападение, обратив псковичей в бегство. Бегущие под огнем ливонских аркебуз и пушек псковичи внесли сумятицу и беспорядок в ряды подходившего к полю боя русского Большого полка.

Завязалась артиллерийская дуэль, но все попытки московского наряда подавить ливонскую артиллерию оказались безуспешными. Поражение московской рати было довершено конной атакой ливонских рыцарей, смявшей и опрокинувшей полки великого князя Ивана. Тем не менее главной причиной поражения русской рати стала не боевая мощь тяжелой рыцарской конницы, являвшейся главной ударной силой Тевтонского ордена и его ливонского филиала в «классический» период орденской истории, а превосходство ливонцев в артиллерии и плохая согласованность действий русских воевод.

В октябре того же кровавого 1501 г. великий князь Иоанн III двинул против ливонских войск новую, свежую рать, усиленную многочисленными отрядами легкой татарской конницы. Во шаве московской рати был поставлен направленный в Великий Новгород князь Даниил Щеня (победитель литовцев в битве на реке Ведроше в 1500 г.), назначенный «большим воеводой» и наместником. Глубокой дождливой осенью, преодолевая разлившиеся реки и плохие дороги, русская рать продвинулась в глубь Ливонии, заняв окрестности Дерпта, Нейгаузена и Мариенбурга. Ландмаршал Вольтер фон Плетгенберг выступил навстречу москвитам, по ливонским источникам, с небольшим войском (хотя, по сведениям русских летописцев, он шел на бой «с многою силою, с пушки и пшцалми»). В темную ночь на 24 ноября 1501 г. ливонские тевтоны внезапно напали на стан русской рати под орденским замком Гельметом (Гельмедом). Оказав им упорное сопротивление, русское войско отразило нападение, отбросило ливонцев и преследовало их около 10 верст. «Воеводы великого князя одолели, одних избили, иных поймали, а многие их утекли». Русские летописцы особо подчеркивали, что москвиты «не саблями светлыми секли» ливонцев, но «били их шестоперами, как свиней». Этот пафос не совсем понятен, поскольку шестопер был совершенно нормальным оружием, широко распространенным как в русском, так и в тевтонском войске (и даже служил символом власти военачальника), так что смерть от шестопера была ничуть не более позорной, чем от сабли или от меча. Впрочем, это так, к слову...

От Гельмета рать князя Даниила Щени пошла по Ливонии в северном направлении, мимо Дерпта и Ревеля, а затем повернула на восток, к Нарве. В ноябре 1501 г. она снова

перешла границу в районе Ивангорода, совершив круг по Ливонии, опустошив все земли епископа Дерптского, половину владений епископа Рижского, а также области Мариенбурга и Нарвы, то есть предав треть всей Ливонии огню и мечу. В бою под Гельметом русская рать потеряла около 1500 человек, в то время как население Ливонии (в основном все та же чужд — эстонцы, ливы, латыши, латгалы) за время всего русского похода потеряло не менее 40 000 человек убитыми и ранеными, но главным образом пленными — в качестве «ясыря» — живого товара, за которым охотились главным образом служилые татары великого князя (хотя и не только они).

С весны 1502 г. ливонские тевтоны возобновили набеги на псковское приграничье. Но эти набеги производились незначительными силами и отражались псковскими воеводами. Но осенью того же 1502 г. в пределы Русского государства вторглось 15-тысячное ливонское войско во главе с самим ландмаршалом (а не ландмейстером, как часто неправильно пишут и думают, поскольку магистром Ливонии он был избран позже) Плеттенбергом. 2 сентября ливонские тевтоны подступили «со всем злоумышлением» к Изборску, осадили крепость, «биша стены многими пушками и град не разбиша». Не взяв Изборска, ливонцы осадили Псков (укрепленный еще лучше, чем Изборск), «стены биша многими пушками и пищальми и граду не доспеша ничтоже». Тем не менее даже у русских летописцев замечен акцент, делаемый на огневую мощь ливонцев, на их превосходство в огнестрельном оружии, а не на военное превосходство тяжелой рыцарской конницы. Затем ливонские тевтоны двинулись дальше, на Псков. 9 сентября войско «Божьих рыцарей» с пушками подступило к Пскову и обстреляло его. Псковичи отбили несколько приступов и, в свою очередь, совершили удачную вылазку. На третий день ландмаршал Плеттенбург решил снять осаду, узнав о приближении московской рати на помощь осажденному городу.

Дело в том, что готовившиеся к походу на Ливонию московские воеводы князя Даниил Щеня и Василий Шуйский сосредоточили в Новгороде многочисленное (до 60 000 пехотинцев и конников) войско, состоявшее из русских (московских войск Даниила Щени, новгородцев Василия Шуйского и псковичей), служилых татар и немецкой наемной пехоты (ландскнехтов). По сообщению летописца, русское войско, узнав об осаде ливонцами Пскова, выступило в поход в следующем порядке: впереди — Большой полк, за ним — Передовой (хотя на походе, вероятно, Передовой полк шел все-таки впереди, в соответствии со своим названием), затем полки правой и левой руки, а «назади» — Сторожевой полк, выполнявший функцию арьергарда.

Итак, получив известие о приближении огромной рати московитов, ливонцы сняли осаду с Пскова и отступили, но были настигнуты русскими у озера Смолина, в 30 верстах от Пскова, 13 сентября 1502 г. Численное превосходство русских было, как обычно, подавляющим, но ливонцев вновь спасла их сильная и превосходная артиллерия — заслуга лифляндского ландмаршала Вольтера фон Плеттенберга.

Заметив отступавшие обозы орденового войска, русские разведчики доложили воеводам, что ливонцы бегут. При этой вести ратники русского Передового полка, увлекая за собой остальные полки, самовольно устремились вперед, напали на ливонские обозы и стали грабить их, попутно уничтожая охрану. Воеводы Андрей Кропоткин и Юрий Орлов-Плещеев не сумели удержать своих людей от грабежа тевтонского коша. В ходе беспорядочного преследования ливонцев русские расстроили свой боевой порядок («изрушали полки»), а в ходе грабежа утратили остатки дисциплины. Ливонцы воспользовались этим и неожиданным контрударом разгромили Передовой полк московской рати. Вместе со своими воинами погибли и оба воеводы.

Когда выяснилось, что ливонцы вовсе не отступают, а изготовились к бою, русские полки атаковали главные силы ланд-маршала Плеттенберга, но неорганизованно, выдвигаясь, вследствие нарушения походного порядка, небольшими группами. Им противостояла мощная фаланга тевтонской пехоты, первая линия которой состояла из 1500

«стрельцов огненного боя», с пушками и аркебузами. Наступление псковских, новгородских и московских ратников ливонцы без особого труда отражали огнем своей сильной артиллерии и аркебуз, внесших сильное замешательство в ряды подходивших к полю боя главных сил великокняжеской рати. При мощной поддержке артиллерийского огня ливонская пехота отбила атаки не только собственно русских и татарских войск, но и наемных немецких ландскнехтов («служилых немцев») московского князя.

Отведя войска, русские воеводы привели их в порядок и возобновили атаки, но все они были вновь отражены ливонской пехотой, при поддержке спешенных рыцарей, оруженосцев и рейзигов. Московским воеводам удалось найти слабое место в боевом порядке ливонцев и сосредоточить усилия в этом направлении, бросив туда немецких наемников. Но и атаки служилых немцев успеха не имели. В конечном итоге московская рать была вынуждена отступить перед ливонским «огненным боем». Но и потери орденового войска были очень велики. Было убито 400 тевтонских пехотинцев, их знамя было захвачено русскими ратниками. В сече погибли начальник ливонской пехоты Матвей (Матиас) Пернауэр, его брат Генрих, знаменосец Конрад Шварц. Большие потери понесла и ливонская конница, прикрывавшая свою пехоту. Тем не менее орденовое войско продолжало непоколебимо стоять у озера Смолина. Поразмыслив, князь Даниил Щеня решил отступить со своим обескровленным войском в Новгород. По свидетельству ливонского хрониста Бальтазара Рюссова, Вольтер фон Плетгенберг «со своими людьми был совершенно утомлен». Ландмаршал, не решившись преследовать москвитов, «стоял на месте до третьего дня и поджидал неприятеля, не придет ли он снова». Но неприятель снова не пришел...

Это была последняя победа войск ливонского филиала Тевтонского ордена не только над русскими, но и вообще над кем бы то ни было.

Простояв три дня на поле боя (или «на костях», как выражались русские летописцы), орденовые войска отступили в Ливонию. В 1503 г. Вольтер фон Плетгенберг, уже избранный к тому времени ландмейстером Тевтонского ордена в Ливонии, заключил с Москвой очередное перемирие сроком на 6 лет, многократно продлевавшееся — вплоть до 1557 г.! — и по-прежнему уделял неусыпное внимание обучению туземного прибалтийского населения военному делу, понимая, что наемные солдаты стоят очень дорого, рыцари-вассалы ненадежны, силы собственно ордена Девы Марии ничтожно малы и на помощь никаких крестоносцев не только рассчитывать, но даже надеяться больше никак не приходится.

Интересно, что земский магистр Вольтер фон Плетгенберг, хотя и сохранил лично верность римско-католической вере, ничем не препятствовал распространению протестантизма («лютеровой ереси») в подвластной ему ливонской части орденового государства тевтонских рыцарей. Вероятно, старый тевтон стремился избежать религиозных распрей на подвластной ему территории с целью максимального сохранения обороноспособности Ливонии. Впрочем, в описываемую эпоху не только в Прибалтике, но даже во владениях Тевтонского ордена, расположенных в собственно Германии (Священной Римской империи), наступил период так называемого троеверия (триконфессионализма), когда в изначально католическом ордене Девы Марии бок о бок с католическими братьями состояли и братья-протестанты (евангелисты-лютеране и даже кальвинисты-реформаты).

Ландмейстер Вольтер фон Плеттенберг «приложился к роду праотцев своих» в 1535 г., не сходя со своего резного дубового кресла, опираясь правой рукой на эфес вонзенного в доски пола рыцарского меча. На нескольких зданиях в бывшей столице ливонского отделения Тевтонского ордена — городе Риги (например, в Домском соборе и в Замковом дворе) можно и поныне лицезреть его рельефное изображение в полном рыцарском вооружении.

В 1547 г. в Москве был венчан на царство государь всея Руси Иоанн IV, очень скоро ставший царем Грозным. С самого начала «взяв под прицел» Ливонию, как выход на Балтику, он (предвосхищая аналогичные действия Петра Великого) активно занялся вербовкой в

Германии наемников, закупкой современного вооружения и того, что мы сегодня именуем ноу-хау или хай-тек—высоких технологий, специалистов во всех областях, оружейников, пищальных и пушечных дел мастеров и т.д. В больших количествах (всего более 4000 человек!) они прибывали из Германии в Ригу и — к огромному неудовольствию «псов-рыцарей»! — через Ливонию следовали дальше в Москву. Схватив одного из таких «специалистов», рыцари ордена Девы Марии сгоряча снесли ему голову. Но этим кровавым инцидентом дело — к сожалению для ордена! — не ограничилось. В 1548 г. некто Ганс Шмитт получил от римско-германского императора Карла V Габсбурга разрешение на вербовку в Германии ремесленников и ученых на службу царю, но был задержан в Ливонии орденовыми властями вместе с набранными им иностранными специалистами и заключен в тюрьму, что вызвало дипломатический скандал, немедленно переросший в военный конфликт.

Зимой 1557 г. русская рать князя Шестунова начала военные действия против Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии из района Ивангорода с целью утвердиться в устье реки Наровы и начать там строительство русской военно-морской базы («для корабельного пристанища»). Рать Шестунова успешно «повоевала» весь район Наровы и приступила к строительству порта.

В 1558 г. очередная русская рать (как и прежде, имевшая в своем составе многочисленные контингенты татарской легкой конницы и немецких ландскнехтов) вторглась в Ливонию, положив тем самым начало 25-летней Ливонской войне. Эта 40-тысячная рать под командованием князя Глинского и татарского «царевича» (так его чаще всего именуют летописцы и последующие историки, хотя в действительности он был законным «царем», то есть ханом Касимовским и Казанским) Шах-Али (Шиг-Алея), имея впереди «ертаул» (авангард), состоявший из легкой конницы и высылавший перед собой разъезды, «по нахоженной дороге» двинулась на Дерпт.

Узнав, что «русские идут», рыцари ордена Девы Марии и их ливонские вассалы вспомнили о своих эстонских и латышских крестьянах, у которых 20 годами ранее, сразу же после смерти дальновидного Вольтера фон Плеттенберга, сами же отняли оружие и которых тоща же прекратили обучать военному делу. Теперь они снова призвали их к оружию... которого у тех не было, так что многие явились на службу «вооруженные» (без преувеличения!) лишь камнями и дубинками.

Выступив из Дерпта, ливонское «войско», насчитывавшее всего лишь 500 (!) пехотинцев и конников, осмелилось преградить путь бесчисленным ратам царя Грозного, намереваясь дать им бой на подступах к городу, но было легко побеждено ими и подверглось почти поголовному истреблению. Для уничтожения малочисленного ливонского отряда оказалось достаточно сил одного московского «ертаула», получившего незначительное подкрепление от воевод Передового полка и полка Правой руки. Царским ратам открылась беспрепятственная дорога в Ливонию. Простояв под Дерптом два дня, но не сумев взять город, русская рать переправилась через реку Эмба и разделилась. Часть московских войск двинулась дальше на Ригу, а главные силы — к Балтийскому побережью.

Достигнув побережья, русское войско повернуло к Нарве и Ивангороду, между гарнизонами которых велась артиллерийская перестрелка. 11 мая 1558 г. русский гарнизон Ивангорода, форсировав реку Нарову, пошел на штурм Нарвы и в ходе ожесточенного штурма захватил нижнюю часть орденовой крепости. 12 мая ливонский гарнизон сдался на милость победителей. Устье реки Наровы и выход к Балтийскому морю оказались в руках царя Грозного. Нарва (которой было возвращено ее древнее название Ругодив) была превращена в русский торговый порт, с правом свободной и беспошлинной торговли со всей Русью и Германией.

Летом 1558 г. начался второй большой поход русской рати, нанесшей одновременно три удара:

- 1) от Нарвы на Нейшлос (Нишлот, по-эстонски Васкнарву, по-русски Съфеньск);
- 2) от Пскова через Нейгаузен на Дерпт;
- 3) на Ригу.

Крепость Нейшлос была осаждена русским воеводой Адашевым 2 июня 1558 г. Адашев выслал отряды на Рижскую и Ревельскую (Колыванскую) дороги с целью преградить подступы к осажденной крепости и не допустить ее деблокады силами ливонского ландмейстера. Московиты соорудили на дорогах засеки с сильными гарнизонами.

На сей раз русское войско имело на вооружении сильную осадную артиллерию (наряд), подвергнув успешному обстрелу осажденный ливонский город, несмотря на ответный огонь крепостных орудий. «И туры круг города поставили и наряд по всем турам розставили, и учили по городу стрелять из всего наряду, из пищалей по окнам».

Когда к воеводе Адашеву подошли подкрепления из Пскова и Новгорода, орденский гарнизон капитулировал (6 июня 1558 г.). Вся местность северо-западнее реки Наровы на 50 верст была очищена от ливонских отрядов. Чудское озеро, на льду (или на берегу) которого далекий предок царя Грозного, святой благоверный князь Александр Невский, 316-ю годами ранее разгромил орденское войско, и река Нарова стали безопасны для русского судоходства.

В июне 1558 г. новое 40-тысячное русское войско во главе с воеводами князем Шуйским, Троекуровым и Шейным, в составе Передового полка (под командованием князей Курбского и Адашева), полка Правой руки (под командованием князей Серебряного и Сабурова) и полкалевой руки (под командованием князей Щетинина и Ивашкина), а также Сторожевого полка (под командованием князя Темкина), выступив из Пскова, вторглось в Ливонию и овладело сильными орденскими крепостями Нейгаузен и Дерптом. Особенно удручающее впечатление произвело на ливонцев падение Дерпта. Паника охватила всю Ливонию. Выступившие из Нарвы и Дерпта русские рати быстро захватывали один ливонский замок за другим, взяв 20 (!) замков до начала октября.

15 января 1559 г. новая русская рать двинулась на Ригу—столицу ливонского отделения Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии.

Ливонцы попытались оказать сопротивление московитам под Тигзеном, но были разгромлены. Московские рати взяли еще одиннадцать орденских замков, захватили и сожгли под Ригой ливонские корабли и через месяц овладели всей южной Ливонией. Когда русские осадили крепость Венден — усыпальницу ливонских ландмейстеров, — оборонявший ее гарнизон (70 орденских рыцарей, вассалов ордена Девы Марии и кнехтов) предпочел взорвать себя на воздух, но не сдаваться царским войскам.

Оказавшись в катастрофическом положении, орденское руководство было вынуждено заключить с московитами перемирие до конца 1559 г.

С Венденом, несколько раз переходившим из рук в руки, через 19 лет оказался связан и еще один аналогичный эпизод Ливонской войны. Осенью 1578 г. русские воеводы в очередной раз осадили отстроенный заново Венден, но после трех неудачных приступов сняли осаду, услышав о приближении неприятельских войск. Будучи атакованы польско-шведским войском (к описываемому времени главным противником русских на территории Ливонии стали поляки, литовцы и шведы), московиты отступили в свой лагерь, где яростно отстреливались до самой ночи. Четверо русских воевод — князь Иван Голицын, Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов, воспользовавшись ночной темнотой, бежали с конницей из стана, но воеводы, которым был вверен пушечный наряд (артиллерийский парк), не захотели покинуть его. Русские пушки не сдались в плен; когда

неприятель ворвался в московский стан, они повесились на своих орудиях... Но все это произошло гораздо позже.

К ноябрю 1559 г. новый ливонский ландмейстер тевтонов Готтгард фон Кеттелер, намереваясь в Германии ландскнехтов, возобновил войну. Но уже в январе 1560 г. московская рать взяла штурмом первоклассную орденскую крепость Мариенбург (не прусскую, а латвийскую — Алуksне). Московский воевода Боробошин захватил всю ливонскую тяжелую артиллерию, следовавшую обозом из Феллина в Гапсаль, лишив тем самым орденское войско его главного преимущества в войнах с Москвой (как некогда «греческий огонь» был главным преимуществом византийцев в войнах с «варварами»). И наконец, при взятии Феллина в 1560 г. русские захватили весь главный артиллерийский парк Дома Пресвятой Девы Марии в Ливонии — 18 больших и 450 малых орудий! Кроме «железных змей» ливонских тевтонов, под Феллином в руки к москвитам попали также ливонский ландмаршал Филипп Шаль фон Белль, комтур Гольдингена Генрих фон Гален и Вильгельм фон Фюрстенберг — бывший ливонский ландмейстер (1557—1559).

Но, несмотря на столь успешного для царя Грозного начало Ливонской войны 1558—1563 гг., разразившейся в качестве очередного военного конфликта между Московским государством и орденом Девы Марии, в нее очень скоро оказались втянутыми практически все соседние великие державы. Одни — на дипломатическом уровне, как Священная Римская империя германской нации, князем которой с 1530 г. являлся ливонский ландмейстер (что, впрочем, не помешало первому же удостоившемуся этой чести лифляндскому провинциальному магистру тевтонских рыцарей Вольтеру фон Плеттенбергу, вступив в союз с германскими князьями-протестантами, поднять меч не на кого-нибудь, а на своего же верховного сюзерена — императора этой самой Священной Римской империи германской нации Карла V Габсбурга — в ходе так называемой Шмалькальденской войны, в то время как сам Тевтонский орден, в лице своего верховного магистра, выступил в этой войне на стороне императора)! Другие — как активные участники военных действий (Швеция, Дания, Польско-Литовское государство).

Готтгард фон Кеттелер, избранный ливонским ландмейстером тевтонов вместо Фюрстенберга (еще до того, как последний попал в плен к москвитам), упорно отказываясь от переговоров с Москвой, предпочел, в конце концов, подчиниться польской короне (подобно бывшему верховному магистру всех тевтонов Альбрехту фон Гогенцоллерн-Ансбаху). Признав актом от 21 ноября 1561 г. в качестве главы Тевтонского ордена в Ливонии присоединение Ливонии к Польско-Литовскому государству (точнее — к Литве), Кеттелер 5 марта 1562 г. передал военачальнику короля Сигизмунда-Августа, виленскому воеводе князю Николаю Радзивиллу Черному (главе всей «протестантской партии» Речи Посполитой), свои ландмейстерские крест, мантию и ключи от Рижского замка Тевтонского ордена, после чего принял лютеранство и женился на дочери герцога Мекленбургского, сохранив за собой часть бывших прибалтийских владений Тевтонского ордена (в качестве первого светского герцога Курляндии). Власть его распространялась также на Земгалию (Семигалию), но более далекоидущим планам Кеттелера, рассчитывавшего стать наследственным герцогом всей Лифляндии (Ливонии), подобно тому как бывший гофмейстер тевтонов Альбрехт Бранденбургский сумел стать наследственным герцогом всей Пруссии, не было суждено осуществиться.

Царь Иоанн Грозный предложил взятому им в плен Фюрстенбергу возглавить «Ливонское государство» под московским протекторатом, но бывший ландмейстер ливонских тевтонов гордо отказался, предпочтя через 10 лет угаснуть в московском плену. Впрочем, в плену он жил доходами с поместья, пожалованного ему Иоанном Васильевичем, и, мягко говоря, не бедствовал. После очередного поражения крайне малочисленного, лишившегося всей своей артиллерии ливонского войска в Эргемском сражении (1561) Дом Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии фактически прекратил свое существование (хотя юридически

был упразднен лишь через два года). В 1559 г. датчане завладели островом Эзель (по-эстонски: Сааремаа) и частью курляндских земель. Вассалы ордена Пресвятой Девы Марии в северных провинциях Эстляндии, окончательно убедившись в неспособности орденских властей обеспечить эффективную защиту их земель, обратились за помощью к шведскому королю Эрику XIV. В начале 1561 г. дворянство и города этих бывших провинций Тевтонского ордена присягнули на верность шведской короне. Остальные владения Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии и прибалтийских епископств по Виленскому договору 1561 г. перешли под власть Польши, присягнув королю Сигизмунду II Августу — прямому потомку литовского князя и польского короля Владислава Ягайло (Ягелло), победителя войска Тевтонского ордена под Танненбергом в 1410 г.

Город Рига — бывшая столица рыцарей-тевтонов в Ливонии — отказался (несмотря на передачу ключей от Рижского орденского замка бывшим ландмейстером Кеттелером князю Радзивиллу) подчиниться Польско-Литовскому государству и еще на протяжении 20 лет сохранял статус вольного ганзейского города, признавая над собой лишь номинальную власть Священной Римской империи германской нации.

И наконец, остров Эзель и земли Пильтенского епископства в Курляндии (то есть часть Курляндии, никогда не принадлежавшая Тевтонскому ордену) были куплены королем датским Фредериком II у епископа Иоганна фон Мюнхгаузена (*нем.* von Muenighausen или von Muenchhausen) — предка «того самого Мюнхгаузена»!

В результате сокрушительного поражения Тевтонского ордена в Ливонской войне Готтгард фон Кеттелер 1 марта 1562 г. публично заявил в Рижском замке о сложении с себя звания ландмейстера и об официальном упразднении орденского государства тевтонов в Ливонии.

Ливонская война с переменным успехом продолжалась до 1582 г., но только велась она уже между Польско-Литовским государством, Швецией и Грозным царем Московитской державы. С тех пор термин «Ливония» («Лифляндия») применялся исключительно к территориям, расположенным к северу от Западной Двины, включавшим в себя современные латвийские провинции Видземе и Латгале, а также южную часть современной Эстонии.

В упомянутой выше победоносной для русских битве под Феллином в 1560 г. воевода царя Иоанна Грозного, князь Андрей Михайлович Курбский, пленил 11 (!) комтуров Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии, престарелого бывшего ландмейстера Фюрстенберга и ландмаршала ливонских рыцарей (как их издавна называли на Руси) Филиппа Шалья фон Белля.

Царский воевода с великим почетом принял знатных ливонских пленников в своем походном шатре и долго слушал вместе со своими соратниками увлекательные рассказы ландмаршала Белля о Крестовых походах тевтонов в Святую землю и языческую Пруссию, о подвигах их собратьев-иоаннитов на Родосе и Мальте. Князь Курбский отослал пленных немецких рыцарей к царю Грозному в Москву с самыми наилучшими рекомендательными письмами. Сам ливонский ландмаршал Филипп Шаль фон Белль, к сожалению, вел себя с Иоанном Васильевичем слишком дерзко и независимо, за что и поплатился головой (вместе с четырьмя оказавшимися не в меру строптивыми комтурами ордена Девы Марии, отвечавшими царю «противным словом»).

Иоанн IV был, по воспоминаниям князя Курбского, смертельно уязвлен тем, что ландмаршал отказался признать военное превосходство московитов, объяснив свое поражение исключительно небесной карой за допущение в Ливонию лютеранской ереси: «Когда мы имели одного истинного Бога Иисуса Христа и одну истинную римскую (католическую. — В.А.) церковь, тоща мы были непобедимы. Но пришла ересь (лютеранство. — В.А.) и расколола нас, горожане восстали на епископов, а кнехты на рыцарей, и орден пал

за наши грехи...» Именно эти «противные слова» стоили остроумцу на язык Филиппу Шалю фон Беллю головы.

Зато все прочие его соратники (кроме строптивого экс-ландмейстера Фюрстенберга, который предпочел провести остаток жизни в поместье, пожалованном ему Грозным царем в Ярославской области: в письме своему брату, датированному 1565 г., Фюрстенберг подчеркивал, что не имеет оснований жаловаться на судьбу) на удивление скоро прижились на Москве и, несомненно, не без их влияния царь Грозный (не стеснявшийся в интимной беседе с английским послом именовать себя не русским, а «немцем» и вообще имевший гораздо больше общих черт с «герром Питером» — будущим великим реформатором России Петром I, чем это принято признавать!) решил учредить собственные «чины стратилатские, сиречь воинские» (по выражению князя Курбского), то есть собственную орденскую организацию, которую, однако, решил использовать для укрепления собственной власти.

Не случайно у истоков возникшего в 1565 г., в разгар злополучной Ливонской войны, «опричного ордена» стояли бывшие ливонские пленники Таубе, Крузе, Шлихтинг, Штаден, Ференсбах и многие другие рыцари из Ливонии. Как не случайно и то, что именно «псы-рыцари» Таубе и Крузе, уже в качестве царских опричников, вели по поручению царя переговоры с владыкой Священной Римской империи германской нации о создании в Ливонии вассального по отношению к Московскому государству королевства. Правда, римско-германский император Максимилиан II Габсбург отказался признать за царем Грозным права на Ливонию, но сам факт обращения к нему Иоанна Васильевича за легитимацией своих завоеваний представляется весьма многозначительным. Не зря в число клейм (гербовидных эмблем) на Большой печати Иоанна Грозного была включена «печать магистра Лифляндских земель».

Несомненно, немалую роль в готовности ливонских орденских «псов-рыцарей» перейти на «новое место службы» в опричный орден великого государя Московского сыграл тот факт, что его главным противником в Ливонской войне стало то самое Польско-Литовское государство, которое столетиями являлось главным противником Тевтонского ордена и его ливонского филиала, подчинив их в конце концов своей власти. Тевтоны подчинились власти Речи Посполитой, буквально «скрежеща зубами» от бессилия и не видя для себя иного выхода, но застарелая, вошедшая в их плоть и кровь, вражда к Литве и Польше у них, естественно, осталась, вырвавшись наружу при первом же удобном случае.

Опричный орден Иоанна, подобно военно-духовным орденам стран Западной Европы, имел мощную экономическую базу в форме переданных ему монархом крупных земельных владений с четко организованной системой управления и целую сеть орденских замков—так называемых «крошечных (опричных) дворов» (соответствовавших конвентам, комтуриям или коммендам западных духовно-рыцарских орденов).

Но это уже другая история...

Вот какие причудливые формы принимали порой связи Тевтонского ордена—через его ливонский филиал — с Московским государством...

ЗОЛОТОЙ ЗАКАТ

Для тевтонских «Божьих дворян» XVI и XVII вв. были отмечены двумя событиями, имевшими тяжелейшие последствия для всей, но в особенности для Центральной Европы, — нашествием турок-османов и вызванной Реформацией волной религиозных войн, кульминацией которых явилась Тридцатилетняя война. К 1600 г. из более чем 20 баллеев (провинций) ордена на территории Священной Римской империи германской нации верность римско-католической вере сохранили только семь: Бизен, Кобленц, Лотарингия, Эльзас, Франкония, Австрия и Ан-дер-Этх (Альдо-Адидже в Южном Тироле).

Энергичному гохмейстеру тевтонов эрцгерцогу Максимилиану Австрийскому удалось полностью реорганизовать эти семь баллеев крайне ослабленного ордена. Был переработан

устав, отныне гораздо большее внимание, чем прежде стало уделяться духовному кормлению паствы в орденских церковных приходах и всесторонней подготовке и обучению членов ордена. Братья-рыцари решали разнообразные задачи в ходе религиозных войн, а позднее — в ходе войн с турками. Правда, они все реже надевали орденское облачение, отличаясь от своих сослуживцев чаще всего лишь единственным знаком своей принадлежности к ордену — тевтонским лапчатым крестом на шее или крестообразной орденской звездой на груди. Комменды были реконструированы и превращены в мощные оборонительные комплексы, охрану которых несли рыцари ордена.

В соответствии с переработанным уставом Тевтонского ордена 1606 г. каждому брату-рыцарю ордена вменялось в обязанность не менее трех лет нести пограничную службу в орденских замках.

Охрану замка ордена в городе Мергентгейме (резиденции дейчмейстера) традиционно охраняла так называемая «орденская рота» (*старонем. Ordens Compagnie*). Иногда дополнительные воинские контингенты Тевтонского ордена, по воле магистра Германии, выделялись и для охраны 21 башни и четырех главных ворот крепостных стен самого города Мергентгейма.

В 1695—1696 гг. в Мергентгейме был сформирован орденский полк «Тейчмейстер» («Тойчмайстер», *старонем. Deutsch-meister*), командиром и шефом которого стал лично мергентгеймский дейчмейстер (тейчмейстер) Тевтонского ордена. Но охрану Мергентгеймского замка тевтонов продолжала нести орденская рота. Согласно сохранившимся инструкциям в ежедневном вахтпараде на главной рыночной площади Мергентгейма участвовало 48 человек, 5 унтер-офицеров, 4 ефрейтора, 1 барабанщик и 38 рядовых, 1 капрал и 6 человек драгун (*нем. 48 Mann, 5 Unterofficier, 4 Gefreyten, 1 Dambor und 38 Gemeine, 1 Corporal und 6 Mann von den Dragonem*). Чины полка и роты тевтонского магистра Германии носили бело-черную форму орденских цветов (замененную впоследствии на бело-синюю). Мергентгеймский полк «Тейчмейстер» не следует путать или смешивать с другим, австрийским Императорским и Королевским полком, имевшим похожее название, о котором пойдет речь ниже.

На протяжении XVII и XVIII вв. значительная часть сил и средств Тевтонского ордена уходила на борьбу с турками, в составе войск империи Габсбургов. Основные сражения с турками разворачивались на территории Венгрии, а впоследствии — Балканского полуострова. Орден ежегодно выставлял против турок военные контингенты, численность которых колебалась от 500 до 1000 конных и пеших бойцов.

В составе современной австрийской армии (Федеральных вооруженных сил, или бундесгееера) поныне существует 1-й Венский егерский батальон «Гох-унд-Дейчмейстер» (*нем. Jaegerbataillon Wien 1 Hoch-und-Deutschmeister*), бывший 1-й Венский батальон милиции (*Milizbataillon Wien*) — воинская часть, являющаяся прямой преемницей основанного в 1696 г. венского пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (*нем.: Regiment Hoch-und-Deutschmeister*), или просто «Дейчмейстер» (*Regiment Deutschmeister*), до самого падения монархии Габсбургов в 1918 г. возглавлявшегося австрийскими принцами, носившими титул «верховного и германского магистра» Тевтонского ордена. Офицерский состав этого полка столетиями комплектовался почти исключительно из тевтонских рыцарей. Даже полковая форма «дейчмейстеров» долгое время была традиционных цветов Тевтонского ордена — белого с черным (пока не стала белой с синим, подобно форме упомянутых выше мергентгеймских «тейчмейстеров», и не была, наконец, заменена во второй половине XIX в. небесно-голубыми с желтым мундирами и темно-серыми брюками-панталонами).

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АВСТРИЙСКИХ «ДЕЙЧМЕЙСТЕРОВ»

В 1696 г. между Леопольдом Австрийским (императором Священной Римской империи германской нации) и курфюрстом (одним из князей-электоров, избиравших римско-

германского императора) Людвигом Пфальц-Нейбургским (тогдашним верховным магистром и магистром Германии Тевтонского ордена) был заключен договор, по которому Тевтонский орден обязался сформировать и предоставить в распоряжение императорского дома пехотный полк.

В том же 1696 г. император Леопольд назначил гофмейстера Тевтонского ордена курфюрста Людвигу командиром (1-м полковником, *нем.* I. Obrist) и шефом нового полка, получившего название «полк Пфальц-Нейбург Тейчмейстер» (*нем.* Regiment Pfalz-Neuburg Deutschmeister). Полк, сформированный в городе Донаувёрте, был переброшен по Дунаю на Балканы, где поступил в распоряжение полководца имперской армии принца Евгения Савойского, воевавшего с турками-османами. Отличившись в победоносной для австрийцев (или, как тогда говорили в России, цесарцев) битве с турками при Зенте в 1697 г., полк «Тейчмейстер» был переименован в «Императорский (и) Королевский пехотный полк «Гох-унд-Дейчмейстер»» (*нем.* Kaiserliches (und) Koenigliches Infanterie Regiment Hoch-und-Deutschmeister).

18 июня 1757 г. полк «Гох-унд-Дейчмейстер» покрыл себя славой в битве с прусской армией «короля-философа» Фридриха II Великого (прямого потомка вероломного Альбрехта фон Гогенцоллерн-Ансбаха — последнего гофмейстера Тевтонского ордена в Пруссии, изменившего римско-католической вере, присвоившего себе прусские владения преданного им ордена и тем положившего начало светскому Прусскому государству!) под Колином (одном из самых кровопролитных сражений в истории Семилетней войны). Исход этой битвы в пользу австрийцев был решен отчаянной штыковой атакой «дейчмейстеров» во главе с обристом-вахмистром (майором) Иоганном графом фон Соро, рыцарем Тевтонского ордена, потерявшим в бою правую ногу до колена (но не оставившим службу в рядах цесарской армии даже после этого тяжелого ранения).

С 1757 по 1914 г. 18 июня отмечался австрийскими «дейчмейстерами» как полковой праздник (в 1967 г. эта традиция была возобновлена в воинских частях австрийской республиканской армии, считающихся преемниками ратной славы и традиций императорских «дейчмейстеров»).

Во время Австро-прусской войны 1866 г. (которую в немецкой традиции принято называть «Германо-германской») полк «Гох-унд-Дейчмейстер» понес тяжелейшие потери в битве с пруссаками и их северогерманскими союзниками при Садовой (Кёниггреце, или Градце-Кралове), потеряв убитыми и ранеными 426 солдат и офицеров.

У 4-го Императорского (и) Королевского пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» армии Габсбургов была своя особая речевка:

«Мы из Императорского и Королевского пехотного полка / «Гох-унд Дейчмейстер» номер четыре».

или, по-немецки:

«Wir sind vom k.(kaiserlichen — B.A.) u.(und — B.A.) k.(koeniglichea —B.A.) Infanterieregiment / Hoch-und Deutschmeis-ter Nummer Vier».

Маршируя на парадах, «дейчмейстеры» особенно сильно печатали (чеканили) каждый четвертый шаг, намекая на номер своего полка.

18 июня (в тот же день, на который в 1757 г. пришлась битва с пруссаками под Колином!) 1915 года «дейчмейстеры» были почти поголовно истреблены победоносными войсками Русской Императорской армии под Соколом.

После свержения монархии Габсбургов в 1918 г. полк не был расформирован, войдя в состав армии (Федеральных вооруженных сил) Первой Австрийской республики под названием 5-го пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (*нем.*: Infanterieregiment Hoch-und-DeutschmeisterNr. 5).

В 1956 г. в составе воссоздаваемой после войны австрийской Федеральной армии (бундесгеера) был сформирован 5-й фельдъегерский батальон (Feldjaegerbataillon Nr. 5), переименованный в 1963 г. в 4-й егерский батальон (*нем.* Jaegerbataillon Nr. 4). Номера этих новых частей австрийской республиканской армии должны были напоминать об их предшественниках — «дейчмейстерах» времен Габсбургской монархии (1896—1918) и Первой Австрийской республики (1916—1938).

С 1974 г. 4-й егерский батальон начал выполнять международные операции в составе Международных миротворческих сил (войск) ООН («голубых касок») и потому был переименован в 4-й егерский батальон (ООН) (*нем.* Jaegerbataillon 4 (UN)).

До 30 июня 2007 г. в составе австрийских территориальных войск (ландвера) существовал 21-й кадровый полк ландвера «Гох-унд-Дейчмейстер» (*нем.* Landwehrstammregiment 21 Hoch-und-Deutschmeister). После его расформирования в 2007 г. исторические знамена I и II батальонов полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (с изображением имперского двуглавого орла Габсбургов на одной и образа Приснодевы Марии—на другой стороне белого знамени I батальона и с изображением имперского двуглавого орла на обеих сторонах желтого знамени II батальона) были переданы на вечное хранение 1-му Венскому батальону милиции (ополчения), или, по-немецки, Milizbataillon Wien 1, переименованному по этому случаю в 1-й Венский егерский батальон «Гох-унд-Дейчмейстер» (*нем.* Jaegerbataillon Wien 1 Hoch-und Deutschmeister).

Эти старинные знамена I и II батальонов полка верховного и германского магистра Тевтонского ордена до сих пор выносятся на церемонию приведения к присяге новобранцев Федеральных вооруженных сил Второй (современной) Австрийской республики. При этом батальонным знаменем 1-го Венского егерского батальона «Гох-унд-Дейчмейстер» официально считается белое знамя I батальона габсбургских «дейчмейстеров», в то время как желтое знамя II батальона «дейчмейстеров» (как отягощенное «неполиткорректной» памятью о 134-м гренадерском полке «Гох-унд Дейчмейстер» и об Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер» гитлеровского вермахта, о которых пойдет речь чуть ниже) выносятся — нередко в присутствии верховного магистра современного, чисто клерикального (то есть монашеского) Тевтонского ордена — только на отдельных торжественных церемониях (празднике части, церемонии приведения новобранцев к присяге и т.д.). Впрочем, это уже другая история...

Любопытный факт: после присоединения Австрии к гитлеровскому Третьему рейху в 1938 г. и включения бывшей австрийской армии в состав германского вермахта именно в полку «Гох-унд-Дейчмейстер» произошел бунт, вследствие чего он был расформирован и под его названием создан новый (бывший 134-й пехотный полк германского вермахта, сформированный из австрийцев). Этот новый полк «Гох-унд-Дейчмейстер», разросшийся до размеров дивизии, был почти целиком истреблен под Сталинградом, однако остаткам «дейчмейстеров» удалось вырваться из котла и послужить основой для формирования новой дивизии вермахта, закончившей войну в Курляндском котле весной 1945 г.

После Сталинградской катастрофы погоны солдат, унтер-офицерского состава и офицеров этой тевтонской дивизии (Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер», *нем.* Reichs-Grenadier-Division Hoch-und-Deutschmeister), в составе которой числился воссозданный после уничтожения под Сталинградом 134-й пехотный полк (вскоре переименованный в гренадерский полк «Гох-унд-Дейчмейстер», *нем.* Grenadier-Regiment Hoch-und Deutschmeister), украшала специальная эмблема в форме креста верховного магистра Тевтонского ордена в сочетании с наложенным на крест вермахтовским вариантом орла Третьего рейха (с распростертыми крыльями).

Чины гренадерского полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (а впоследствии и других частей Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер») носили над обшлагом правого

рукава мундира черную манжетную ленту с белой каймой и надписью белыми готическими литерами «Гох-унд-Дейчмейстер».

У них был свой девиз: «Я служу Рейху (Империи), мой город называется Вена» (*нем. Dem Reich ich dien', mein' Stadt heisst Wien*).

Кроме того, 134-й гренадерский полк «Гох-унд-Дейчмейстер» получил особую привилегию иметь одновременно 2 знамени.

Одним из них было обычное знамя пехотного полка германского вермахта, другим — старинное желтое знамя III батальона 4-го пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» бывшей австрийской армии.

С этим знаменем была, в свою очередь, связана особая история. В 1868 г. в австрийской армии была введена новая инструкция, согласно которой в пехотных полках знамена оставлялись только I и II батальонам. Знамена I батальонов были белого цвета, с изображением двуглавого имперского орла Габсбургов на аверсе и образом Приснодевы Марии на реверсе; знамена II батальонов — желтого цвета, с изображением имперского двуглавого орла на обеих сторонах. II батальону 4-го пехотного Императорского (и) Королевского пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер», в качестве исключительной привилегии, было вручено бывшее знамя III батальона полка, прославившегося своей доблестью в Австро-прусской войне 1866 г.

В 1889 г. были упразднены все знамена всех II-х батальонов полков австрийской армии; знамена остались лишь в I-х батальонах. Однако 4-й Императорский (и) Королевский пехотный полк «Гох-унд-Дейчмейстер», подав соответствующее прошение на имя императора-Франца-Иосифа I, получил привилегию сохранить в качестве единственного знамени знамя не I, а III батальона. Знамя I батальона осталось в полку на вечное хранение.

В период Габсбургской монархии к древкам знамен «дейчмейстеров» были прикреплены почетные памятные ленты небесно-голубого цвета с золотой каймой и вышитыми золотой нитью местами и датами крупнейших сражений с турками-османами, пруссаками Фридриха Великого, французами Наполеона Бонапарта, итальянской армией Сардинского королевства (Пьемонта) и войсками возглавляемого Пруссией Северогерманского союза, в которых отличились австрийские тевтоны: «ЗЕНТА 1699», «КОЛИН 1757», «БЕЛГРАД 1789», «НОВИ 1799», «МАРИАЦЕЛЛЬ 1805», «АСПЕРН 1809», «НОВАРА 1849», «РОЗЕНБЕРГ 1866». В период гитлеровского Третьего рейха эти ленты со знамен были сняты (вероятно, чтобы не напоминать об участии «дейчмейстеров» в сражениях против пруссаков при Колине в 1757 и при Розенберге в 1866 г.).

Все войска германского вермахта, сражавшиеся весной 1945 г. в Курляндском котле (и в том числе Имперская гренадерская дивизия «Гох-унд-Дейчмейстер»), получили в качестве знаков отличия, напоминавших о славном прошлом тевтонских рыцарей в прибалтийском уделе Пресвятой Богородицы, белые нарукавные ленты с черной каймой, черной надписью «Kurland» («Курляндия»), гербом столицы Курляндии города Митава (по-немецки Митау, по-латышски Елгава) — белой головой лося на черном поле — и гербовым щитом верховного магистра Тевтонского ордена с прямым черно-белым крестом на белом поле.

Кроме того, в составе 11-й мотопехотной (панцер-гренадерской) дивизии СС «Нордланд» на фронтах Второй мировой войны сражался состоявший из венгерских этнических немцев танковый батальон «Герман фон Зальца», названный в честь нашего старого знакомого — четвертого гохмейстера ордена Девы Марии (при котором тевтонские рыцари, создав мощный заслон на границе между венгерской областью Бурца и половецкими кочевьями, дали возможность немецким переселенцам колонизовать Трансильванию). Чины этого тевтонского танкового батальона носили на левом рукаве черную манжетную ленту с серебряной надписью «Герман фон Зальца».

Благодаря подобным фактам атрибутика подлинных тевтонских рыцарей — безо всякой вины с их стороны! — стала ассоциироваться у малоинформированной публики с германским национал-социализмом и, в частности, с «Черным орденом» СС.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД НОВОЙ БУРЕЙ

С окончанием войн Габсбургов и их союзников против турок-османов во второй половине ХУШ в. все большее значение в деятельности сохранившихся к тому времени рыцарских орденов стало играть решение чисто мирских задач. В Тевтонском ордене главный акцент также был перенесен на рачительное управление орденскими владениями, строительство новых замков, а по сути дела — пышных дворцов в стиле барокко, отвечавших вкусам той блестящей эпохи сравнительно недолгого затишья перед новой бурей.

Комтурии превратились в находившиеся под образцовым управлением имения, или если позволено будет употребить выражение более поздней эпохи — «культурные хозяйства». Братья-священники духовно окормляли свою паству и рачительно управляли орденскими храмами и приходами. А вот с когда-то образцовой орденской дисциплиной дело обстояло все хуже — начиная с середины XVIII в. участились случаи немислимого прежде одновременного членства в Тевтонском ордене Пресвятой Девы Марии и Мальтийском ордене госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского (и даже в масонских ложах, хотя членство в последних многократно запрещалось папским престолом правоверным католикам под угрозой отлучения от церкви).

С конца XVI столетия и до 1804 г. австрийские Габсбурги являлись суверенами и наследственными владетелями многочисленных территорий и одновременно выборными императорами Священной Римской империи германской нации. 14 августа 1804 г. император Священной Римской империи германской нации Франц II Габсбург-Лотарингский (фон Габсбург-Лотринген) объединил большую часть своих наследственных владений (коронных земель) в Австрийскую империю и короновался императором Австрии под именем Франца I (сохранив за собой, в то же время, корону и титул императора Священной Римской империи германской нации). В результате поражения армий коалиции Австрийской и Российской империй в 1805 г. в войне с императором французов Наполеоном I Бонапартом, Франц II был вынужден 6 августа 1806 г. сложить с себя корону императора Священной Римской империи германской нации. Эта «тысячелетняя империя» прекратила свое существование. Когда мы встречаем в исторической и популярной литературе термины «Первая империя» («Первый рейх»), «Вторая империя» («Второй рейх») и «Третья империя» («Третий рейх»), следует иметь в виду, что они относятся, соответственно, к Священной Римской империи германской нации, основанной королем германского племени франков Карлом Великим в 800 г. Р. Х. и обновленной германским (а точнее — восточнофранкским) королем Оттоном I Великим в 962 г., к Германской империи под скипетром прусских королей из династии Гогенцоллернов — потомков последнего верховного магистра Тевтонского ордена в Пруссии Альбрехта фон Бранденбург-Ансбаха (1871—1918) и к гитлеровской Германии (1935—1945).

Начиная с 1806 г. Франц II Габсбург и его наследники правили только Австрийской империей. Правда, с 1815 по 1866 г. Австрийская империя входила в Германский (Немецкий) союз (*нем.* Дейчер Бунд, *Deutscher Bund*) — весьма рыхлую конфедерацию государств, входивших до 1806 г. в состав Священной Римской империи германской нации. Долгое время Австрия пыталась играть роль гегемона в рамках Германского союза, однако постоянно сталкивалась с сопротивлением Пруссии, мешавшей Австрии выполнять эту роль. При этом ряд германских государств (преимущественно протестантских и расположенных в северной части союза) поддерживала Пруссию, а другая группа германских государств (преимущественно католических и расположенных на юге Союза)—Австрию. Постоянные противоречия между этими двумя группировками привели, наконец, к так называемой Австро-прусской войне (которую в немецкой историографии принято называть Германо-германской, что в общем-то правильно, поскольку речь шла не о поединке Австрии с

Пруссией). Австрию в войне под держивали Саксония, Баден, Ганновер, Бавария, а Пруссию — богатые северогерманские ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек, откуда происходили, как мы знаем, отцы-основатели Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии). Потерпев в 1866 г. поражение в войне с возглавляемой Прусским королевством северогерманской коалицией, Австрийская империя была изгнана из Германского союза (превратившегося в 1871 г., после победы над французской Второй империей Наполеона III Бонапарта, в Германскую империю Гогенцоллернов, или, говоря иначе, Второй рейх). Австрия более не могла претендовать на роль гегемона германских государств. Чтобы унять недовольство внутри Австрийской империи и не дать повториться революционным событиям 1848—1849 гг., австрийский император Франц-Иосиф I пошел на переустройство своего государства. 20 марта 1867 г. Австрийская империя Габсбургов была разделена на два формально независимых государства, превратившись в союз двух монархий — Австрийской империи и Венгерского королевства (объединенных под властью одного суверена, являвшегося императором Австрии и королем Венгрии в одном лице). Впрочем, довольно об этом.

Эпоха Наполеоновских войн привела к почти полному уничтожению Тевтонского ордена. Завоевав пол-Европы и ликвидировав после победы над объединенной австро-русской армией при Аустерлице в 1805 г. Священную Римскую империю германской нации, император французов Наполеон I Бонапарт повсюду запретил духовно-рыцарские ордены, в том числе и Тевтонский орден, и передал конфискованные орденские владения под управление своих марионеток. С одной стороны, это было концом существования Тевтонского ордена в его прежней форме. Эпоха его государственного суверенитета завершилась раз и навсегда.

Тевтонский орден сохранился в виде мелких раздробленных владений лишь на территории сильно урезанной монархии Габсбургов — Австрийской империи. Но в то же время французский завоеватель положил конец эпохе троеверия в истории Тевтонского ордена, силою вещей снова превратившегося в чисто католическую организацию (единственным исключением оказался маленький евангелический Утрехтский баляж на территории Голландии, но и он не подчинялся уже не магистру-католику, а голландскому королю-протестанту).

ПОД ЭГИДОЙ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

На протяжении нескольких десятилетий орден почти не пользовался влиянием и, самое главное, существовала большая неопределенность в отношении его правового статуса. Но самое главное — орденское братство сохранилось. После смерти правившего начиная с 1804 г. верховного магистра эрцгерцога Австрийского Антона Виктора в 1835 г. не только был избран гохмейстером его преемник, эрцгерцог Максимилиан Иосиф, но и произошла очередная реорганизация ордена, главной идейной движущей силой которого стал «обновитель Тевтонского ордена» — католический священник брат Петер Ригаер.

С 1809 г. (и по сей день) резиденция ордена Приснодевы Марии находится в столице Австрии — Вене. В 1836 г. Тевтонский орден насчитывал в своих рядах всего лишь 6 братьев-рыцарей и 15 братьев-священников. Наконец, в 1839 г. император Австрии Франц II и его знаменитый государственный канцлер князь Клеменс фон Меттерних создали для ордена новую правовую основу. Орден принял новый устав и в течение последующих 90 лет официально именовался «Тевтонский (Немецкий) Рыцарский орден (нем. Дейчер Ритгерорден, Deutscher Ritterorden)», хотя сокращенно его нередко по-прежнему называли просто Тевтонским орденом. Он превратился, по сути дела, в династический орден Габсбургов. Согласно новому уставу орденские братья обязались избирать верховными магистрами только принцев Габсбургского дома.

И действительно, с тех пор и до 1923 г. Тевтонский рыцарский орден возглавляли эрцгерцоги Австрийские (принцы правящего Габсбургского императорского дома). С 1840 по

1894 г. они носили титул гроссмейстеров (великих магистров) — единственный короткий период за всю более чем 800-летнюю историю ордена Девы Марии, в который его глава носил этот титул, а с 1894 по 1923 г. — снова титул гох-унд-дейчмейстеров (верховных и германских магистров).

Для рыцарей Тевтонского рыцарского ордена под эгидой династии Габсбургов была введена особая орденская форма, напоминавшая военную. Она состояла из белого мундира с глухим черным воротником и черными обшлагами; надевавшегося поверх мундира белого супервеста, с нашитым на груди черным лапчатым орденским крестом с серебряной каймой; белых брюк, заправленных в высокие черные лакированные сапоги с раструбами и с золотыми шпорами; надевавшегося поверх мундира белого плаща-пелерины с черным, окаймленным серебром, лапчатым орденским крестом на левом плече, скреплявшегося на груди золотой цепочкой; черной фетровой шляпы с черно-белой лентой и черно-белым плюмажем из страусовых перьев. На прошитом серебряной нитью черном поясе с серебряной пряжкой, украшенной тевтонским лапчатым крестом, висел меч с узким клинком, в черных кожаных ножнах, с черно-серебряным эфесом. Поверх мундира на черной шелковой ленте висел знак ордена—золотой, покрытый черной эмалью и окаймленный по краям серебром латинский лапчатый крест, увенчанный синим шлемом с золотой решеткой на забрале и пятью страусовыми перьями—тремя черными и двумя белыми. Звезда Тевтонского ордена, носившаяся слева на груди, представляла собой черный лапчатый латинский крест с серебряной каймой.

Гох-унд-дейчмейстер Тевтонского рыцарского ордена носил форму, аналогичную рыцарской, но с геральдическим крестом, соответствующим его сану, на плаще, груди и шейной ленте. После Второй мировой войны ношение этой тевтонской орденской униформы (которую и без того после 1923 г. носили все реже) окончательно вышло из употребления.

В период многочисленных реорганизаций под эгидой членов императорской семьи в составе ордена была постепенно учреждена особая, так называемая «марианская линия» (названная так по упоминавшемуся и употреблявшемуся нами выше одному из древних названий тевтонских рыцарей), задачей которой, как у мальтийцев и иоаннитов в данный период, стала организация добровольной санитарной службы (полевых лазаретов, санитарных колонн и госпитальных поездов).

Учрежденный Габсбургами в 1881 г. особый Марианский крест Тевтонского ордена, почти ничем не отличаясь от обычного — черного с белой окантовкой и расширяющимися концами тевтонского, имел в середине круглый белый медальон с красным крестом, окаймленный латинской надписью «ORDO TEUT. HUMANITATI» («Орден Тевтонского человеколюбия»). Еще одно отличие заключалось в том, что марианский тевтонский крест носился не на черной, а на белой с черными полосками шелковой ленте. В отличие от самого Тевтонского рыцарского ордена Габсбургов, остававшегося по своему составу строго римско-католическим и не допускавшего в свои ряды «инославных», в «марианскую линию» был открыт доступ и протестантам.

В нее был принят в качестве почетного комтура даже германский император Вильгельм II Гогенцоллерн (невзирая на то, что являлся прямым потомком «узурпатора» власти Тевтонского ордена над Пруссией — вероломного гохмейстера Альбрехта фон Гогенцоллерн-Ансбаха!). Надо сказать, что кайзер Вильгельм II весьма гордился своей принадлежностью к Тевтонскому ордену. Будучи одновременно державным протектором (покровителем) протестантской ветви другого — иоаннитского (Мальтийского) ордена (так называемого «Бранденбургского баллея рыцарского ордена госпиталя Святого Иоанна, что в Иерусалиме»), Вильгельм II носил на шее совершенно уникальный, комбинированный знак своей принадлежности к обоим орденам — большой белый восьмиугольный иоаннитский (мальтийский) крест с золотыми коронованными одноглавыми прусскими орлами между лучами и с наложенным на него лапчатым черным, с серебряной каймой и красным крестом в

круглом белом центральном медальоне, комтурским крестом «марианской линии» Тевтонского ордена на белой, с черными полосками, Марианской ленте.

При гохмейстере австрийских тевтонов эрцгерцоге Максимилиане Габсбурге, главным образом благодаря усилиям реформатора ордена Петера Ршлера, брата-священника и профессора богословия, орден Девы Марии был — в очередной раз — подвергнут коренной трансформации. Так, в его рамках был воссоздан институт орденских сестер. Орден по-прежнему принимал в ряды своих братьев-рыцарей представителей благородных родов, но в него также вступало все больше студентов богословия, служащих братьев и так называемых сестер-аспиранток (соискательниц).

Всего за несколько лет при ордене образовалась весьма современная и динамичная для того времени сестринская конгрегация. К 1900 г. на территории Австро-Венгерской, или, как тогда говорили, Дунайской, монархии Габсбургов насчитывалось более 1000 сестер Тевтонского ордена, несших свое служение в 70 орденских госпиталях, больницах, приютах, школах, детских садах и приходах, а кроме того, более 1000 рыцарей, фамилиаров и священников Тевтонского ордена, подобно иоаннитам, занятым главным образом санитарной (госпитальной) службой в условиях как войны, так и мира.

После падения Австро-Венгерской монархии в 1918 г. земельные владения Тевтонского ордена оказались на территории шести государств, поспешивших (за исключением Италии) их присвоить. Гохмейстер (дейчмейстером он себя уже не именовал, в связи с неясностью вопроса, является ли Австрийская республика частью Германии) эрцгерцог Ойген (Евгений) фон Габсбург преобразовал Тевтонский рыцарский орден в чисто духовный, или клерикальный (монашеский), орден, во главе которого с 1923 г., как уже говорилось выше, стоит католический священник. Последнее было связано с намерением не дать новым австрийским республиканским властям конфисковать имущество ордена как — якобы! — часть имущества свергнутой династии Габсбургов. Институт тевтонских братьев-рыцарей был ликвидирован, единственными членами ордена не священнического звания остались фамилиары, из числа которых верховный магистр после Второй мировой войны назначает почетных рыцарей (рыцарей чести).

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН В ЭПОХУ ДИКТАТОРОВ

После аншлюса (включения Австрии в состав национал-социалистической Великогерманской империи) в 1938 г. Тевтонский орден (в отличие, например, от ордена Святого Иоанна Иерусалимского) был запрещен, его имущество конфисковано.

В феврале 1938 г. та же судьба постигла орденскую провинцию в Чехословакии, позднее — в Словении. Тевтонский орден сохранился до конца войны только на территории итальянского Южного Тироля, хотя и там подвергался притеснениям со стороны фашистских властей, но уже по соображениям националистического, а не идеологического порядка. В новой «Римской империи» Муссолини все должно было быть романским, итальянским, и на этом фоне немецкий Тевтонский (пусть даже строго католический, верно преданный римскому папскому престолу) орден воспринимался как явный диссонанс. Тем не менее дуче итальянского фашизма из уважения к папе, с которым фашистская Италия заключила конкордат, оставил небольшие владения Тевтонского ордена в Южном Тироле (аннексированном Италией у Австрии после Первой мировой войны) в неприкосновенности.

Любопытно, что параллельно с притеснениями современного им Тевтонского ордена германские национал-социалисты неустанно воспевали славные деяния средневековых тевтонских рыцарей в Пруссии. Реальный орден был ликвидирован, его священники и монахи лишены средств существования, рыцари занесены в «черные списки». Но усердное идеологическое «каждение» нацистов отцам-основателям преследуемого ими в реальной жизни Тевтонского ордена бросила на последний такую тень, что немало критических стрел

и по сей день летит в него как в — якобы! — предтечу национал-социализма. Все объясняется довольно просто.

Во-первых, властям предрежащим гитлеровского Третьего рейха не нравилась тесная связь католического Тевтонского ордена с папским престолом — ведь еще немецкие «народники»-националисты (*нем.* «фелькише»), в частности генерал Эрих Людендорф, весьма отрицательно относились к «интернациональным» (то есть, по их убеждению, антинациональным) силам — католицизму (в первую очередь — иезуитам, но не только!), франкмасонству, марксизму и международному еврейству.

Во-вторых, Тевтонский орден к описываемому времени полностью утратил свой прежний боевой дух, превратившись в чисто бутафорскую организацию — нечто вроде нашего современного Союза хоругвеносцев (только не православного, а римско-католического).

В-третьих, у германского национал-социалистического руководства существовал план учредить свой собственный «Орден за заслуги перед нацией» под названием «Дейчер Орден» (*нем.* Deutscher Orden), то есть «Немецкий (Тевтонский) орден», по форме весьма напоминавший тевтонский лапчатый крест, но с добавлением круглого центрального медальона в виде партийного значка НСДАП со свастикой, скрещенных мечей, дубовых листьев и одноглавого гитлеровского орла с распростертыми крыльями.

Таким образом, речь шла об откровенной спекуляции национал-социалистов на истории средневековой прусской ветви Тевтонского ордена, трактовавшейся нацистскими идеологами (особенно Альфредом Розенбергом) как история «бастиона арийского христианства против натиска международного скопища недочеловеков».

С учетом этого плана совершенно понятным становится стремление национал-социалистического режима ликвидировать организацию, именуемую Немецким (Тевтонским) орденом по праву. Плохую службу «кавалерам Пресвятой Девы Марии» сослужило и еще одно обстоятельство. В период Веймарской республики (1918—1933) в Германии существовали следующие три организации, которые путали (и нередко продолжают путать по сей день!) с историческим (или головным) Тевтонским (Немецким) орденом из-за сходных названий и сходной символики:

1) основанный еще до Первой мировой войны тайный союз «Германен-Орден» (Германский орден), в который входило, между прочим, ариософское общество «Туле», из недр которого, по утверждениям некоторых современных «конспирологов», якобы вышла НСДАП (что, впрочем, представляется весьма сомнительным);

2) Союз бойцов белых добровольческих корпусов, боровшихся против германских большевиков в 1918—1923 гг., под названием «Немецкий (Тевтонский) орден» («Дейчер Орден»), не имевший с историческим римско-католическим Тевтонским (Немецким) орденом ничего общего, кроме названия и эмблемы — белого щита с прямым черным крестом;

3) основанная офицером-фронтовиком, ветераном белого добровольческого корпуса и «консервативным революционером» Артуром Марауном в 1919 г. правая националистическая организация «Младонемецкий (Младотевтонский) орден», по-немецки «Юнгдейчер Орден», сокращенно «Юнгдо».

«Орденские братья» марауновского «Юнгдо» носили значки в форме белого щитка с черным крестом (но не «классической» тевтонской, а мальтийской формы, с «ласточкиными хвостами» на концах), а «орденские сестры» — такие же значки (но с трехлучевыми крестами). Знамя «Юнгдо» представляло собой белое полотнище с черным мальтийским крестом. Возведя сам себя в сан верховного магистра учрежденного им «Младотевтонского ордена», Артур Мараун пользовался внутри ордена непререкаемым авторитетом, опираясь на свои собственные капитулы, бальяжи и комтуров, скопированных со старого (головного) Тевтонского ордена.

Поскольку экстремистские политические организации, преследующие сходные цели, наиболее яростно борются не с главным, идеологическим врагом, а друг с другом (как это происходило до недавних пор и в нашем многострадальном Отечестве), гитлеровская партия НСДАП и «Младотевтонский орден» друг друга на дух не выносили, но тем не менее сходство между ними было во многом разительным, как, впрочем, и сходство с коммунистами. Не зря ведь товарищ Сталин говорил о своей Коммунистической партии, как об «ордене меченосцев», а рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер о своей «черной гвардии» как об «ордене нордических мужей» (с его легкой руки СС и стали называть «Черным орденом»). После прихода Гитлера к власти «Младотевтонский орден» был распущен, а сам Артур Мараун арестован и заключен в концентрационный лагерь.

Между тем высшие партийные школы НСДАП (но не юнкерские училища СС!) размещались в орденских замках (орденсбургах). Для вскармливания новой элиты в Третьем рейхе были созданы орденские замки Крессинзее, Зонтгофен и Фогельзанг (Фогельзангом, кстати, назывался первый замок средневекового Тевтонского ордена, построенный в свое время «марианами» в Кульмской земле). Национал-социалистические функционеры, прошедшие обучение в орденских замках, получали почетное право носить над обшлагом правого рукава своего коричневого партийного мундира манжетную ленту (*нем.* «эрмельштрейфен») с названием замка, в котором они обучались, выполненным готическими литерами.

В своей речи, произнесенной в 1936 г. в орденском замке нацистов Зонтгофен, Адольф Гитлер провозгласил свою партию — НСДАП — «политическим орденом». Он подчеркнул, что «партия должна представлять собой орден, который должен гарантировать стабильность формирования немецкой воли и потому обеспечивать стабильность политического руководства».

А в другой своей речи, произнесенной в документальном фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», фюрер Третьего рейха заявил: «В будущем партия займется отбором руководящих кадров для народа. В своем учении она будет постоянной, в своей организации — твердой, как сталь, в своей тактике — гибкой и эластичной. В целом она будет подобна ордену».

В бывшей резиденции гохмейстеров Тевтонского ордена — замке Мариенбург-на-Ногате — при Гитлере происходил торжественный прием немецких школьников в члены гитлерюгенда (организации гитлеровской молодежи). Но вины подлинных, исторических, тевтонских рыцарей во всем этом нет.

Они повинны в этом не больше, чем, скажем, строитель Московского Кремля Аристотель Фиораванти, зодчий Покровского собора Барма Постник и создатель возведенного на Красной площади памятника гражданину Минину и князю Пожарскому скульптор Иван Мартос — в том, что на фоне этих дорогих всякому русскому сердцу святынь «юные пионеры-ленинцы» десятилетиями беззаветно клялись «быть всегда готовыми к борьбе за дело Коммунистической партии» перед Мавзолеем «доброго дедушки Ленина».

Тем не менее немногие уцелевшие в Богемии и Моравии, Словении и Хорватии члены исторического Тевтонского ордена не избежали репрессий коммунистических властей, видевших в них «предшественников и идейных вдохновителей германского нацизма». Так, от безбожных властей пострадал гохмейстер тевтонов брат Роберт Шелцкий, скончавшийся в коммунистическом узилище в 1948 г. как мученик за Христа и Его Пречистую Матерь.

ФАЗА ТЕНЕБРАЦИИ

После окончания Второй мировой войны началось постепенное возрождение Тевтонского ордена — сначала в Австрии (уже в 1945 г.) и одновременно — после 145-летнего перерыва — в Германии, а после «бархатных революций» в Восточной Европе — также в Чехии, Словакии, Хорватии и Словении. В настоящее время он носит официальное

название «Братья Немецкого (Тевтонского) Странноприимного Дома Святой Марии, что в Иерусалиме» (Fratres domus hospitalis Sanctae Mariae Teutonicorum in Jerusalem), сокращенно «Немецкий (Тевтонский) орден» (Ordo Teutonicorum или просто ОТ).

Резиденция гохмейстера находится в Вене по адресу: Штернгассе, 7. Сегодня бывшее духовно-рыцарское братство представляет собой чисто клерикальный (духовный) орден, костяк которого составляют клирики, или священники. В эту мужскую ветвь инкорпорирована конгрегация сестер Тевтонского ордена, полное название которой — «Сестры Немецкого (Тевтонского) Дома Святой Марии, что в Иерусалиме». Высшими руководителями (их уже не называют гекитигерами!) обеих ветвей ордена являются одни и те же лица. В Тевтонский орден афиллирован и упоминавшийся нами выше, состоящий из мирян институт фамилиаров.

После VI Ватиканского собора папа римский Павел VI даровал гохмейстеру Тевтонского ордена право носить в особо торжественных случаях епископскую митру и посох, уравнивая его «по чести» с кардиналами-архиепископами Римско-католической церкви. В обычное время верховный магистр современных тевтонов носит черную сутану с металлическим тевтонским гохмейстерским крестом напротив сердца, поверх которой в дни двенадцатых церковных праздников и на различных официальных мероприятиях (например, при освящении орденских больниц, госпиталей, учебных и благотворительных заведений и т.д.) гохмейстер надевает белый орденский плащ со своим должностным гербовым крестом на левом плече. Совсем недавно, в 2008 г., был обретен считавшийся утраченным с 1938 г. парадный шейный крест гохмейстера Тевтонского рыцарского ордена, украшенный бриллиантами, — подарок австрийского императора Франца-Иосифа I.

Организационная структура современного монашеского Тевтонского ордена («Братьев Немецкого Дома Святой Марии, что в Иерусалиме», нем. Brüder vom Deutschen Haus St. Marien in Jerusalem) выглядит следующим образом.

Во главе ордена Девы Марии, как и в былые времена, стоит верховный магистр (монашеского звания).

Совещательным органом при верховном магистре является Генеральный совет (Генеральрат).

Кроме гохмейстера, постоянными членами Генерального совета Тевтонского ордена являются:

- 1) генеральный прокуратор;
- 2) четыре генеральных советника;
- 3) генеральный секретарь;
- 4) генеральный эконом;
- 5) генеральная ассистентка;
- 6) ассистентка;
- 7) эксперт от института фамилиаров Тевтонского ордена.

Генеральный прокуратор постоянно пребывает в Риме в качестве посла Тевтонского ордена при Римском Апостольском (папском) престоле.

Генеральный секретарь является административным уполномоченным верховного магистра по текущей управленческой работе и заместителем гохмейстера в случае болезни последнего.

Генеральный эконом отвечает за финансовые вопросы и вопросы логистики.

Генеральная ассистентка и ассистентка представляют в Генеральном совете интересы сестринской службы Тевтонского ордена.

Генеральные советники представляют интересы орденских провинций.

Эксперт от института фамилиаров представляет интересы фамилиаров Тевтонского ордена.

Наряду с Генеральным советом в орденской структуре существуют Литургическая комиссия (Комиссия по литургии) и Комиссия собственного права Тевтонского ордена.

В настоящее время существуют пять тевтонских орденских провинций:

- 1) Италия (25 священников, 2 клирика, 1 кандидат и 9 служащих братьев);
- 2) Германия (8 священников, 4 клирика, 3 послушника, 2 кандидата и 1 служащий брат);
- 3) Австрия (6 священников, 2 клирика и 1 служащий брат);
- 4) Словения (6 священников);
- 5) Чехословакия (3 кандидата), несмотря на разделение бывшей ЧССР на два государства — Чехию и Словакию.

Таким образом, в Тевтонском ордене в настоящее время состоят всего 72 орденских брата. Орденские сестры также распределены по всем пяти провинциям:

Германия (128), Италия (87), Австрия (41), Словения (29), Чехословакия — 23 — всего 308 орденских сестер.

Фамилиары Тевтонского ордена распределены по трем балле-ям — Германия, Австрия и Южный Тироль, а также по двум ком-туриям (комтурствам) — Рим и Альтенбизен (Бельгия). В Германии существует восемь комтурств, в Австрии—два. Всего в мире насчитывается 954 фамилиара и 7 почетных рыцарей (рыцарей чести) Тевтонского ордена.

В свое время фамилиаром Тевтонского ордена являлся, например, такой известный германский политический и общественный деятель, как министр обороны ФРГ, лидер «Христианско-социального союза» (ХСС, баварского филиала общегерманской партии «Христианско-Демократический Союз», ХДС) и многократный премьер-министр Баварии Франц-Йозеф Штраус. Сохранилось немало фотографий Ф.-Й. Штрауса в тевтонском орденском плаще (кстати, Штраус в этом плане отнюдь не являлся белой вороной среди западногерманских политиков — первый федеральный канцлер послевоенной Германии Конрад Аденауэр был почетным рыцарем Тевтонского ордена и рыцарем ордена Святого Гроба Господня, федеральный президент Любке — рыцарем ордена Христа и т.д.).

Фамилиары Тевтонского ордена в Германии, по юридически-экономическим соображениям, учредили и зарегистрировали как самостоятельную общественную организацию Союз немецких (тевтонских) господ — друзей и спонсоров Немецкого (Тевтонского) ордена (*нем.* Deutschherrenbund der Freunde und Foerderer des Deutschen Ordens).

В Германии фамилиары при приеме в орденское семейство одновременно принимаются и в эту общественную организацию. Но друзья Тевтонского ордена могут вступить в нее, даже не являясь фамилиарами.

1 мая 2002 г. германский аристократ принц Карл-Фридрих Саксен-Альтенбургский (объявив себя германским императором де-юре под именем «Его Императорского и Королевского (?) Величества Карла-Фридриха Германского (фон Дейчланд), провозгласил себя 60-м верховным магистром Тевтонского ордена, восстановив рыцарский (кавалерский) характер последнего. Его Тевтонский орден, гербом которого служит двуглавый орел «Священной Римской империи», увенчанный габсбургской короной Императоров Австрии над черным, с серебряной каймой, лапчатым тевтонским крестом, официально именуется «Имперским Тевтонским орденом» (*англ.* The Imperial Teutonic Order). В качестве должностного герба этот гофмейстер использует средневековый герб гофмейстеров Тевтонского ордена (единственное отличие заключается в том, что черный орел на золотом сердцевом щитке гофмейстерского креста «вооружен» красным клювом и лапами, как орел на

гербе современной ФРГ). Папский престол пока что этот орден не признал, современный монашеский Тевтонский орден также не поддерживает с рыцарским братством «Карла-Фридриха Германского» никаких отношений (по крайней мере, официально)...

Здесь конец и Богу нашему слава!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК ВЕРХОВНЫХ МАГИСТРОВ (ГОХМЕЙСТЕРОВ) НЕМЕЦКОГО (ТЕВТОНСКОГО) ОРДЕНА

1. Братство немецких странноприимцев

Резиденция — Аккон (Акра, Сен-Жан д'Акр, Птолемаида) в Палестине (до 1230 г.)

Сибранд (Сигибрант, Зибранд, Зигебрант) 1190

Герард 1192

Генрих, приор 1193—94

Ульрих 1195

Генрих, прецептор 1196

2. Рыцарский (военный) орден

Генрих (Герман) Вальпот (Вальпото, Вальпоте, Вальботе) 1198—1200

Отто фон Керпен 1200—1208

Генрих (Герман, Герберт) фон Тунна по прозвищу Барт 1208—1209

Герман фон Зальца 1209—1239

Резиденция — замок Монфор/Штаркенберг в Палестине (1230—1271)

Конрад Тюрингский 1239—1240

Герхард фон Мальберг (смещен рыцарями) 1240—1244

Генрих фон Гогенлоэ (Годефридус Гоэлох) 1244—1249

Гунтер фон Вюллерслебен 1249—1252

Поппо фон Остерн(а) 1252—1256

Анно фон Зангерсгаузен 1256—1273

Резиденция — Аккон (Акра, Сен-Жан д'Акр) (1271—1291)

Гартман фон Гельдрунген 1273—1282

Бурхард фон Швенден (Бургардус де Сванден) 1282—1290

Резиденция — Венеция (1291—1309)

Конрад фон Фейхтванген 1291—1296

Готфрид фон Гогенлоэ 1297—1303

Зигфрид фон Фейхтванген (Сифридус де Фугкванген) 1303—1311

Резиденция — Мариенбург в Пруссии (1309—1457)

Карл фон Трир (Каролус де Тревери) 1311—1324

Вернер фон Орзельн (убит братом-рыцарем) 1324—1330

Лютер фон Брауншвейг 1331—1335

Дитрих фон Альтенбург (Теодорикус де Альтенбург) 1335—1341

Лудольф Кениг 1342—1345 Генрих Дуземер 1345—1351

Винрих фон Книпроде 1352—1382

Конрад Цельнер фон Ротенштейн 1382—1390
Конрад фон Валленроде 1391—1393
Конрад фон Юнгинген 1393—1407
Ульрих фон Юнгинген (убит при Танненберге) 1407—1410
Генрих фон Плауэн (смещен рыцарями) 1410—1413
Михаэль Кюхмейстер 1414—1422
Пауль фон Русдорф 1422—1441
Конрад фон Эрлихсгаузен 1441—1449
Резиденция — Кенигсберг в Восточной Пруссии (1457— 1525)
Людвиг фон Эрлихсгаузен 1450—1467
Генрих Рейс фон Плауэн 1469—1470
Генрих Реффле фон Рихтенберг 1470—1477
Мартин Трухзес фон Ветцгаузен 1477—1489
Иоганн фон Тифен 1489—1497
Фридрих Саксонский (фон Заксен) 1498—1510
Альбрехт Гогенцоллерн фон Бранденбург-Ансбах 1511— 1525
Резиденция — Мергентсхайм во Франконии (1525—1809)
Вальтер фон Кронберг 1527—1543
Вольфганг Шуцбар по прозвищу Мильхлинг 1543—1566
Георг Гунд фон Венкгейм 1566—1572
Генрих фон Бобенгаузен 1572—1590/95
Максимилиан Австрийский 1590/95—1618
Карл Австрийский 1619—1624
Иоганн Евстахий (Ойстах) фон Вестернах 1625—1627
Иоганн Каспар фон Стадион (Штадион) 1627—1641
Леопольд Вильгельм Австрийский 1641—1662
Карл Иосиф Австрийский 1662—1664
Иоганн Каспар фон Ампринген 1664—1684
Людвиг Антон фон Пфальц-Нейбург 1684—1694
Франц Людвиг фон Пфальц-Нейбург 1694—1732
Клеменс Август Баварский (фон Байерн) 1732—1761
Карл Александр Лотарингский (фон Лотринген) 1761—1780
Максимилиан Франц Австрийский 1780—1801
Карл Людвиг Австрийский 1801—1804
Резиденция — Вена в Австрии (начиная с 1809 г. и по сей день)
Антон Виктор Австрийский 1804—1835
Максимилиан Иосиф Австрийский д'Эсте, верховный и германский магистр (гох-унд дейчмейстер) 1835—1840.
Он же, с титулом великого магистра (гроссмейстера) 1840—1863
Вильгельм Австрийский, великий магистр 1863—1894
Евгений (Ойген) Австрийский, последний верховный и германский магистр (гох-унд дейчмейстер) 1894—1923

3. Духовный (монашеский) орден

Доктор Норберт Клейн 1923—1933
Пауль Гейдер 1933—1936
Роберт Шелцкий 1936—1948
Доктор Мариан Тумлер 1948—1970
Ильдефонс Паулер 1970—1988
Аббат доктор Арнольд Отмар Виланд 1988—2002
Аббат Бруно Платтер 2002 — по настоящее время

Приложение 2

БОЕВАЯ ПЕСНЯ БРАТЬЕВ ОРДЕНА ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ ТЕВТОНСКОЙ

Оригинальный немецкий текст этой тевтонской орденской песни-псалма, сочиненной в XIII в., мы даем в том виде, в каком она вошла в так называемый «Глогауский песенник» (нем. «Глогауэр Лидербух», Glogauer Liederbuch), датируемый 1480 г.: Christ ist erstanden Von der Marter alle.

*Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein.
Kyrieleis.
Waer er nicht erstanden,
So waer die Welt vergangen,
Seit dass er erstanden ist,
So lobn wir den Vater Jesu Christ.
Kyrieleis.
Halleluja,
Halleluja,
Halleluja.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein —
Kyrieleis.*

Перевод на русский язык:

*Христос Воскресе
После всех мучений.
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.
Кирие элейсон (греч. Господи, помилуй)!
Если бы Он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Кирие элейсон!
Аллилуия (Хвалите Бога),
Аллилуия,
Аллилуия!
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Кирие элейсон!*

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Агрономов А. Джихад. «Священная война» мухаммедан. М., 2002.
- Адаменко Д. Под сенью двуглавого орла // Империя истории 4/2006.
- Акунов В. Краткая история военно-духовных орденов // Гербоведъ № 56 (2/2002).
- Акунов В. «Псы-рыцари» или кавалеры Девы Марии? // Рейтар № 1 (2003).
- Акунов В. История крестоносных государств в Святой земле // Рейтар № 9 (6/2004), № 10 (7/2004), № 11 (8/2004), № 12 (9/2004), № 13 (1/2005), № 14 (2/2005).
- Акунов В. Тевтоны в Ливонии // Рейтар № 10 (7/2004), № 15 (3/2005).
- Акунов В. «Дева Мария» против «Богородицы» // Рейтар № 15 (3/2005).
- Акунов В. Твердыни рыцарей Христовых // Рейтар № 16 (4/2005).
- Акунов В. «Железные змеи» тевтонов // Рейтар № 16 (4/2005).
- Акунов В. Вооружение гуситов // Рейтар № 18 (6/2005).
- Акунов В. «Погонь» на Танненберг // Рейтар № 19 (7/2005).
- Акунов В. Мифы Танненберга // Гербоведъ № 84 (6/2005).
- Акунов В. История Железного Креста // Рейтар № 21 (9/2006).
- Акунов В. «Погонь» на Танненберг. Геральдика польско-литовско-русского войска в битве под Танненбергом // Гербоведъ № 91 (5/2006).
- Акунов В. Божии дворяне. СПб., 2006.
- Акунов В. К истории орденского облачения тевтонов // Рейтар № 36 (3/2007).
- Акунов В. Клейноды на шлемах тевтонских рыцарей // Гербоведъ № 94 (2/2007).
- Акунов В. Рыцарские ордены // Рейтар № 46 (4/2009).
- Акунов В., Захаров В. Духовно-рыцарские ордены // Рыцарский Клуб. Выпуск 1. М., 2002.
- Амельченко В. Древнерусские рати. М., 2004.
- Андреев А. Монашеские ордена. М., 2001.
- Богданов А. Ледовое побоище или союз Европы? // Воин. № 7, Самара, 2004.
- Богданов А. Ледовое побоище // Рейтар № 26 (2/2006).
- Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004.
- Бредис М. Гибель ордена Меча. М., 2004.
- Васин 77. Ледовое побоище 1242 г. — реконструкция русских и орденских воинов // Воин № 3. Самара, 2001; Воин № 4. Самара, 2001.
- Виймар 77. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2003.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.
- Губин А., Строкин В. Крепости и замки Восточной Пруссии. Калининград, 2006.
- Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб., 2007.
- Доманин А. Крестовые походы. Под сенью креста. М., 2003.
- Елисеев А., Бычков Р. Опричный орден. Александровская слобода, 2005.
- Житие Александра Невского / Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969.
- Заборов М. Крестовые походы. М., 1956.
- Заборов М. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

- Заборов М. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- Захаров В., Акунов В. Краткая история военно-духовных рыцарских орденов / Тайны, скрытые забралом. М., 2002.
- Иоанн Грозный. Pro et contra. Александровская слобода, 2003.
- История боевых искусств. Колыбель цивилизаций / Под ред. Панченко Г. М., 1997.
- История Крестовых походов. Под ред. Райли-Смита Д.). М., 1998.
- Каргалов В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989.
- Кибовский А. Ледовое побоище. М., 1999.
- Кирпичников А. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников А. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск. Новые изыскания // Цейхгауз № 6/1997.
- Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы под ред. Бегунова Ю. и Кирпичникова А. СПб., 1995.
- Ключевский М. Курс русской истории. М.—Пг., 1916—1918.
- Куглер Б. История Крестовых походов. Ростов-н/Д., 1996.
- Лависс Э., Рамбо А. Эпоха Крестовых походов. Смоленск, 2001.
- Ларионов В. Витязи Святой Руси. М., 2004.
- Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л., 1966.
- Малкин С., Еремин Е. К вопросу о стратегии и тактике Тевтонского ордена в Пруссии и Литве в XIII—XIV вв.// PARA BELLUM № 25 (2005).
- Маневич Л. Русь и меченосцы // Рейтар № 17 (5/2005).
- Марков И. История конницы. Тверь, 1896.
- Матузова В., Назарова Е. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М., 2002.
- Машке Э. Немецкий орден. СПб., 2003.
- Мишо Г. История Крестовых походов. СПб.—М., 1884.
- Мишо Ж. Ф. История Крестовых походов. М., 2005.
- Морской А., Квитковский Ю. Воины Средневековья. Рыцари Креста. Выпуск 1. М., 2007.
- Наградные ордена / Тайны, скрытые забралом. М., 2002.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Осокин Н. История альбигойцев и их времени. М., 2003.
- Пашуто М. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1964.
- Пашуто В. Александр Невский. М., 1974.
- Перну Р. Крестоносцы. М., 2008.
- Перхавко В., Сухарев Ю. Воители Руси IX—XIII вв. М., 2006.
- Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.
- Печников Б. Рыцари Церкви — кто они? М., 1991.
- Полное собрание русских летописей. Т. III, XVIII. СПб., 1841—1921.
- Разин Е. История военного искусства. Т. П, М., 1957.
- Руа Ж. История рыцарства./Тайны, скрытые забралом. М., 2002.
- Рыбаков Б. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- Серебрянский Л. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Снисаренко А. Рыцари удачи. Хроники европейских морей. СПб., 1991.

- Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1956.
- Успенский Ф. История Крестовых походов. СПб., 2000.
- Федоров-Давыдов А. Крестовые походы / Тайны, скрытые забралом. М., 2002.
- Шаскольский И. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1976.
- Шестаков А. Юго-Восточная Прибалтика. XIII. Хроника событий // Рейтар № 37 (4/2007).
- Шкрабо Д. «Свинья» и немецкие конные клинья XIII—XV веков // PARA BELLUM № 1 (21) 2004.
- Шпаковский О., Галигулова Е. Ледовое побоище 1270 г. // Воин № 5. Самара, 2001.
- Щербаков А., Дзысь И. Ледовое побоище. М., 2001.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА НЕМЕЦКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, ПОЛЬСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

- 800 Jahre Deutscher Orden. Ausstellung des Germanischen Nationalmu-seums Nuernberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des Deutschen Ordens. Guetersloh/Muenchen 1990.
- Bludau A. Oberland, Ermeland, Natangen und Barten. Stuttgart, 1904.
- Boockmann H. Der Deutsche Orden. Zwoelf Kapitel aus seiner Geschich-te. Muenchen, 1994.
- Das Deutsch-Ordens-Haus zu Wien. Von den Anfaengen des Ordens im Jahre 1190 bis heute. Wien. 6/r.
- Der Deutsche Orden und seine Kirche in Frankfurt-Sachsenhausen. Frankfurt, 1990.
- Du Puis P. Histoire de l'Ordre militaire des Templiers. Bruxelles, 1751.
- Fuhrmann R. Der Deutsche Orden. Von Akkon bis zsum Baltikum. Die Armee 1198—1420. Hamburg-Berlin, 2008.
- Helpen und heilen. 800 Jahre Deutscher Orden. 25 KJahre Heim St. Elisabeth. Windischeschenbach, 1990.
- elyot H. Ausfuehrliche Geschichte aller geistlichen und weltlichen Klo-ster- und Ritter-Orden, Bd.3, Leipzig, 1754.
- Isolt G., Fuhrmann R. Tannenberg 1410. Berlin 2008.
- MilitzerK. Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 2005. Muczkowski J. Wiadomoszo resopismach histoty Dlugosza, jego bande-ria Prutenorum et insignia seu cleinoda Regni Polonici, Krakow, 1851. Nicolle D. Raiders of the Ice War.//Military Illustrated N 94.
- Pemoud R. Die Kreuzzuege in Augenzeugenberichten. Fribourg, 1961. PoertnerR. Operation Heiliges Grab. Duesseldorf-Wien, 1977. Regularien und Statuten des Ordo Militaris Teutonicus Levantis. 1993. Tumler M. Der Deutsche Orden. Von seinem Ursprung bis zur Gegenwart. Kevelaer, 1981.
- Turnbull S., Hook R. Tannenberg 1410. Disaster fort he Teutonis Knights. China, 2003.
- Wise T., Embleton G. Armies of the Crusades. London, 1978.
- Wise T., Scollins R. The Knights of Christ. London, 1984.
- Zimmerling D. Der Deutsche Ritterorden. Muenchen, 1999.
- ZweckA. Masuren, eine Landes- und Volkskunde. Stuttgart, 1900. ZweckA. Samland, Pregel- und Frischingthal. Eine Landes/ und Volkskunde. Stuttgart, 1902.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

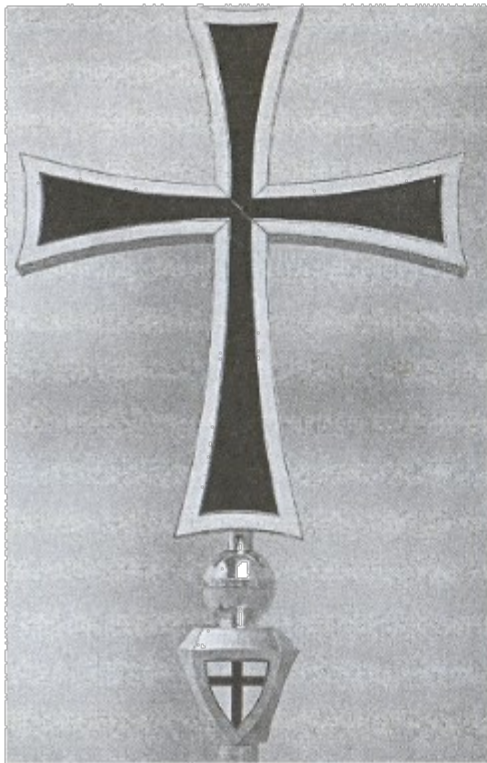

Покровительница Тевтонского ордена Пресвятая Дева Мария с тимпана орденского храма в г. Граце (Австрия)

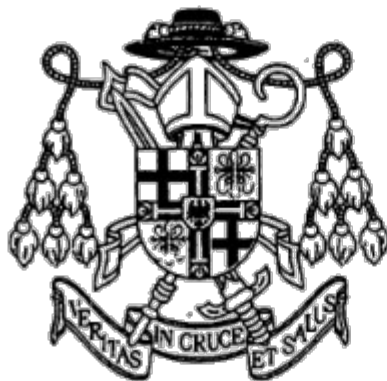

Тевтонский брат-рыцарь из «Манессийского песенного сборника» XIII в.

*Крест и герб Тевтонского ордена на
церемониальном кресте верховного
магистра*

HOCHMEISTER DES DEUTSCHEN ORDENS

*Большой герб верховного магистра
Тевтонского ордена на официальном
бланке*

HOCHMEISTER DES DEUTSCHEN ORDENS

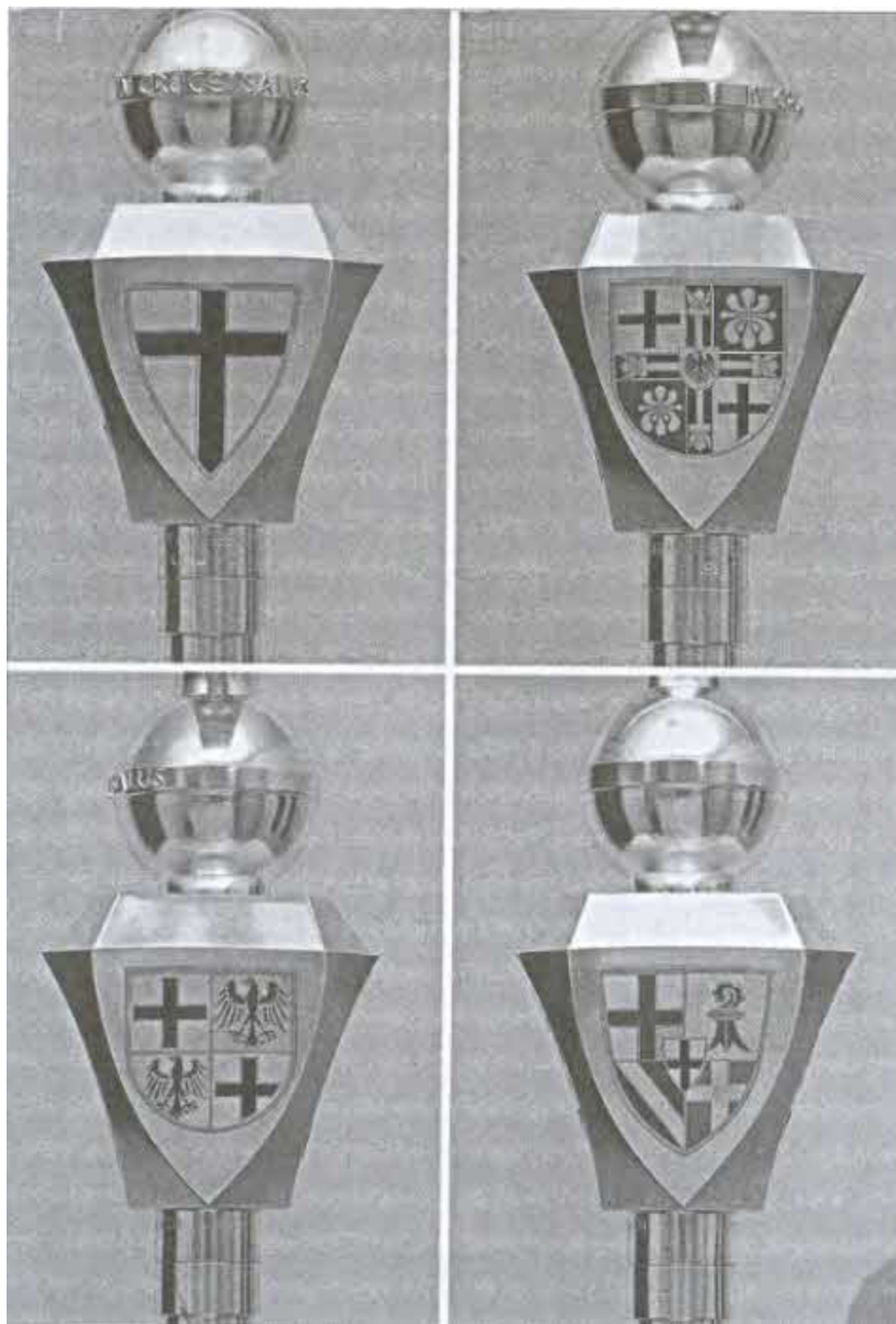
*Герб Верховного магистра
Тевтонского ордена
на официальном бланке*

DIPL.-HEILPÄD.
BRUNO TILTMANN
STIFTSDIREKTOR ST. MARIEN

DO ALTENHILFE GMBH · WOHNSTIFT ST. MARIEN
NEUSTRASSE 3-15 · 47623 KEVELAER
TELEFON: (0 28 32) 5 00 61-62 · TELEFAX: 79 95 87

*Визитная карточка современного
члена Тевтонского ордена*

Четыре грани навершия посоха верховного магистра Тевтонского ордена

Папа римский дарует Тевтонскому ордену черный крест на первоначально белый стяг ордена

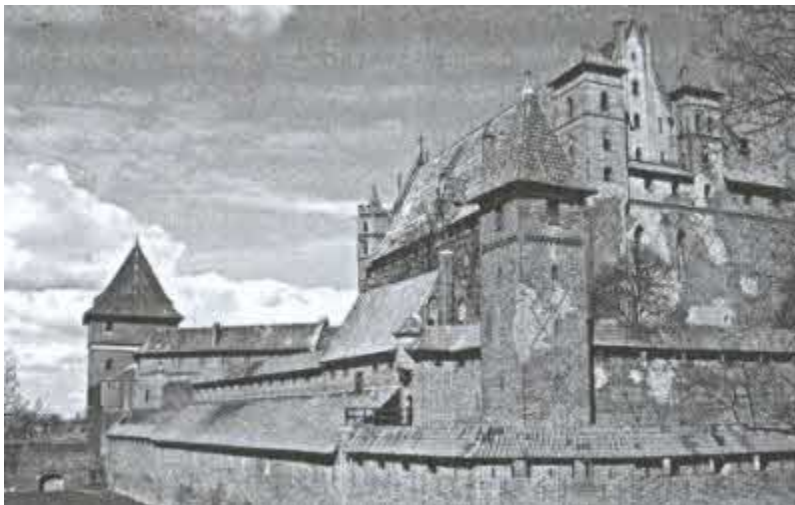
Император Фридрих II дарует Тевтонскому ордену имперского орла на герб и стяг

Гохмейстер Тевтонского ордена ландграф Конрад Тюрингенский

Замок Венден (Цесис) — резиденция верховных магистров Тевтонского ордена в Ливонии (Лифляндии)

Мариенбург — резиденция верховных магистров Тевтонского ордена в Пруссии

*Брат-рыцарь. Из «Устава
Тевтонского ордена» 1606 г.*

*Брат-священник. Из «Устава
Тевтонского ордена» 1606 г.*

*Гохмейстер Тевтонского ордена
Максимилиан I Австрийский*

*Гохмейстер Тевтонского ордена
Карл-Александр Лотарингский*

*Гохмейстер Тевтонского ордена
Альбрехт Бранденбургский —
основатель светского прусского
государства*

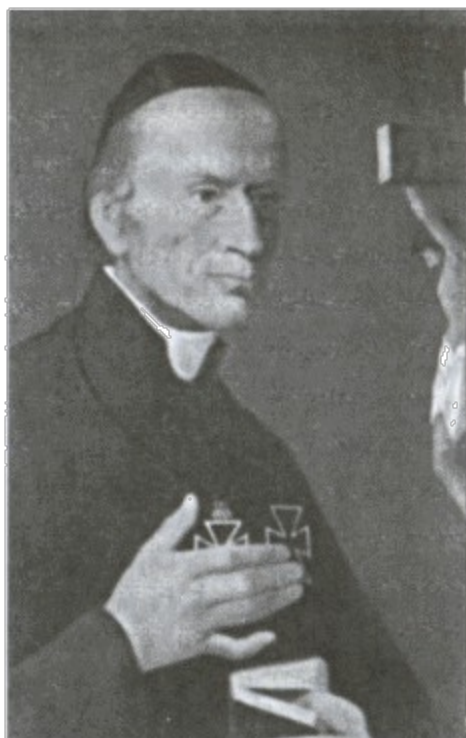
*Гохмейстер Тевтонского ордена
Вальтер фон Кронберг*

*Гохмейстер Тевтонского ордена
Максимилиан II Франц Австрийский*

*Нагрудный крест Гохмейстера
Тевтонского ордена (XVI в.)*

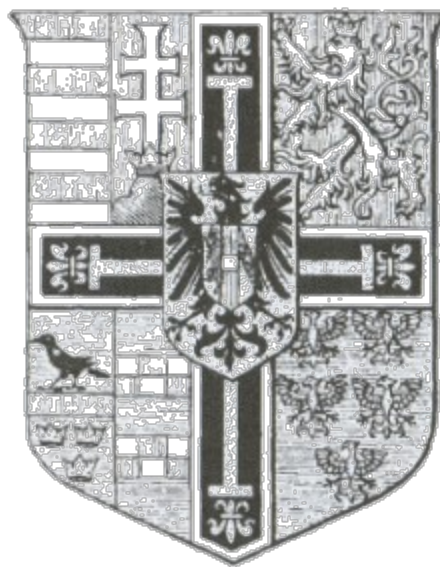
*«Духовный обновитель»
Тевтонского ордена брат-
священник Петер Риглер*

*«Светский обновитель»
Тевтонского ордена эрцгерцог
Максимилиан Габсбург д'Эсте*

*Гохмейстер Тевтонского ордена
Евгений Австрийский*

*Герб Гох-унд-Дейчмейстера
(эрцгерцога из династии
Габсбургов)*

Полк Гох-унд-Дейчмейстер

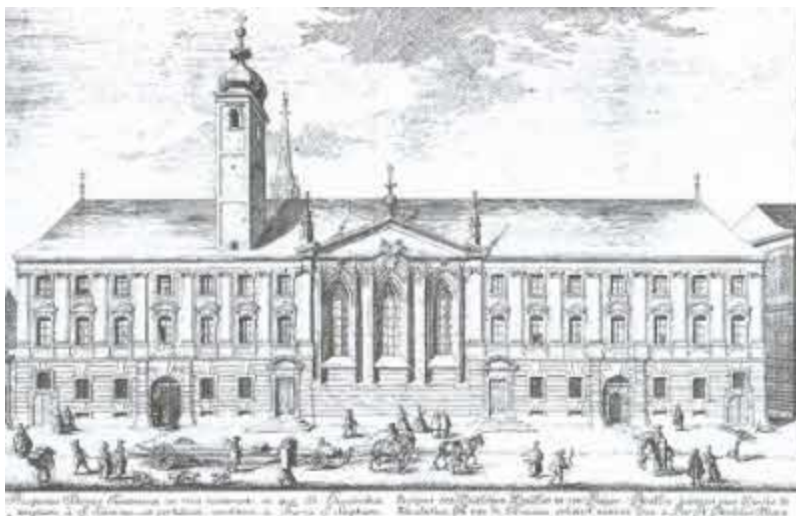
*Значок на головной убор полка
Гох-унд-Дейчмейстер.
Довоенный образец*

*Значок на головной убор полка Гох-
унд-Дейчмейстер. Образец 1917 г.*

Эрцгерцог Вильгельм Австрийский, Верховный магистр Тевтонского ордена

Церковь Тевтонского ордена в Вене

Генеральный капитул Тевтонского ордена в Вене. 1929 г.

Процессия священников Тевтонского ордена

Процессия фамильяров Тевтонского ордена

Верховный магистр Тевтонского ордена со свитой

Рукоположение брата-священника Тевтонского ордена

Посвящение в фамильяры Тевтонского ордена

• История орденов и тайных обществ •

Немецкому ордену Пресвятой Девы Марии, более известному у нас под названием Тевтонского (а также под совершенно фантастическим названием «Ливонского ордена», никогда в истории не существовавшего), в отечественной историографии, беллетристике и кинематографии не повезло. С детства почти всем запомнилось выражение «псы-рыцари», хотя в русских летописях и житиях благоверных князей — например, в «Житии Александра Невского» — этих «псов» именовали куда уважительней: «Божии дворяне», «слуги Божии», «Божии ригори», то есть «Божии рыцари». При слове «тевтонский» сразу невольно напрашивается ассоциативный ряд — «Ледовое побоище», «железная свинья», «колыбель агрессивного прусско-юнкерского государства» и, конечно же, — «предтечи германского фашизма». Этот набор штампов при желании можно было бы продолжать до бесконечности. Что же на самом деле представляли собой «тевтоны»? Каковы их идеалы, за которые они готовы были без колебаний отдавать свои жизни? Пришла наконец пора отказаться от штампов и попытаться трезво, без эмоций, разобраться, кто такие эти страшные «псы-рыцари, не похожие на людей».

Книга издана в авторской редакции.

ISBN 978-5-9533-5257-4

